

РОССИЯ В НАУЧНОМ
И КУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

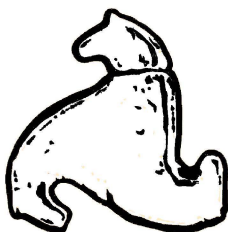

ПЕРМИСТИКА 18:

Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками

Посвящается 140-летию выхода из печати книги Б. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній»

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка
и литературы» УдмФИЦ УрО РАН
Межрегиональная общественная организация
«Всеудмуртская ассоциация "Удмурт Кенеш"»
Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики

ПЕРМИСТИКА 18

Диалекты и история пермских языков
во взаимодействии с другими языками

Сборник статей

Часть 1

Ижевск

2020

УДК 811.511.1(063)

ББК 81.2(Рос)

П 28

Редакционная коллегия:

д. филол. н. В. К. Кельмаков, к. филол. н. О. Б. Стрелкова (отв. ред.),
к. филол. н. Г. А. Глухова, к. филол. н. Н. В. Ильина,
к. филол. н. Т. А. Краснова, к. филол. н. М. А. Самарова,
А. Ф. Семёнов (тех. ред.).

П 28

ПЕРМИСТИКА 18: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сборник статей в 2-х частях: Часть 1. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», Институт компьютерных исследований, 2020. – 260 с.

ISBN 978-5-4344-0906-3

Сборник статей составлен по материалам XVIII Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященного 100-летию государственности Удмуртии и 140-летию выхода из печати книги Б. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній».

Предназначается для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, учителей общеобразовательных школ Удмуртской и Коми Республик и Пермского края, а также для специалистов в области финно-угроведения и уральской филологии.

УДК 811.511.1(063)

ББК 81.2(Рос)

ISBN 978-5-4312-0845-4

ISBN 978-5-4344-0906-3 (часть 1)

© Коллектив авторов, 2020

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Антал Г. (Antal G.) (<i>Венгрия, г. Будапешт</i>) Фонетическая реализация заимствований английского происхождения в удмуртском языке.....	7
Аухадиева Ф. С., Булычева Е. А. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) Особенности выражения субъективной модальности в разноструктурных языках.....	22
Богдашкина С. В., Маскаева В. А. (<i>Россия, г. Саранск</i>) Пословицы и присловицы мокшанского языка как средство отражения национального характера.....	29
Ившин Л. М. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) О проекте «Словарь удмуртского языка XVIII века».....	36
Ильина Т. И., Самарова М. А. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) Иноязычные эмпоронимы г. Ижевск.....	45
Карпова Л. Л. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) О некоторых синтаксических особенностях удмуртской народно-разговорной речи.....	51
Кельмаков В. К. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) Б. Г. Гаврилов и публикация первых оригинальных текстов на удмуртских диалектах.....	57
Кириллова Л. Е. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) Названия грибов в удмуртских микропонимах.....	78
Койвунен Т. (Koivunen T.) (<i>Финляндия, г. Турку</i>) Koodinvaihdon kielioppia udmurtinkielisessä puheessa sekä ilmiön sosiaalista taustaa.....	84
Козмач И. (Kozmács I.) (<i>Венгрия-Словакия, г. Нитра</i>) Az udmurt nyelv kutatástörténetének egy problémájához..	114
Краснова Т. А., Репина Т. Ю. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) К вопросу о семантике фразеологизмов, характеризующих человека (на материале удмуртского и английского языков).....	124

Лобанова А. С. (<i>Россия, г. Пермь</i>) О лексико-семантических изменениях в языке коми-пермяков (на материале рукописного словаря А. Попова и современного коми-пермяцкого языка).....	130
Николаева В. Н., Стрелкова О. Б. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) Ф. И. Видеман: вклад ученого в развитие удмуртского языкознания (к юбилею исследователя).....	139
Партанен Н. (Partanen N.), Эрккиля Р. (Erkkilä R.) (<i>Финляндия, г. Хельсинки</i>) Dialectal variation in the path-coding cases in Komí.....	145
Пономарева Л. Г. (<i>Финляндия, г. Хельсинки</i>), Гайд-машко Р. В. (<i>Россия, г. Санкт-Петербург</i>) Из наблюдений над названиями ягод в коми-пермяцком языке конца XVIII века (на материале рукописей Антония Попова).....	162
Рысаев И. И., Булычева Е. А. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) Роль перевода Псалтири на удмуртский язык.....	171
Сабанова С. А., Краснова Т. А. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) Словообразовательные модели неологизмов в английском и удмуртском языках.....	183
Сабо Д. (Szabó D.) (<i>Венгрия, г. Будапешт</i>) Evidencialitás az udmurt nyelvben Egy grammatikai funkció diakrón vizsgálata.....	190
Стрелкова О. Б. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) «Большой удмуртский диктант»: проблемы орфографии и пунктуации...	218
Тулуз Е. (Toulouze E.) (<i>Эстония, г. Тарту</i>) Наблюдения за языковой ситуацией закамских удмуртов.....	222
Цыпанов Е. А. (<i>Россия, г. Сыктывкар</i>) Противоположные тенденции изменений в современном коми литературном языке.....	239
Чернова С. Н. (<i>Россия, г. Ижевск</i>) Система оценки планируемых результатов учащихся основной и средней школы по предмету «Родной (удмуртский) язык».....	254

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник в 2-х частях составлен на основе докладов и сообщений участников XVIII Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», который в 2020 году был посвящен 100-летию государственности Удмуртии и 140-летию выхода из печати книги Б. Гаврилова «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній».

2020 год, ставший кризисным во многих отношениях, определил форму проведения симпозиума – работа секций в основном была организована в дистанционном формате. Работали 4 лингвистические секции: «Актуальные проблемы грамматики, диалектологии и языковые контакты пермских языков», «Вопросы лексикологии, диалектологии и ономастики пермских языков», «Теория и методика преподавания пермских языков», «Язык фольклора и художественных произведений». В рамках симпозиума также прошел научный семинар «Творческая индивидуальность писателя и развитие литератур народов Урало-Поволжья».

Темы выступлений докладчиков были посвящены актуальным проблемам современного финно-угроведения. Традиционно рассмотрены вопросы классических разделов языкознания – диалектологии, ономастики, морфологии, синтаксиса, между тем представлены доклады по новым направлениям междисциплинарного характера – этнолингвистике, лингвокультурологии, корпусной лингвистике. О необходимости сохранения культурного и языкового многообразия сейчас говорится на разных уровнях международного сообщества, и эта одна из центральных тем в вопросах

сохранения и развития финно-угорских народов также поднимается в работах участников данного научного симпозиума.

В рамках симпозиума также прошел научный семинар «Молодежь и наука XXI века», который стал эффективной площадкой для апробации результатов научной работы молодых исследователей и начинающих авторов из российских и зарубежных вузов – аспирантов и студентов бакалавриата и магистратуры; их материалы занимают в сборнике довольно значительное место.

Материалы выступлений и сообщений участников симпозиума, публикуемые в данном сборнике в виде статей, разнообразны по тематике и стилю изложения. Некоторые из них носят полемический характер и призывают читателя к серьезным дискуссиям; также представлен богатый, сугубо практический опыт авторов в образовательной и воспитательной сфере. Все это во многом определило минимальное вмешательство редакционного коллектива сборника в стилистику авторских текстов.

*О. Б. Стрелкова, к. филол. н., доцент,
доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания
Института удмуртской филологии,
финно-угроведения и журналистики
Удмуртского государственного университета*

Гергей Антал (Gergely Antal)

Венгрия, г. Будапешт

ЭЛТЭ университет

ФОНЕТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В работе рассматривается влияние английского языка на пермские (коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский) языки.

Ключевые слова: фонема, пермские языки, транскрибирование, Международный Фонетический Алфавит, английские заимствования.

Введение

Английский язык как глобальный источник новой лексики оказывал и оказывает сильное влияние на другие языки мира. Множество исследовательских работ посвящено данному вопросу, однако малоизученной является проблема влияния этой глобальной тенденции на пермские (коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский) языки. В чем заключаются особенности фонологической адаптации английских заимствований в удмуртском языке? Есть ли наглядный пример прямого заимствования из английского языка, или русский язык все еще играет фильтрующую роль в этом процессе? Возможно ли отследить англо-удмуртские контакты?

В данной работе будет предложено краткое заключение всё ещё продолжающегося исследования автора в рамках докторской диссертации, опуская многие аспекты для экономии места и времени.

Фонология изучаемых языков и новая таблица МФА для удмуртского языка

Исследованные в данной работе вопросы, касающиеся фонем, можно рассматривать как подготовку и основу для дальнейших исследований, связанных с инструментальной фонетикой. Поскольку транскрипция была сделана на слух, необходимо дважды

проверять фонемы с помощью таких инструментов, как ELAN, что и планируется сделать на следующем этапе написания диссертации.

Чтобы сравнить английские, русские и удмуртские фонемы, для расшифровки было решено использовать МФА (Международный Фонетический Алфавит, или IPA). МФА позволяет решить проблему транскрибирования в разных лингвистических школах. В предыдущих исследовательских работах по удмуртскому языку использован широкий спектр различных систем транскрибирования (на основе работ Кельмакова [2003]). На наш взгляд, важно ввести использование МФА в пермистику, поскольку эта лингвистическая область не очень хорошо известна на международном уровне в более обширном смысле. В последнее десятилетие можно наблюдать растущий интерес к пермистике со стороны западных лингвистов (англо-американских, французских и немецких исследователей соответственно). Таким образом, использование МФА позволит считывать данные без изменения кода, делая сравнение и понимание намного более доступным и более понятным для ученых всего мира, работающих с различными языками.

Чтобы обобщить фонематический состав английского и русского языков, для проверки таблиц МФА в качестве источника была использована Википедия, а в конце представлена дополнительная литература. Список согласных английского языка¹ выглядит следующим образом: **m, n, ŋ** (сонорные), **p, b, t, d, k, g** (взрывные), **tʃ, dʒ** (постальвеолярные аффрикаты), **s, z, ʃ, ʒ** (сибилянты, два последних – постальвеолярные), **f, v, θ, ð, (x, ɰ),² h** (фрикативные), **(r),³** дрожащий), **(l ~) ɭ** (латеральные), **ɹ,⁴ j, w** (аппроксиманты).

¹ Википедия [Электронный ресурс] https://en.wikipedia.org/wiki/English_phonology (дата обращения: 18.05.2020).

² Звук **(x)** диалектный [Бауэрман 2004: 931–942]; звук **(ɰ)**: «Примечание: только в GA» (= General American) [ROGERS 2014: 25].

³ Звук **(r)** варьируется в разных диалектах.

⁴ Роджерс дает этот звук ретрофлексным, но характер в IPA – альвеолярный аппроксимант.

манты). Перечень согласных русского языка⁵, основанный на кириллице, включает: **m / м, mʲ / мь, n / н, nʲ / нь** (носовые), **p / п, pʲ / пь, b / б, bʲ / бь, t / т, tʲ / ть, d / д, dʲ / дь, k / к, kʲ / кь, g / г, gʲ / гь** (взрывные), **ʈs / ц, (ʈsʲ / ць), ʈɕ / ч** (аффрикаты), **s / с, sʲ / сь, z / з, zʲ / зь, ʃ / ш, ʒ / ж, ɕ / щ, (z / жь)** (сибилянты), **f / ф, fʲ / фь, v / в, vʲ / вь, x / х, xʲ / хь, (χ / г / хг)** (фрикативные), **r / р, rʲ / рь** (дрожащий), **ɭ / л⁶, ɭʲ / ль** (латеральные), **(ʋ / в)⁷, j / й** (аппроксиманты).

Составить таблицу звуков удмуртского языка на основе МФА оказалось непростой задачей. Насколько известно, до этого еще не существовало ни одной подобной научно обоснованной таблицы. Поиск статей в Википедии⁸ об удмуртском языке также не принес результатов в основном потому, что они не содержат каких-либо ссылок, а символы МФА, используемые на этих страницах, вероятно, опираются или на разные системы транскрибирования или придерживаются формы шрифта Э. Сетяля, который также опирался на МФА. Однако работы Э. Сетяля не отражают всех нужных звуков и не могут отражать вариативность диалектных звуков удмуртского языка. Ввиду изменчивости и высокого уровня сложности гласных в этих выборках, а также в связи с ограниченным объемом статьи, система гласных в данной работе рассматриваться не будет.

Создание таблицы МФА для удмуртских согласных было, в первую очередь, основано на предыдущих фонологических описаниях, сделанных Ш. Чучем и В. Кельмаковым [Чуч 1990; Кельмаков 2003], а также на основе сравнений фонологических описаний коми [Реден 1978; Оско 2008; Пунегова 2015] и русского языков [Джонс, Уорд 1969; Хаманн 2004], включая также обширную характеристику фонологической типологии уральских язы-

⁵ Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Russian_phonology#Consonants (дата обращения: 19.05.2020).

⁶ [Джонс, Уорд 1969: 168].

⁷ Есть более широкая вариативность звука **v / в** [Янушевская, Буннич 2015: 223].

⁸ Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Udmurt_language#Phonology (дата обращения: 19.05.2020).

ков [Паюсалу, Уибоаед и др. 2018] и прочую дополнительную информацию [Тикканен 2008; Суоми, Тойванен, Юлитало 2008]. Автором был включен собственный анализ фонологии на основе знаний, приобретенных им при изучении удмуртского языка у носителей. В этом новом описании удмуртской фонологии присутствуют два новых элемента: контраст между нёбными и ретрофлексными сибиллянтами и контраст между нёбными и ретрофлексными аффрикатами. К некоторым фонемам теперь применяется иной подход в восприятии (то есть восприятие буквы *в*, *л* или проблема лабиовелярного взрывного).

	губные, губно- зубные	зубные	альв.	ретро флекс.	пала.	медно- палат./ веляр.	веляр.	губно- веляр.
носов.	m м	n н			ɲ нʲ	(ɲ н) ¹		
взры.	p п b б	t т d д			c тʲ ɟ дʲ			
афفر.		(tʂ ʈ) ²	tʂ ʈ dʂ ɟʂ	tɕ ɕ dʑ ʑ				
сибил.		s с z з	ʂ ш ʐ ж	ɕ ɕʰ ʑ ʑʰ				
фрик.	(f ɸ) ³					(x x) ⁴		
дрожа.								
латер.		l л	(l ɭ) ⁵					
аппро.		ʋ ʋʰ (ʋ ɸ)						

Таблица 1. Новая таблица МФА для удмуртского языка, включая эквиваленты на основе кириллицы. Некоторые диалектные особенности / аллофоны указаны в скобках.

1: Носовой, указанный как среднеязычный, представляет собой устаревший звук по сравнению с изначальным шумом, который сохранился только как аллофон русского языка в некоторых южных и периферийных диалектах [Чуч 1990: 23; ср. Кельмаков 2003: 52, 58, 82].

2, 3, 4: Встречаются только в иностранных словах русского происхождения [Чуч 1990: 23].

5: Звук (l), именуемый В. Кельмаковым «центральноевропейским l», является эквивалентом зубного веларизованного латерального **ɭ** в некоторых диалектах, например, в красноуфимском [Кельмаков 2003: 17, 73].

6: Ш. Чуч придает звуковую ценность **в** как губному спиранту и негубно-зубному фрикативу [Чуч 1990: 23].

7: Согласно Ш. Чучу, звук **w** встречается только в определенных диалектах в фиксированной фонологической позиции [Чуч 1990: 24]. По словам В. Кельмакова, звук (**w**) «слабоогубленный согласный **ɥ** (= **ʏ**)» может также появляться вместо «**l** (= **ɭ**)» в некоторых диалектах [Кельмаков 2003: 18].

Ретрофлексные сибиллянты и аффрикаты – проблемная группа фонем удмуртского языка. Вся проблема возникла из-за сравнения английских и русских сибиллянтов и аффрикат, поскольку в английском есть постальвеолярные звуки обоих типов (**ʃ**, **ʒ**, **tʃ**, **dʒ**), а в русском существует оппозиция «мягких» (**ɕ** / **ш**, **ʑ** – звонкий аллофон) и «твердых» сибиллянтов (**ʂ** / **ш**, **ʐ** / **ж**), а также «мягкой» аффрикаты (**tɕ** / **ч**, иногда звучащей как **dʒ**) [Хаман 2004]. Эти звуки часто характеризуют как почти идентичные или совершенно идентичные удмуртским параллельным звукам **сь**, (**зь**), **ш**, **ж**, **ч**, (**ӓ**), что гипотетически схоже с их коми эквивалентами. Поскольку более ранние работы не упоминают каких-либо ретрофлексных характеристик для удмуртского, пермяцкого или коми-зырянского языков [ср. Редеев 1978; Оско 2008; Пунегова 2015], два более поздних исследования показывают, что в коми языке (наряду с хантами) обнаружены ретрофлексные фонемы [Тикканен 2008: 256; Паюсалу, Уйбоад и др. 2018: 193]. Принимая во внимание

все эти факты, становится понятно, что удмуртскому языку также необходимо иметь это ретрофлексное противопоставление его палатальным сибиллянтам и аффрикатам, которое теоретически способствовало бы лёгкости различий для говорящего, например, в логическом противодействии: язык занимает все более разные положения при произношении палатальных звуков, нежели при произношении постальвеолярных согласных.

Другими теоретическими проблемами являются определение качества звука в рядом с л в удмуртском языке, а также феномен кластера **ку**, который будет описан только в следующей работе, поскольку в данный момент необходимо собрать больше материала для исследования.

Исследование и сбор аудиообразцов

При сборе образцов первым и самым важным вопросом является следующий: какое заимствование мы считаем подходящим для данного исследования? Основной фокус внимания был на английских заимствованиях либо на иностранных словах, которые вошли в русский язык из английского. Только после определения данного аспекта удалось собрать эти типы заимствований из удмуртского языка, предполагая, что, если заимствование английского происхождения уже и существовало в русском языке, то оно может попасть и в удмуртский язык.

Для поиска и сбора удмуртских (и коми) лексем было принято решение рассматривать в основном слова, встречающиеся в словарях и лексическом фонде в целом, поскольку включение в такие корпуса требует определенного времени. Так, когда слово включают в словарь, обычно подразумевается, что оно имеет тенденцию к более широкому распространению и использованию как заимствование и калька, нежели как случайное вошедшее в язык слово. Типичным источником материала были онлайн-словари (и в какой-то степени также их печатные издания) ввиду легкости поиска и постоянного обновления данных. Основными источниками материала для данного исследования были «Большой русско-удмуртский словарь» Fu-Lab, «Удмурт словарь» и «Udmurt-magyar-

orosz társalgási szótár» / «Удмурт-мадяр-žуч вераськон кылбугор». Список английских заимствований в русском языке был взят из Викисловаря и списка слов, представленного в диссертации С. Янурика. В результате был составлен неполный список примерно из 123 слов, большинство из которых были заимствованы из английского через русский. Вопреки ожиданиям, даже онлайн-словари содержали мало слов, значимых для 2010-го года и типичных для современного русского языка (например, *селфи*, *хэштэг* и т. д.). Письменная форма этих слов обычно основана на русской транскрипции/транслитерации и не следуют правилам удмуртской орфографии за исключением некоторых редких случаев, когда слово было сознательно адаптировано под реалии удмуртской фонетики (например, в слове *жаз*, которое встречается только в тексте рекламного проспекта).

Поскольку орфография (в большинстве случаев) не способствует измерению фонетической реализации этих слов, оказалось, что необходимо собрать аудиообразцы у носителей языка. Из-за пандемии самым приемлемым оказался сбор материала по Интернету. Были разосланы файлы со списком слов (всего 64 слова, содержащие фонетически сложные или единственные в своем роде элементы) знакомым информантам; один из них впоследствии отослал файлы своим знакомым (метод «снежного кома»). Информанты должны были прочитать список слов сначала на удмуртском, затем на русском языке и самостоятельно записать произношение. Были собраны аудиофайлы продолжительностью записи примерно от 1 до 3 минут. В итоге оказалось возможным использовать аудиообразцы 6 носителей (все они билингвы, из них двое в настоящее время проживают в Венгрии, остальные в Удмуртии). Как оказалось, сведения информантов относительно своей языковой истории (на каком языке они говорят дома, какой язык использовали в процессе обучения, на каких еще языках говорят и т. д.) заметно отличаются. К тому же, между ними существуют диалектные различия (разная артикуляция, место рождения). По гендерному признаку из шести информантов двое

мужчин; по возрастному признаку двое в возрасте около двадцати лет, а остальные за сорок. Английским владеют два самых младших информанта⁹.

К сожалению, ввиду ограниченности во времени и технических проблем, использование каких-либо фонетических программ для транскрибирования аудиообразцов оказалось невозможным, поэтому пришлось сделать это на слух, что требует еще дальнейших проверок.

Английские заимствования через русский или сразу в удмуртский?

Одним из главных вопросов данного исследования было доказать, каким образом заимствования английского происхождения попадают в удмуртский язык. Насколько известно, предыдущих исследований в этой области нет, особенно с учетом иностранных слов ХХI века и новых слов, появившихся в связи с развитием цифрового мира и социальных сетей.

Влияние английского языка на русский язык широко изучено, и в данной работе оказалась чрезвычайно полезной работа С. Янурика [Янурик 2007]¹⁰. Поскольку английские слова вошли в русский язык до ХХ века, они также появились и в удмуртском; и если обратиться к старейшим источникам, то можно увидеть, что некоторые слова в более ранних сравнениях русских заимствований используются без упоминания их английского происхождения [Чуч 1970, 1972]. Эти первые иностранные слова, такие как *вокзал*, *тылаг*, можно рассматривать как единичные и редкие примеры с большой вероятностью фонетического изменения в процессе адаптации. Это знаменует собой первую эру заимствований истинно английского происхождения, которая продолжалась примерно до 1917 года. Вторая эра длится примерно до 50-х годов

⁹ Анонимные информанты указаны с помощью комбинации двух букв: А = информатор; N / F = женщина / мужчина; цифра указывает на порядок информантов.

¹⁰ У автора также была личная консультация с Сабольчем Януриком, которому выражается благодарность за его вклад в данную работу.

(первая часть советского периода), а третья – до 1991 года (вторая половина советского периода). После 1991 года русский язык испытал сильное влияние иностранных слов английского происхождения [Янурик 2007]. В отношении английских заимствований я предлагаю выделить этот период в удмуртском языке примерно до 2012 года¹¹, а начало цифровой эры или эры Интернета ознаменовать только 2012 годом.

В настоящее время все больше и больше молодых удмуртов изучают английский язык в школах или в университете, что даёт возможность усиления контактов между двумя языками (в основном, только в одном направлении). Вопрос основы англо-удмуртских контактов как в социолингвистическом, так и в культурном отношении остается темой для более широкого изучения. Поскольку в рамках данного исследования существуют определенные ограничения, работа над этими двумя аспектами будет продолжена лишь в будущем.

Основываясь на исследовании фонологических особенностей, которые приходилось наблюдать, можно сделать вывод, что русский язык по-прежнему является основным источником иностранных слов английского происхождения, что указывает на его роль как фильтра в большинстве случаев, когда дело доходит до адаптации этих заимствований.

В некоторой степени, однако, удмуртские информанты склонны удмуртизировать эти русские заимствования таким образом, что они становятся похожими на исходную английскую форму. Для подтверждения вышесказанного были отобраны два основных фонетических случая, один из которых связан с среднеязычными носовыми согласными, а другой – с аффрикатами.

Во-первых, обычной тенденцией для слов, содержащих группы согласных **нк** и **нг**, является повторное введение среднеязычных носовых (**ŋ**) перед **k** и **g**. Исходные английские слова имеют звук (**ŋ**), в то время как в русском языке этот согласный отсут-

¹¹ 2012 год – еще одна символическая дата с участием коллектива «Бурановские Бабушки» на конкурсе «Евровидение».

ствуется; часто в орфографии его заменяют двумя буквами, что также приводит к затруднениям в их произношении [Янурик 2007: 75, 101, 133]. Однако в удмуртском языке эта фонема является аллофоном русского языка (также встречается в диалектах [Кельмаков 2003: 167; Максимов 2018: 40]. Слова *банкнот*, *бункер*, *джунгли*, *кенгуру*, *манго*, *пудинг*, *ринг* используются в русской транскрипции/транслитерации. Некоторые из информантов пытаются избежать этих кластеров, добавляя дополнительные шва между ними (например: 'bu:n'kier, 'dʒu:n'gʌi', kien'gu'ru:, 'ma:n'gə – AN1), продолжая процесс, который уже начался в русском языке. В некоторых случаях также добавляются дополнительные шва, в результате чего возникают формы 'pu:ɲɪŋkə, ə'ri:ŋɪk.

Тем не менее, другие информаторы образуют формы bɒŋk'no:t, 'bu:ŋker, 'dʒu:ŋgʌi, kɛŋgu'ru:, 'ma:ŋgə, 'pu:ɲɪŋk, ri:ŋk (AN2); 'dʒu:ŋgʌi, ri:ŋk, 'pu:ɲɪŋk (AN4) соответственно, что является более удмуртизированным вариантом. Только в слове 'dʒu:ŋgʌi можно услышать этот среднеязычный носовой у пяти информантов технически из-за тройного кластера согласных, что можно объяснить как аналог общеизвестного слова *англи*.

Интересным компромиссным решением в отношении этого звука является то, что его ещё необходимо проверить с помощью инструментальной фонетики, но, тем не менее, в результате получается двойной носовой звук: первый – это простой **n**, а второй ассимилируется со следующими за ним **k** или **g**. Этот ассимилированный носовой было решено обозначить верхним индексом **ɲ**, и его можно найти в образцах только двух информантов: 'bun^ɲkɛr, 'kɛn^ɲguru (AF3), 'bu:n^ɲkɛr (AN4).

Во-вторых, можно пронаблюдать смешение русских кластеров **dz** (фиксируемый как *дж*) в аффрикат (**dʒ**) в некоторых словах. Это явление, которое особенно проявляется в большинстве образцов, можно назвать даже *удмуртизацией*:

джаз, *жас*: dʒa:z (AN1); dʒa:s (AN2, AN4); dʒas (AF3); dʒaz (AF5);

джем: dʒɛ:m (AN1, AN4); dʒɛm (AN2, AF3, AF5);

джемпер: **dʒɛmʲ pe:r** (AN1, AN2); **dʒɛmpɐr** (AF3); **dʒɛ:mpɐr** (AN4); **dʒɛmpɜr** (AN5);

джинсы: **dʒi:nsɨ** (AN1, AN4); **dʒɪn'sɨ** (AN2); **dʒi:nsu** (AF3); **dʒɪnsu** (AF5);

джунгли: **dʒunʷgɫi** (AN1); **dʒu:ŋgɫi** (AN2, AN6); **dʒu:nʷgɫi** (AF3, AF5); **dʒʊ:ŋgɫi** (AN4);

джут: **dʒʊt** (AN1, AF3); **dʒu:t** (AN2, AF5).

Если данный феномен отсутствует, это можно объяснить позицией говорящего, который не знаком с этим словом из списка. Это также приводит к распаду кластеров и введению шва в середину: **di'zʊt** (*джут*, AN4).

Наиболее своеобразное исполнение даёт информант AN6, у которого в некоторых случаях начальная аффриката дублируется из-за транслитерального чтения (в удмуртской орфографии буквы **дз** или **тч** произносятся как удвоенные аффрикаты), но для облегчения произношения говорящий добавляет начальный шва и плюс носовое произношение: **ʷdʒp:z**; **ʷdʒ:ɛm**; **ʷdʒ:ɛmʲ pe:r**; **ʷdʒi:nsɨ**; **ʷdʒu:t**. Данный информатор совершает аналогичное добавление в словах *деталь* [**ʷjɛ' tɔ:ɫ**] и *гольф* [**ʷŋgɔ:ɫʊ**]. Причина подобной артикуляции еще не выяснена.

Размышляя над первичным вопросом об англо-удмуртском контакте, можно сделать вывод, что один из двух самых молодых и англоязычных информантов в редких случаях произносит слова на удмуртском под сильным влиянием английского языка. По сравнению с русским и другими удмуртскими аналогами, его произношение *волейбол* [**vɔɫi' bɔ:ɫ**] схож с английским *волейбол* [**'vɒlibɔ(:)l**]¹², что как раз отражает эту тенденцию (обратите внимание, что «стандартное» русское произношение данного слова **vɔɫɨj' bol**).

¹² Wiktionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/volleyball#English> (дата обращения 20.05.2020).

Бад'зым зал – кинотеатр:	«Дарт» эктон выж – бар:
20:00 «Узы-боры» романтической комедия (Инивс кинопоттонни, Удмуртия-Польша, 2010) 22:00 Amiso Wott & Куквис кинопоттонни present: удмурт экшн-шериял «Чупчи шур йонтэмьёс» («Пираты Карибского моря») 23:00 КорниLove Cyred's aka UdmurtPeople: «Куртой пуны» мульт-блокбастер «Тырмостэм нумыр» комеди-хоррор 00:00 Павел Зорин но «Les Partisans»: «Валера» (OST Silent Woo Goore) 00:30 «Инвожо» журнал возьмэтэ арт-хаус 01:00 Лёша Шкляев учкыны дэмлә удмурт но фин-угор экспериментал кино	21:30 dj Батыев – Алнаш хардкор яке...? 22:30 Amiso Wott рок dj сэт 23:30 RichGray группа (Пичи Пурга-Ижгар) 00:00 dj Darali (непредсказуемой) 00:30 Silent Woo Goore – удмурт инди-рок 01:00 Диана Шытова но Bossa Nova: «Тон сурттид-а?» – удмурт жаз 01:30 «Гаруда» группа – удмурт фолк метал 02:00 Amiso Wott live но «Армие келян» сям-йылло: «Зеч лу, яратонэ!» 03:00 dj Kirill Rem – «Городская чеберистая, лык ай татчы!» Нунсьёсыз – Гламур Нади но Ведра Лади (Udmurt FM) Кырзамед-верамед потэ ке – вазиськы!

Озы ик:

- Лёша Шкляев но Санко Батыр фойеын пöрасько: жук, кубиста но улон-вылон сярсь зулёнъёс
- Сыёрос-куараоке-рум: удмурт кырзамед удмурт бомондэн чош!
- Зоя Лебедева: «Бурановские бабушки» поп-проекты анти-комиксыёс
- Порьяс аргачи project
- «ТВ дача» но чингыли-тангыра куара-ланга
- «Инвожо», «Шуо-шоу» но «Дарт» туспуктон сзрегъёс
- «Рубик ТВ» Бизуичкизи но «Дарт ТВ» Гламур Надиен
- «Чичпотон – секс, эротика но яратон» чеберлык инсталляция
- Покер-клуб: Паша Поздесев «Покчи кылчи» шудонэ шудон
- «Армие келян»: келяськом ...бигъёсты (Роми, Коли но Петти: «А ми со, вот!»)
- Удмурт магазин: «Традиции мира» этно-лавка, «Мугур» чеберьяськон чыры-пырыос, книгаос, журналъёс, дискъёс
- Обыда но Палэсмурт: удмурт декорашос, люго design
- Дима Загребин, «Шунды», Петыр Палган, «Кык Олешъёс» но мукет тодмоос
- Пре-пати гужем кафеын но афтэ-пати «Швейк дорын куньыны»
- **Дунтэм бар! Дунтэм сур! Нокыче гламур.**

Дуныз:

Азьло басьтыса: 100 манет (со нунэлз ик 19:00 часозь кассе яке 89128574185 пелёпонъя вазиськыса)
23:00 часозь: 150 манет
23:00 час бере: 200 манет
face control, dress code, +18

Берпуметйез позыръяськон! Пумитаськом гужемез!

Узы-боры кисьмаз ни...

Дарт Инвожо ИА Шуо-Шоу Удмуртлык Удмурт дунне Шунды Мынан Удмуртие

Рисунок 1. Листовка организации «Юмшан Промо», 2010–2011.

Другими примерами являются слова *жас*, *куара-оке-рум*, *комеди-хоррор*, *сэт*, которые демонстрируют сознательное использование как английского, так и удмуртского языков (см. листовки организации «Юмшан Промо», 2010–2011).

Слово *жас* указывает на осознанную, но юмористическую интерпретацию орфографии с применением удмуртской буквы

жс для обозначения аффрикаты. Слово *куара-оке-рум* – это лингвистический каламбур. Русская версия этого слова встречается в основном как «караоке рум» (исходя из его частоты в поиске Google), составное слово японско-английского происхождения, которое теперь трактуется как тройное соединение, при этом удмуртское слово *куара* означает ‘звук’. Истинно английским заимствованием / иностранным словом английского происхождения является слово *комеди-хоррор* из жанра «комедия-ужасы», тогда как русским эквивалентом является *хоррор-комедия*.

Выводы

На основе вышесказанного можно пронаблюдать относительно небольшое и сравнительно недавнее влияние английского языка на удмуртский путём измерения фонетической адаптации русских заимствований английского происхождения. Как оказалось, информанты, участвовавшие в исследовании, используют широкий спектр фонетических решений, что само по себе удивительно и неясно ввиду новизны выбранных ими лексем, а также того, что их произношение сильно варьируется от собеседника к собеседнику. Для этих заимствований не существует стандартных фонетических форм, поэтому они являются хорошим материалом для отслеживания изменчивости и их фонологического разнообразия.

Данная исследовательская работа еще не закончена¹³ и есть дальнейшие планы по сбору письменного и аудиоматериала. Также планируется провести инструментальные фонетические эксперименты и замеры для дальнейшего подтверждения и проверки уже существующих транскрипций. Остается надеяться, что данная работа внесёт свой вклад в будущее изучение процесса адаптации заимствований в языке-реципиенте.

¹³ Автор выражает благодарность своим информантам за участие в проведении исследования, а также Дмитрию Анатольевичу Ефремову, Жуже Шаланки, Марии Шипош и Елене Ведерниковой за их помощь.

Список использованной литературы и источников

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка: учеб. пособие для педвузов. Ч. 1 / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2003. – 275 с.

Максимов С. А. Североудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология: монография / С. А. Максимов. – Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2018. – 335 с.

Пунегова Г. В. Сёрнитам комиён / Говорим по-коми: учебник коми языка для начинающих / Г. В. Пунегова. – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2015. – 352 с.

Bouerman S. White South African English: phonology / S. Bouerman // Schneider E., Burridge K., Kortmann B., Mesthrie R., Upton C. A handbook of varieties of English, 1: Phonology. Mouton de Gruyter, 2004. – P. 931–942.

Csúcs S. A votják nyelv orosz jövevényyszavai. I / S. Csúcs // NyK. – (Budapest) 1970. – 323–362 old.

Csúcs S. A votják nyelv orosz jövevényyszavai. II / S. Csúcs // NyK. – (Budapest) 1972. – 27–47 old.

Csúcs S. Chrestomathia Votiacica / S. Csúcs. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1990. – 224 l.

Csúcs S. Orosz jövevényyszavak a mai udmurtban / S. Csúcs // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Ижевск, 2002. – С. 454–463.

Hamann S. Retroflex fricatives in Slavic languages / S. Hamann // Journal of the International Phonetic Association 34.01.2004. – P. 53–67.

Jones D., Ward D. The Phonetics of Russian / D. Jones, D. Ward. – London, New York: Cambridge University Press, 1969. – 307 p.

Kozmács I. Az udmurt sajtónyelv egyes jellemzőiről / I. Kozmács // Elmélet és empiria a szociolingvisztikában / M. Kontra, B. Németh, B. Sinkevics. – Budapest, 2013. – 479–499 old.

Lanstyák I. Nyelvből nyelvbe. Tanulmányok a szókölesöznzésről, kódváltásról és fordításról / I. Lanstyák. – Pozsony: Kalligram Könyvkiadó, 2006. – 294 old.

Oszkó B. Néhány gondolat a komi-permják #CC kapcsán / B. Oszkó // Navigare humanum est... Pusztay János hatvanadik születésnapjára. Finnugor

Népek Világkongresszusa Magyar Nemzeti Szervezete. – Budapest, 2008. – 152–158 old.

Pajusalu K., Uiboaed K., Pomozi P., Németh E., Fehér T. Towards a phonological typology of Uralic languages / K. Pajusalu, K. Uiboaed, P. Pomozi, E. Németh, T. Fehér // *Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri = Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics* 9 (1). – Tartu: University of Tartu Press, 2018. – P. 187–207.

Rédei K. Chrestomathia Syrjaenica / K. Rédei. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1978. – 197 l.

Rogers H. The Sounds of Language: An Introduction to Phonetics / H. Rogers. – Harlow: Longmans, 2014. – 350 p.

Suomi K., Toivanen J., Ylitalo R. Finnish sound structure. Phonetics, phonology, phonotactics and prosody / K. Suomi, J. Toivanen, R. Ylitalo // *Studia Humaniora Ouluensia* 9. – Oulu, 2008. – 153 p.

Tikkanen B. Some areal phonological isoglosses in the transit zone between South and Central Asia / B. Tikkanen // *Proceedings of the Third International Hindu Kush Conference*. – Oxford, New York, 2008. – P. 250–262.

Varnai Zs. A nganaszan nyelv orosz jövevénytiszavainak vizsgálata fonológiai automatával / Zs. Varnai // *Nyelvtudományi Közlemények* 96. – 1998–1999. – 170–192 old.

Yegorov A., Salánki Zs. Udmurt gyermeknyelv: hallhatunk még ilyet? Nyelvelsajátítás és nyelvi veszélyeztetettség a sztenderd tükrében / A. Yegorov, Zs. Salánki // *Variációk egy nyelv változataira: Válogatás a 18. Élőnyelvi Konferencia előadásaiból*. – Lakitelek: Antológia Kiadó, 2016. – 191–200 old.

*Аухадиева Фания Сабировна,
Булычева Елена Александровна*

Россия, г. Ижевск,

Удмуртский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматривается важная категория в языкознании – категория модальности. Русский лингвист В. В. Виноградов проводил различие между объективной и субъективной модальностью. Объективная модальность – это главное свойство предложения-высказывания. Она передается с помощью глагольных словоформ, содержащих маркеры наклонения. Объективная модальность имеет отношение к двум основным значениям: Realis и Irrealis. Семантический потенциал субъективной модальности демонстрирует огромное многообразие. Одно из значений в рамках субъективной модальности – значение «фиктивного» или «притворного» действия. Существует несколько способов передачи «фиктивного» или «притворного» действия в разноструктурных языках, в таких как немецкий и удмуртский. В обоих языках семантика «фиктивного» или «притворного» действия передается с помощью эквивалента глагола «делать». Кроме того, в удмуртском языке существует сложный суффикс *-мъяськ-*.

Ключевые слова: субъективная модальность, семантика притворного действия, способы выражения субъективной модальности.

Категория модальности вызывала неизменный интерес исследователей, которые рассматривали модальность высказывания как в рамках общего языкознания, так и с точки зрения репрезентации категории модальности в конкретных языках. Несмотря на то, что категория модальности трактуется весьма неоднозначно, в современном языкознании общепринятым является противопоставление объективной и субъективной модальности. Объективная модальность присуща любому высказыванию, можно сказать,

является его неотъемлемой характеристикой, поскольку оценивает высказывание с точки зрения реальности или ирреальности происходящего события, описываемого в предложении-высказывании. Объективная модальность выражается во многих языках с помощью грамматической категории наклонения глагола.

Что касается семантической палитры и способов выражения субъективной модальности, они представлены в языках достаточно широко. Рассмотрению различных аспектов категории модальности посвящены труды В. Г. Адмони, Э. Бенвениста, Х. Бринкманна, В. В. Виноградова, В. В. Поздеева и многих других исследователей [Адмони 1986; Бенвенист 2002; Виноградов 1972; Москальская 2004; Brinkmann 1962; Поздеев 1994]. Можно отметить, что, несмотря на множество исследований, тема эта еще долго будет вызывать интерес, поскольку изучение конкретных языков обогащает исследователей новыми фактами, требующими научного осмысления. Работы, опубликованные в XXI веке, подтверждают это. Следует отметить исследования Э. Винклера, Т. М. Кибардиной, Е. С. Ошановой, освещающие тему модальности и способы ее выражения в удмуртском языке [Кибардина 2012; Ошанова 2017; Winkler 2011].

Новые возможности для осмысления упомянутой категории дает контрастивный подход, позволяющий выявить общие универсальные и специфические черты описываемого явления в разнотипных языках. В данной статье предпринимается попытка осмысления некоторых аспектов субъективной модальности в немецком и удмуртском языках. Итак, целью данной статьи является рассмотрение особенностей репрезентации субъективной модальности в немецком и удмуртском языках.

Прежде всего, необходим небольшой экскурс в сферу семантики. Субъективная модальность отражает отношение субъекта высказывания к содержанию высказывания, поэтому в отличие от объективной модальности не является чем-то изначально присущим высказыванию. Иными словами, субъективная модальность может быть нейтральной. При этом смысл высказывания соотно-

сится с временной шкалой. Отношение субъекта может иметь оттенок уверенности в истинности высказывания или определенная степень сомнения. В германистике модальность уверенности или сомнения изучена всесторонне, что позволило градуировать значения и способы их выражения, начиная от легкого предположения до большой степени уверенности.

Многие исследователи рассматривают также модальность чужой или косвенной речи. Этот вид субъективной модальности позволяет дифференцировать высказывания субъекта, который выражает свою точку зрения, от интерпретации субъектом точки зрения других людей. Такой вид модальности может также сочетаться с модальным значением сомнения.

С семантической точки зрения субъективная модальность связана с оценочностью. Субъект оценивает происходящее. Эта оценка может быть иррациональной, эмоциональной. Семантика осуждения, одобрения, неприятия и восхищения – эти оттенки не охватывают все богатство семантической палитры, которую можно услышать в процессе коммуникации. В качестве наглядного примера, который представляет большое разнообразие при выражении множества оттенков значений, служит в немецком языке группа модальных глаголов. Например, глагол *wollen* наряду с выражением значения желания совершить какое-либо действие может передавать сложную семантику, связанную с сомнением в совершении субъектом какого-то действия, о котором этот субъект заявляет. Тем самым косвенным образом может быть выражено модальное значение, связанное с осуждением субъекта: *Er will diese Aufgabe schon erledigt haben.* (Он утверждает, что выполнил задание, но говорящий подвергает сомнению это утверждение).

Итак, как было отмечено в самом начале, объективная модальность противопоставлена субъективной. О субъективности в языке писал еще известный французский лингвист Эмиль Бенвенист. Субъективность как свойство субъекта противопоставлять себя другому лицу, к которому он говорит «ты». Иными

словами, субъективность проявляется уже в формировании в языке отношений, выраженных системой личных местоимений и временных форм [Бенвенист 2002: 294–298].

Среди всего многообразия значений в рамках субъективной модальности следует выделить одно, которое представляет для авторов этой статьи наибольший интерес. Речь идет о значении «фиктивности действия» [Поздеев 1994: 11–14] или «притворности, мнимости, видимости действия» [Грамматика современного удмуртского языка 1962: 231]. Коммуникативная ситуация предполагает, что действие субъекта или процесс мыслится так, словно он не соответствует реальной действительности. Здесь можно констатировать такие моменты как оценочность, субъективность, ирреалистичность. Чаще всего субъект целенаправленно или неосознанно ведет себя необычно, изображая некое действие, но не выполняя его. В немецком языке существует тип сложно-подчиненного предложения, включающий придаточное предложение сравнения. Это придаточное предложение вводится чаще всего союзами *als* и *als ob*. На синтаксическом уровне весь семантический комплекс передается с помощью сказуемого, которое выражено личной формой глагола в конъюнктиве. Иными словами, кроме союза используются и формы наклонения, например: *Anna tat so, als ob sie ihren Chef nicht gesehen hätte*. Интересно отметить, что в отличие от других типов нереальных придаточных предложений в нереальных предложениях сравнения могут использоваться временные формы конъюнктива первого и второго: *Anna tat so, als ob sie ihren Chef nicht gesehen habe*. В главном предложении обозначен субъект действия, а само действие, а точнее, поведение субъекта, выражено глаголом *tun*.

Однако с помощью придаточного предложения нереального сравнения можно описывать ситуацию, в которой нет активного деятеля. *Es sah so aus, als ob es regnen werde / würde*. Этот пример демонстрирует, что термины «фиктивности действия» или «притворности действия» не вполне применимы к немецкому языку, анализируемые немецкие предложения описывают не только

действия людей, но и процессы, происходящие с неодушевленными предметами, а также явления природы. Основным же способом передачи модального значения на синтаксическом уровне является сложноподчиненное предложение с придаточным сравнения, которое присоединяется к главному с помощью союзов *als* и *als ob*. На морфологическом уровне используются глагольные формы конъюнктива. На лексическом уровне часто используются глаголы *tun, aussehen, scheinen* и т. п.

В удмуртском языке исследуемая модальная семантика передается различными средствами. Описание этих средств следует начать с морфологического уровня. Речь идет о глагольных формах, содержащих компоненты *-мъяськ-, -мтэяськ-, -тэмъяськ-* в своём составе, которые представляют собой сочетание отдельных аффиксов: *-м-, -я-, -ськ-, -тэ-*. Формы глаголов с этими суффиксами в изъявительном наклонении описывают субъекта «фиктивного» действия. Субъект делает вид, что он совершает некое действие, но в действительности он этого не делает. Суффиксы, передающие модальное значение притворного действия, присоединяются к основе смыслового глагола. Попытка глубокого системного анализа упомянутых глагольных словоформ предпринималась неоднократно. Значительный вклад в исследование грамматической категории «притворного действия» в удмуртском языке внес исследователь удмуртского языка В. И. Алатырев, написавший статью «Глаголы притворного действия в удмуртском языке» [1959].

Важно отметить, что в современном удмуртском языке задача «притворного действия» с помощью упомянутых суффиксов встречается нередко, например: *Мон гожъямъяськисько*. ‘Я делаю вид, что пишу’. Здесь мы наблюдаем основу глагола *гожъяны* ‘писать’ – *гожъя-*, далее суффикс, выражающий значение «фиктивного» действия, *-мъяськ-*, наконец суффикс-показатель первого лица *-исько*.

Следующий пример относится к третьему лицу единственного числа: – *Жытазе пичи Маши изён азяз кылымтэяське, шу-*

донъёссэ уг бича. ‘Вечером маленькая Маша перед сном притворяется, что не слышит, и игрушки не собирает’. В словоформе *кылымтэяське*, наряду со значением притворности, выражается и отрицание с помощью суффикса *-мтэ-*.

Следует отметить, что категория «притворного действия», судя по названию, прежде всего, имеет отношение к глаголам действия в широком смысле слова, включающим различные семантические группы, например, глаголы восприятия, глаголы, связанные с когнитивными процессами, а также глаголы движения, перемещения субъекта в пространстве, как в следующем примере: *Мон кошкемъяськи, но палэнэтий берен лыктй*. ‘Я сделал вид, что ушел, но с другой стороны снова возвратился’ [Грамматика современного удмуртского языка 1962: 231].

Таким образом, анализируемые суффиксы могут присоединяться к глагольным основам большого числа семантических групп. При этом возникает справедливый вопрос, являются ли анализируемые языковые объекты словоформами одной глагольной лексемы или это разные глаголы. Казалось бы, поскольку речь идет о грамматической категории, которая имеет регулярный характер, едва ли возможно называть упомянутые глагольные словоформы «глаголами притворного действия». Речь идет о словоформах одного глагола.

Однако известно, что анализируемые суффиксы могут присоединяться к прилагательным с суффиксом *-тэм*. Например, глагол *куаратэмъяськыны* ‘притворяться, что стал безголосым’ образовано от прилагательного *куаратэм* ‘безголосый’ [Грамматика современного удмуртского языка 1962: 234]. Здесь речь идет, безусловно, о самостоятельных глаголах притворного действия.

Что касается иных способов выражения «притворного действия», в удмуртском языке, как и в немецком, используется глагол со значением *делать* ‘карыны’ в глагольных словосочетаниях *uzam karini (so tun, als ob man arbeitet)* [Winkler 2011: 124].

Итак, подводя общие итоги, можно заключить, что как в немецком, так и в удмуртском языках для передачи модальности

притворного (фиктивного) действия используется эквивалент глагола *делать* – *тип* и *карыны*. Однако в удмуртском языке существуют специальные суффиксы, которые способны передавать этот вид модальности.

Список использованной литературы и источников

Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – М.: Просвещение, 1986. – 336 с.

Алатырев В. И. Глаголы притворного действия / В. И. Алатырев // Вопросы удмуртского языкознания / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит. Т. 1. – Ижевск, 1959. – С. 79–139.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 447 с.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Труды Ин-та русского языка АН СССР. Т. 2. Изд. АН СССР. – М., Л., 1950. – С. 38–79.

Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. – 376 с.

Кибардина Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке / Т. М. Кибардина. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 196 с.

Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка / О. И. Москальская. – М.: Академия, 2004. – 352 с.

Ощанова Е. С. Роль модальных частиц в формировании когнитивной базы и коммуникативно-прагматической перспективы высказывания / Е. С. Ощанова. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 23 с.

Поздеев В. В. Категория фиктивности действия в современном удмуртском языке / В. В. Поздеев // Вестник Удмуртского университета. – 1994. – № 7. – С. 11–15.

Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 654 s.

Winkler E. Udmurtische Grammatik / E. Winkler. – Göttingen: Wiesbaden Harrassowitz in Kommission, 2011. – 181 s.

Богдашкина Светлана Владимировна,

Маскаева Вера Александровна

Россия, г. Саранск, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»

ПОСЛОВИЦЫ И ПРИСЛОВИЦЫ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности употребления мокшанских пословиц и присловиц. Обозначается их роль и функции в речи, характеризуется композиционная структура и анализируется их национальный характер. Подчеркивается, что данные единицы являются самостоятельной областью изречений, важнейшим орудием и средством передачи мыслей при общении. Одновременно рассматривается их способность отражать национальную культуру и ее хранителей.

Ключевые слова: мокшанский язык, пословицы, присловицы, национальная культура.

Национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях мокшанского языка. Однако наиболее ярко она проявляется в пословицах и присловицах. Они занимают центральное место среди изречений как стержневые формы афористических высказываний и заслоняют все паремические произведения, применяющиеся в контексте речи и обозначающиеся этим термином. Испокон веков пословицы и поговорки воспринимались мордовским народом как настоящий клад мудрости предков.

С точки зрения фольклора пословица и поговорка – это разные единицы. Поговорка отражает собой какое-то жизненное

событие или противопоставление, но не является законченным высказыванием [Ушаков 2008: 898]. А пословица – это образное законченное изречение, обычно ритмичное по форме, с назидательным смыслом [Ушаков 2008: 897].

Первым собирателем мордовских пословиц и поговорок был известный мордовский ученый-этнограф и собиратель фольклора М. Е. Евсевьев. В XX веке силами и стараниями работников первых мордовских газет и журналов, сотрудников Мордовского научно-исследовательского института появились первые печатные сборники пословиц и поговорок. В настоящее время эта тема развивается в различных научных статьях, кандидатских диссертациях. Немало пословиц и поговорок включено в школьные хрестоматии по литературе.

Следует подчеркнуть, что широкому распространению и долголетию пословиц в мокшанском языке способствовало то, что они имеют практическое и сугубо назидательное значение. Они выражают философию, мнение народа в сжатых, гибких и емких в смысловом отношении образах, суждениях, которые очень точно схватывают самую суть предметов и явлений. В пословицах заключена народная оценка жизни, непреложные истины, которые основаны на вековом наблюдении за жизнью, трудом и бытом народа, проверены временем, опытом поколений и применены в речи как общеизвестное правило, поучение.

Мордовский народ говорит о пословице: «*Валмуворкссъ, кода видешись: сембонди эряви и киндинге аф перяви*». ‘Пословица, словно, правда: всем нужна и никто ее не опровергнет’.

Анализируя образную основу пословиц в мокшанском языке, мы заметили, что часто в основе образности пословиц лежит антитеза: *Кизось работай тялоти, тьялось – кизоти*. ‘Букв.: Лето работает на зиму, зима – на лето’; *Од тингсь ётай лиезь, сире тингсь молезь-тиезь*. ‘Букв.: Молодость проходит мимолетно,

старость – медленным шагом’; *Шумбраишь шама валдонты, а сярядемась – олафты*. ‘Букв.: Здоровье лицо освещает, болезнь – бледным делает’; *Цебярь тевсь мяль касфты – кальдявсь мяль прафты*. ‘Букв.: Хорошее дело воодушевляет, плохое – настроение портит’.

Типичной формой мокшанских пословиц, как и русских, является ирония: *Ляпот кяденза, да оржат кенженза*. ‘Букв.: Руки мягкие, да ногти острые’; *Сонь пряц фкя, но сисем пулонза*. ‘Букв.: У него одна голова, но семь хвостов’; *Эрь келазсь эсь пулонц инай*. ‘Букв.: Каждая лиса свой хвост хвалит’.

Таким образом, пословицы в мокшанской речи всегда подаются в максимально четкой и сжатой словесной формуле, не дают развернутого изображения явлений жизни [Гриченко 2010: 432].

Следствием сжатости пословиц является простота ее композиционного строя в пределах синтаксической единицы – одного предложения: простого: *Эрь кудть сонцень азороц*. ‘Букв.: У каждого дома свой хозяин’; *Калсь ведьса виш*. ‘Букв.: Рыба в воде сильна’ и др.; сложного: *Мезе тият, сянь и няят*. ‘Что посеешь, то и пожнешь, букв.: Что сделаешь, то и увидишь’; *Тувось туй – везде ѳрдаз муй*. ‘Букв.: Свинья уйдет – везде грязь найдет’; *Аф ся модать азороц, кие ланганза якай, а ся, кие эсонза сокай*. ‘Букв.: Не тот хозяин земли, кто по ней ходит, а тот, кто ее обрабатывает’ [Богдашкина 2013: 67].

Приведенные примеры показывают, что в мокшанских пословицах имеются как главные, так и второстепенные члены, однако последние применяются достаточно сдержанно [Гриченко 2010: 856].

В композиционном строе пословицы важную роль играет мерный склад речи, то есть четкое членение пословичного суждения на синтаксически соизмеримые части, чем достигается связь ритмического строя с четким выражением мысли: *Калсь //*

ведьса виш. ‘Букв.: Рыба в воде сильна’ и др. Следует подчеркнуть, что пословицы мокшанского языка в простом и в сложном предложении композиционно членятся на две части. Даже такие сложносоставные пословицы, как *Аф маштат – тонафнек, // аф ёрат – эльбятьксне тонафттядязь*. ‘Букв.: Не умеешь – учишься, // не станешь – ошибки научат’; *Павазсь аф мазьнииса, // а павазсь – трудса*. ‘Букв.: Счастье не в красоте, а в труде’, фактически состоят из двух пословиц, но все же композиционно и по смыслу они делятся на две части. Это подчеркивается и логическим ударением, и анафорой – повторным созвучием отдельных слов.

В пословицах в пределах сложного предложения двучленная форма осложняется. В этом случае первый член связывается со вторым по принципу сочетания в форме условного предложения: *Къда зепсот ашт, судьяське кашт*. ‘Если карман сух, и судья глух, букв.: Если в кармане пусто, то и судья молчит’; или в форме сравнительного предложения: *Кода маштат, стане и шаштат*. ‘Как умеешь, так и дело разумеешь, букв.: Как умеешь, так и дело делаешь’; противительного сочетания: *Сяват пандомда ленга, максат меки ина*. ‘Букв.: Возьмешь в долг лычко – заплаатишь ремешком’; повелительного предложения: *Век эряк – век тонафнек*. ‘Букв.: Век живи – век учишься’; или пояснительного: *Мезе тият, сянь и няят*. ‘Что посеешь, то и пожнешь, букв.: Что сделаешь, то и увидишь’.

Мерное членение сложных пословиц иногда создается приемом синтаксического параллелизма: *Товарть аф инасак – аф мисак, аф сядсак – аф рамасак*. ‘Букв.: Товар не похвалишь – не продашь, не похулишь – не купишь’; *Аф сембе няеви, мезе ляйге шуди, и аф сембе кулеви, мезе ломаттне корхнихть*. ‘Букв.: Не все видно, что по реке течет, и не все услышишь, что люди говорят’ [Самородов 1986: 132]. Основная мысль этих пословиц,

их идея выражена во второй части как назидательный вывод, ради которого они созданы.

Таким образом, композиция пословиц основана на мерном членении, которое дает четкое и сжатое выражение мысли и содействует легкости их произношения и запоминания [Серебренникова 1998: 867]. Мерность мокшанских пословиц, как и пословиц других народов, поддерживается их ритмическим строем.

Наряду с пословичными изречениями в мокшанской речи широко используются и присловицы, составляющие особую, относительно самостоятельную область изречений. По своим смысловым функциям и целям применения они выступают как стилевые разновидности. Присловицы – это такие же краткие, меткие образно-выразительные суждения, как и пословицы [Гриченко 2010: 163]. Однако своим смысловым функциям присловицы употребляются не для мудрого, поучительного и идейного углубления мысли в речи, а только для острой, задорной, решительной и в то же время шутливой характеристики качеств человека, его моральных и аморальных поступков, действий при различных обстоятельствах, неожиданных ситуациях и т. д. К примеру, присловицы употребляются при характеристике физических качеств и психических состояний человека: *Сон ащи бта тума: вастстонза аф токави*. ‘Букв.: Он стоит, как дуб: с места не тронешь’; *Сон таяна фалу: аф инголи, аф фталу*. ‘Букв.: Ни вперед, ни назад не идет, тронешь – пойдет’; *Сон моли тоза, сонцьке ав содасы коза*. ‘Букв.: Он идет туда – сам не знает куда’; *Шалхконц нолдазе*. ‘Букв.: Нос повесил’ и др.

При неожиданной встрече друзей, особенно после долгой разлуки, обычно приславят: *Мъзяра кизот, мзяра тялот ашеме няе*. ‘Букв.: Сколько лет, сколько зим не виделись’; *Сон сась, бъята вярде прась*. ‘Букв.: Он пришел, как с неба (или луны) упал’ и др. [Самородов 1986: 253].

Синтаксическая структура или композиция присловиц больше тяготеет к коротким предложениям просторечно-фамильярного стиля, используются составные рифмы (омонимические и каламбурные), образованные сочетанием двух и трех сходно звучащих слов (или одного и того же слова) при их смысловом различии с целью произвести комическое впечатление: *Валса – и тязонга и тозонга, а тевса – аш киц козонга*. ‘Букв.: Словами и туда и сюда, а на деле никуда’.

Характерным признаком композиционной структуры присловиц является и то, что в них часто встречаются личные местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица в роли подлежащего: *Синь эряйхть-сафтыйть, фкя-фкянь мяль касфтыхть*. ‘Букв.: Они живут-поживают, друг друга утешают’. Обычно для краткости речи личные местоимения опускаются, не произносятся, но они всегда подразумеваются. В пословицах личные местоимения в роли подлежащего почти не встречаются. И это не случайно, ибо наличие личных местоимений даже в таких пословицах, как: *Пряят ведьс – коськста аф лисят*. ‘Букв.: Упадешь в воду – сухим не будешь’, *Эряскодат – ломатть ракафтан*. ‘Букв.: Поспешешь – людей насмешешь’ и в других, противоречило бы их обобщенному значению [Серебренникова 1998: 192].

Некоторые присловицы структурно выступают как сравнительные формы высказывания: *Сон сась, бьта вярде*. ‘Букв.: Он явился, словно с луны свалился’; *Ладяйхть кода тинеть мархта катось*. ‘Букв.: Ладят как кошка с собакой’ или *Бьта ведьс ваясь*. ‘Букв.: Как в воду канул’; *Бьта вача врьгаз акай*. ‘Букв.: Как голодный волк ходит’; *Бьта салмокса (урняса) сялгсь*. ‘Букв.: Как иголкой кольнул’ и др.

Последние примеры показывают, что присловицы могут иметь эллиптическую форму высказывания, то есть выступать как односоставные предложения, в которых отсутствуют отдель-

ные звенья. Но эти отсутствующие звенья легко восполняются живой ситуацией непосредственного контакта [Гриченко 2010: 234].

Из вышесказанного следует, что изучение пословиц мокшанского языка имеет большую научную ценность с точки зрения вопросов системы языка. Несомненно, пословицы, присловицы и другие пословичные изречения украшают родную речь, выражают всеми принятые мнения, а также составляют своеобразный кодекс этических норм.

Список использованной литературы и источников

Богдашкина С. В. Концепт «человек» в мокшанских паремических произведениях / С. В. Богдашкина, Е. Н. Дьячкова // «Интеграция науки и культуры в образовательное пространство: молодежный взгляд» Всероссийская науч. – практич. конф. «Интеграция науки и культуры в образовательное пространство: молодежный взгляд», 30–31 октября 2013 г.: [материалы] / редкол.: Е. А. Жиндеева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2013. – С. 66–71.

Гриченко Л. В. Пословица как особый вид текста: проблема статуса / Л. В. Гриченко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 1. – С. 148–149.

Мокшень-рузонь валкс (Мокшанско-русский словарь) / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. – М.: Рус. яз.: Дигора, 1998. – 921 с.

Самородов К. Т. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / К. Т. Самородов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 294 с.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт [и др.], 2008. – 1176 с.

Ившин Леонид Михайлович

*Россия, г. Ижевск, Удмуртский институт истории,
языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН*

О ПРОЕКТЕ «СЛОВАРЬ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА»*

Аннотация. Исследование лексики любого языка требует широкого вовлечения в научный оборот материалов рукописных и опубликованных памятников, которые являются одними из важнейших источников, воссоздающих более или менее полную картину развития языка на определенном этапе его развития. Актуальность затрагиваемой темы определяется не только тем, что она, абсолютно еще не исследованная, является немаловажной частью удмуртской филологической науки, но и тем, что, находясь в точке пересечения интересов многих других разделов филологии (этимологии, современной и исторической лексикологии, истории литературного языка), также почти еще не разработанных, создает осязаемую эмпирическую базу для их развития.

Ключевые слова: *удмуртский язык, памятники ранней письменности, этимология, лексика, исторический словарь, историческая лексикология.*

Лексическая система удмуртского языка к настоящему времени оказалась абсолютно не изученной ни в синхронном аспекте, ни в диахроническом. Об этом свидетельствует отсутствие описательной академической лексикологии современного удмуртского языка, а также исторической лексикологии и (историко-)этимологического словаря.

Как известно, научные исследования в области русистики являются своеобразным образцом (и в первую очередь, в мето-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00124 «Материалы для словаря удмуртского языка XVIII века».

дическом отношении) для изысканий по аналогичным направлениям и темам также в области удмуртоведения (и не только), то считаем необходимым обратить внимание на то, что уже сделано в сфере исторической лексикологии русского языка.

Фундаментальные труды В. В. Виноградова в области исторической лексикологии и этимологии (происхождения) слов еще 20-е гг. прошлого столетия дали толчок для обособленного изучения в качестве самостоятельного раздела филологии так называемой истории слова, «лежащей в сферах языкознания и литературоведения, стилистики и текстологии, теоретической лингвистики и практического применения ее результатов» [Шведова 1999: 1]. Конечно же, представители последующих поколений исследователей истории русского языка положительно восприняли учение В. В. Виноградова об исторической лексикологии как важнейшего инструмента, служащего для диахронического описания слова (его происхождения, функционирования и дальнейшего развития). Например, Г. А. Богатова [Богатова 2008, 93] пишет буквально следующее: «История слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии. Вопрос о происхождении слова только тогда получает твердую культурно-историческую базу, когда он опирается на исследование всех этапов смысловой эволюции слова, всех обстоятельств бытования в различных социальных говорах, наречиях и родственных языках». Писатель, переводчик и филолог Л. Я. Боровой в исследовании «Путь слова. Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы» в форме небольших новелл и этюдов раскрывает жизнь слова, анализирует смысловые превращения слов-понятий в различном социальном окружении в результате их развития [Боровой 1960]. Языковед Н. М. Шанский в популярных очерках рассказывает о строении, происхождении и употреблении русских слов и выражений, важных вопросах словообразования, этимологии и фразеологии [Шанский 1971].

Надо заметить, что последующее поколение языковедов – исследователей русского языка – предлагают не только расши-

ритель аспект изучения истории слов, но и обратить подобающее внимание на ассоциативную связь истории слова с историей культуры носителей языка [Богатова 2008: 95]. Такой расширенный подход к исследованию истории слов позволяет немного увеличить количество и многообразие источников, а также разнообразить методы исследования анализируемого материала (см. тж.: [Кельмаков 2019: 111–112]).

По поводу степени изученности лексической системы (в том числе и в историческом аспекте) русского и других языков, В. В. Виноградов отмечает в одном из своих докладов: «...лексикология еще не может представить таких глубоких и разносторонних обобщений и выводов из своих исследований, как наука о грамматическом строе разных языковых систем и типов. Это несоответствие отчасти объясняется тем, что история лексического строя многих языков почти вовсе не изучена. Так, можно решительно утверждать, что историческая лексикология русского языка вообще, а литературного, в частности, еще только в зародыше» [Виноградов 1999: 5]. Ему вторит Ф. П. Филин в своей докторской диссертации: «Выбор темы диссертации подсказан назревшей общественно-научной необходимостью начать глубокую и фундаментальную разработку громадных богатств лексики русского языка в плане исторического анализа лексико-семантических систем различных эпох. Если мы имеем продвинувшуюся вперед историческую фонетику и морфологию русского языка, известное исследование А. А. Потебни в области исторического синтаксиса, то историческая лексикология у нас находится еще на первых ступенях своего роста» [Филин 1949: 3]. С того времени историческая лексикология русского языка начинает развиваться быстрыми темпами в следующих направлениях: 1) издаются исторические и диалектологические словари, представляющие собой важнейшие источники изучения истории слов в контексте исторической лексикологии русского литературного языка: в 1961 г. положено начало публикации «Словаря русских народных говоров», в 1979 г. – «Словаря русского языка XI–VII вв.» и далее

«Словаря русского языка XVIII века»; 2) публикуются монографические исследования, посвященные истории лексики русского литературного языка определенного времени [Филин 1949; Черных 1956], которые явились фундаментальной базой для создания обобщающего исследования по исторической лексикологии русского литературного языка с первых веков его существования до наших дней.

Именно эти работы дали толчок к появлению нашей исследовательской темы «Материалы для словаря удмуртского языка XVIII века». В исторической лексикологии восточно-финских языков – и удмуртского, в особенности – вплоть до наших дней является актуальным утверждение В. В. Виноградова о том, что «...история лексического строя многих языков почти вовсе не изучена», высказанное им более чем 90 лет тому назад. Коми-зырянское, марийское и удмуртское языкознание может похвастаться только учебными пособиями для вузов по исторической лексикологии [Лыткин 1979; Галкин 1986; Тараканов, Кондратьева 2019]. Поэтому исследование лексики письменных памятников XVIII в. в контексте исторической лексикологии является весьма актуальной задачей, стоящей перед удмуртской исторической лингвистикой.

Исследовательский Проект «Материалы к словарю удмуртского языка XVIII века» имеет основной целью восполнение в какой-то степени этой лакуны удмуртского языкознания – написание «Словаря удмуртского языка XVIII века». Для выполнения этой общей цели предлагается решение следующих конкретных задач: 1) подбор соответствующих источников – памятников удмуртской письменности XVIII в.; 2) выбор слов из обширного лексического состава удмуртского языка, встречающихся в памятниках удмуртской письменности XVIII в.; 3) определение по возможности исторического пласта, к которому относится исследуемое слово – а) исконный: уральский, финно-угорский, финно-пермский, общепермский, собственно-удмуртский; б) заимствованный: индо-иранский, болгарский, русский, татарский; в) неизвестного происхождения; 4) подбор иллюстративных материалов,

если они имеются в исследуемых письменных источниках; 5) написание и опубликование отдельных статей; 6) составление рукописи книги «Словарь удмуртского языка XVIII века».

Для анализа словарного состава удмуртского языка первой половины XVIII столетия предусматривается выявление в меру возможностей всех рукописных памятников XVIII в. и исследование их диалектных (на уровне фонетики и морфологии) и лексических особенностей. Источниковой базой являются комплекс опубликованных и неопубликованных работ. В число опубликованных входят: 1) сами письменные памятники XVIII столетия и исследования по ним, такие как: книга Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1965], куда вошли удмуртские лексические материалы с рекогносцировочным исследованием языка ученых-путешественников Ф. И. Страленберга, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, П. С. Палласа, грамматики «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 г., рукописной грамматики М. Мышкина 1786 г., монография В. В. Напольских [Напольских 2001], удмуртско-русский словарь З. Кротова [Кротовъ 1785], «Описаніе живущихъ в Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ...» Г. Ф. Миллера [Миллер 2005], а также монография автора этой статьи [Ившин 2010]. Большой интерес представляют публикации зарубежных и отечественных исследователей, посвященные анализу отдельных письменных памятников удмуртского языка XVIII в. (см. напр.: [Csúcs 1983; 1984; Gulya 1983 и др.); 2) этимологические словари коми языка [Лыткин, Гуляев 1970] и уральских языков [UEW 1986–1991], в которых представлена также этимология и многих удмуртских слов.

За основу словаря предполагается взять словник самого большого памятника удмуртской письменности XVIII века, содержащего более 5000 удмуртских слов и выражений – вотско-русского словаря З. Кротова. Словарная статья будет выглядеть следующим образом:

ПУЛЁ с., диал., зоол. 1. ‘белка-летяга’ 2. ‘бурундук’ [УРС 2008: 556].

1726: *Pulòh* ‘белка-летяга’ [Mes. 1726 (удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта даются по: [Напольских 2001: 191])];
1785: *пул[#]* ‘бѣлка летучая, или летяга’ [Кротовъ 1785: 180];
1786: *пуліо* ‘летяга птица’ [Могилинь 1786: 41].

По всей видимости, слово *пулѣ* является северноудмуртским диалектизмом: оно отмечено только в тех памятниках, которые были составлены на территории распространения северных говоров удмуртского языка. Однако Б. Мункачи данную лексему приводит без какой-либо пометки: *pul'o* ‘evet, mókus (летяга)’ [Munkácsi 1896: 601]. Напротив, в диалектном словаре Ю. Вихманна *пулѣ* также помечено как глазовское (т. е. северное): *pul'o G* ‘летяга, siipiorava’ [Wichmann 1987: 210]. Слово относится к прапермской лексике: к. *наляур, палюр* ‘белка-летяга’, кп. *кушпаль* ‘тж’ общеп. **pál'a* ‘белка-летяга’ [КЭСК 216]. Как видим, в памятниках XVIII–XIX вв. *пулѣ* имеет только одно значение – ‘белка-летяга’. До конца прошлого столетия значение данного слова во всех словарях удмуртского языка также не претерпевает особых изменений. Так, в удмуртско-русском словаре 1948 года издания появляется переносное значение: *пулѣ* ‘1) белка-летяга; 2) перен., разг. торопыга’ [УРС 1948: 251]. В словаре 1983 года переносного смысла уже не наблюдается: *пулѣ* диал. ‘белка’ [УРС 1983: 363]. Значение ‘бурундук’ появляется лишь с 1994 года в «Словаре биологических терминов» [Соколов, Туганаев 1994: 39] и повторяется словаре 2008 года издания: *пулѣ* I с., диал., зоол. ‘1. белка-летяга 2. бурундук’. Причем здесь появляется омоним, выражающий переносное значение рассматриваемой лексики: *пулѣ* II диал. ‘хвостун’ [УРС 2008: 556].

Таким образом, в результате выполнения проекта удмуртская гуманитарная наука обогатится разнообразным филологическим материалом, обладающим не только самостоятельной ценностью, но и сведениями, служащими для дальнейшей разработки ряда других ветвей и отраслей удмуртской филологии: исторической лексикологии, истории удмуртского литературного языка, исторической грамматики и др. Прикладная значимость результатов

исследования по теме «Материалы для словаря удмуртского языка XVIII века» заключается в следующем: 1) они могут быть использованы в вузовском преподавании таких дисциплин, как лексикология современного удмуртского языка, историческая лексикология, история удмуртского литературного языка и др.; 2) многие сведения из публикаций по теме Проекта могут быть включены в школьные и вузовские учебники по удмуртскому языку, использованы во внеклассной работе по удмуртскому языку, в качестве дополнительного чтения для учителей и учащихся; 3) хочется надеяться, что материалы исследования вызовут определенный интерес и у рядовых читателей – любителей удмуртской словесности.

Условные сокращения

диал. – диалектное, *зоол.* – зоологический термин, *к.* – коми язык, *кп.* – коми-пермяцкий язык, *общеп.* – общепермский язык-основа, *перен.* – переносное значение, *с.* – существительное, *G* – глазовский диалект (в материалах Y. Wihmann).

Список использованной литературы и источников

Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии / Г. А. Богатова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 282 с.

Боровой Л. Я. Путь слова. Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы / Л. Я. Боровой. – М.: Сов. писатель, 1960. – 608 с.

Виноградов В. В. История слов / В. В. Виноградов. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 1138 с.

Галкин И. С. Марий исторический лексикологий / И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1986. – 70 с.

Ившин Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века / Л. М. Ившин. – Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2010. – 236 с.

Кельмаков В. К. К истории удмуртских слов: проблемы, источники, результаты / В. К. Кельмаков // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) / УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2019. – С. 110–115.

Кротовъ З. Удмуртско-русский словарь / З. Кротовъ. – Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

КЭСК – см. Лыткин В. И., Гуляев Е. С.

Лыткин В. И. Коми кывлӧн историческӧй лексикология / В. И. Лыткин. – Сыктывкар: Изд-во Пермского ун-та, 1979. – 72 лб.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. АН СССР. Ин-т языкозн.; Коми филиал. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... (*репринт издания 1791*) / Г. Ф. Миллер // Г. Ф. Миллер и изучение уральских языков: материалы круглого стола. – Hamburg, 2005. – С. 111–186.

Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта / В. В. Напольских. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с.

Соколов С. В., Туганаев В. В. Биологической нимкылъёсын кылбургор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Туганаев. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 144 с.

Соч. – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. – 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – С. 3–15 + 113 + 17].

Тараканов И. В., Кондратьева Н. В. Удмурт кыллэн исторической лексикологияезъя ужпумъёс / И. В. Тараканов, Н. В. Кондратьева. Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон центр, 2019. – 280 б.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / Т. И. Тепляшина АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: [б. и.], 1965. – Вып. 1. – 324 с.

УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. – М.: ОГИЗ. ГИИНС, 1948. – 447 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР / Под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Русский язык, 1983. – 591 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. редактор Л. Е. Кириллова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. – 925 с.

Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) / Ф. П. Филин. – Л.: тип. № 2 Упр. изд-в и полиграфии Ленгорисполкома, 1949. – 288 с.

Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период / П. Я. Черных. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. – 244 с.

Шанский Н. М. В мире слов: Пособие для учителей / Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 1971. – 255 с.

Шведова Н. Ю. Предисловие / Н. Ю. Шведова // В. В. Виноградов. История слов. – М., 1999. – С. 1–3.

Csúcs S. Egy 18. századi votják nyelvemlék / S. Csúcs // NyK. – 1883. – № 2 (85). – 311–320 old.

Csúcs S. A votják nyelv a 18. Században / S. Csúcs // NyK. – 1984. – № 1 (86). – 63–80 old.

Gulya J. Vocabularium Sibiricum: (1747); der etymologisch-vergleichende Anteil / Johann Eberhard Fischer. Bearb. und hrsg. von János Gulya. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Land, 1995 (= Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia; Bd. 7). – 252 S.

Mes. – см. Напольских 2001

Munkácsi B. A votják nyelv szótára / B. Munkácsi. – Budapest, 1896. – XV + 758 l.

UEW 1986–1991 – *Károly R.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. I–III / R. Károly. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991. – XLVIII + 906 S.

Wihmann Y. Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjo Wihmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI). – Helsinki, 1987. – XXIII + 421 S.

*Ильина Татьяна Ивановна,
Самарова Мира Анатольевна*

*Россия, г. Ижевск,
Удмуртский государственный университет*

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭМПОРОНИМЫ г. ИЖЕВСК

Аннотация. В статье рассматриваются названия торговых объектов г. Ижевск Удмуртской Республики. Из огромного количества эмпоронимов выделяются иноязычные названия.

Ключевые слова: *эмпороним, фирмоним, рекламное имя, эргоним, ономастика, иноязычные названия, транслитерация названий.*

Определенную группу ономастического пространства города составляют наименования различного рода предприятий – эргонимы. Изучение данной группы имен, несомненно, является одним из актуальных направлений современных ономастических исследований. Практическое значение исследовательской активности изучения этого слоя ономастики заключается в том, что результаты могут «учитываться при разработке брендов» [Тортунова 2012: 125].

Для обозначения различного рода коммерческо-производственного объединения людей используют различные термины: *фирмонимы, эргоурбонимы, эргокомонимы, точечные урбанонимы, ойкодонимы, эмпоронимы, бизнесонимы* [Захарова-Саровская 2018: 188; Гусейнова 2014; Прокуровская 1996: 11]. В работе мы используем более обобщенный термин, предложенный Н. В. Подольской, т. е. *эргоним* (< греч. *εργον* 'дело, труд, деятельность') – это «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [Подольская 1988: 151].

В данном исследовании анализируются эргонимы маркетингового ряда, т. е. эмпоронимы (< греч. 'торговля') – названия го-

родских торговых объектов г. Ижевск. Справочник организаций и компаний г. Ижевск объединяет 15 630 организаций. Но из данного списка в работе уделяется внимание только названиям торговых объектов (230 категорий) [Справочник организаций и компаний г. Ижевск].

Значительным элементом взаимодействия в маркетинговой цепочке между производителем и потребителем являются название товара (маркетинговые хрематонимы) и эмпоронимы. Имя любого торгового объекта включает в себя информативную и воздействующую функцию. В названии может заключаться информация об объекте продажи, а также эмоциональная оценка, отвечающая ожиданиям потребителя. Удачно подобранные эмпоронимы достигают главной цели – привлечения внимания потребителя товаров.

В настоящее время в номинации различного рода предприятий, особенно коммерческих, заметно увеличилась роль иноязычных лексем. Заимствования, экзотизмы, варваризмы, иноязычные вкрапления стали одной из примет современного «языкового вкуса эпохи» [Гусейнова 2014]. Сегодняшний городской ономастикон пестрит иноязычными названиями. Для привлечения клиентов, покупателей, владельцы торговых объектов используют различные способы образования наименований.

Рассмотрим более подробно иноязычные эмпоронимы г. Ижевск. Иноязычные названия Ижевска можно подразделить на три группы: а) эргонимы, содержащие иноязычную графику, б) транслитерированные названия; в) гибридные названия.

В последнее время все большую популярность приобретают названия с иноязычной графикой. При графическом оформлении названий магазинов используются лингвистические средства языка-источника. Для их обозначения используются оригинальные названия торговых марок, брендовых имен. В современном мире «бренды, как слова, являющиеся собственностью корпораций, стали – случайно или умышленно – частью звукового сопровождения нашей жизни, ключевыми компонентами повседневного современного языка, если не прототипом нового языка»

[Цит. по Тортунова 2012: 125]. Среди иноязычных эргонимов Ижевска можно выделить однословные эргонимы-вкрапления: магазин компьютеров и их комплектующих «Access», «Samsung», «Aksland», «Nexus», «EDERA», кафе «Chicken», салон красоты «Estel», магазин женской одежды «Glamour», парихмахерская «Color», салон белья, колготок и текстиля «Claretta», салон мехов «Marsel», салоны красоты «Estel», «Diva», магазин детской одежды «Orby», «Choupette», «De Salitto», магазин одежды «Itmio», магазин одежды и обуви «Chester» и т. д. Интересными с графической точки зрения являются использование в названиях апострофа (название магазина мужской и детской одежды «O'stin», название бутика «Colin's»), дефиса (названия магазинов детских игрушек «V-Baby», «Ki-Kids»).

Среди наименований торговых объектов встречаются двухсловные эмпоронимы: магазин молодежной одежды «CITYJeans», магазин одежды «ToBe», магазин молодежной одежды «Brend-Beri», магазин детской одежды «Mini Boss», «Fun baby», магазин игрушек «Atomic comics», магазины компьютерной техники «GoodMark», «Ambient Lounge», «Home Space». При оформлении двухсловных наименований могут быть использованы амперсанд, т. е. знак, который является логограммой латинского союза *et* в значении 'и': «Man&Boy» магазин мужской одежды, Design&-Boutique CASA, Metro Cash & Carry.

В последние годы популярность приобретают виртуальные торговые объекты. Наименования интернет-магазинов отличаются от реальных торговых объектов тем, что они оформляются кодом *.ru*, что указывает на национальный домен верхнего уровня для России: «Amtik.ru», «LexComp.ru» (интернет-магазин компьютерной техники), «Det-os.ru» (интернет-магазин детской обуви). Иногда название оформляется номенклатурным термином, который зачастую помогает определить мотив именования: «Интернет-магазин Filin-book», «Интернет-магазин Thenotebook» (магазин книги), «Интернет-магазин Vertu Mobila» (магазин электроники) и т. д.

Для создания впечатления номинаторы могут прибегать к графической стилизации. Примером такой стилизации может служить название магазина одежды «BrendBerі». Данное название создано путем сложения двух слов: *Бренд* + глагол повелительного наклонения *Бери*, написанные латиницей.

К транслитерированным названиям относятся названия-экзотизмы и названия, созданные реверсивной транслитерацией. Иноязычные названия, оформленные средствами русской графики, называются варваризмами или экзотизмами. В эргонимическом поле г. Ижевск к экзотизмам относятся названия таких торговых центров, как «Лион», «Сити», «Сайгас», «Сигма», «Трим», «Штос», «Вуаля», «ХитДог», «Япона мама», «Авеню», названия магазина детских товаров «Киндер-авто» и «БэБиБай», названия магазинов компьютерной техники «СкайЛайн» и «Винлайн», названия интернет-магазинов «Мьюзик сити», «ОнлайнТрейд» (магазин электроники), «Оптовая компания Пресс Тайм» и т. д.

При наименовании торговых объектов владельцы нередко используют обратную транслитерацию, т. е. русское название передается латинскими буквами, например: «Гипермаркет Baikal», «Интернет-магазин Krovatki18.ru», детские товары «Bibika18», магазин электроники «RadioLabaz», магазин мебели «Comod», «Mebelvdome», «Korpus mebel» и т. д.

Гибридные названия – это такие эргонимы, в которых используются как русские буквы, так и иностранные. К гибридным названиям относятся эмпоронимы «Ляльки-shop» (магазин детских товаров), «Putto в Ижевске» (бутик), «DavionМебель» (магазин мебели), «Интернет-магазин Podgotoffka.ru» (магазин автозапчастей), «Мебельная студия Bonarty», «Вееглога» (магазин пива), «Кама Бэби», «Беби мебель», «BestиЯ» (магазин женской одежды), «Тоу игрушки» (магазин детских товаров) и т. д.

Любопытным с графической точки зрения является эмпороним «BestиЯ». В словаре слово *бестия* толкуется в значении 'плут, пройдоха'. Но, в данном случае, первая часть данного названия написана латиницей, вторая часть кириллицей. Первую часть можно сопоставить с английским словом *Best*, что перево-

дится как ‘лучший, лучшее’; вторая часть сопоставима с русским личным местоимением Я, которое отправляет послы для покупателя: ‘лучшее и я’. Но слово написано слитно, поэтому первые ассоциации все-таки возникают со словом *бестия*, что тоже привлекает внимание. Данное название демонстрирует принцип языковой игры, совмеща в рамках одной лексемы латинский и кириллический алфавиты.

В эргонимии г. Ижевск используются наименования с иноязычной аббревиатурой, например: «ABC» универмаг, «Магазин нестандартных подарков O. M. G.», «Цифровой супермаркет DNS», «Компания SMG спектр мультимедиа групп». Названия подобного рода чаще всего снабжены номенклатурной терминологией. Иногда встречаются эмпоронимы без соответствующего термина «CD-DVD» (магазин дисков).

Популярность иноязычных названий можно объяснить следующими причинами: такие эргонимы звучат престижно, солидно, особенно если это брендовые товарные марки; информируют покупателя о сотрудничестве с иностранными партнерами; намекают на высокое качество товаров и услуг, уникальность товара. Например, названия магазинов «Exclusive», «Glamour» как раз несут именно такой послы покупателям. Создается впечатление, что покупателей там ожидает все самое редкое, эксклюзивное, модное. Графическая стилизация под заимствования обладает теми же свойствами влияния на покупателей, что иноязычные названия, разница лишь в том, что в ней использованы знакомые нам слова, их смысл будет понятен, но намек на элитарность остается. Как отмечает Н. А. Гусейнова, «целью создания подобных эргонимов в большинстве случаев является стремление номинаторов «повысить статус» компании, иностранным именем привлечь внимание потенциальных потребителей, в сознании которых западная компания ассоциируется с высоким качеством и широким ассортиментом товаров и услуг, надежностью, стабильностью» [Гусейнова 2014].

Анализ иноязычных эмпоронимов г. Ижевск показал, что названия торговых объектов образуются при помощи иноязыч-

ных лексем языка-источника. Иноязычные, смешанные и стилизованные под заимствования эргонимы несут в себе ассоциации престижности, высокого качества.

Список использованной литературы и источников

Захарова-Саровская М. В. К вопросу об эргономии / М. В. Захарова-Саровская [Электронный ресурс] // Вестник КемГУ. – 2018. № 3 (75). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ergonomii> (дата обращения: 18.10.2020).

Кадоло Т. А. Текстуальные характеристики наименований городских торговых объектов [Электронный ресурс] / Т. А. Кадоло // Вестник КемГУ. – 2012. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstualnye-harakteristiki-naimenovaniy-gorodskih-torgovyh-obektov> (дата обращения: 18.10.2020).

Гусейнова Н. А. Современная российская эргонимия в аспекте иноязычных заимствований [Электронный ресурс] / Н. А. Гусейнова. Дисс. ... канд. филол.н. – М., 2014. – URL: <http://diss.seluk.ru/di-jazykoznanie/684665-1-sovremennaya-rossiyskaya-ergonimiya-aspekte-inojazychnih-zaimstvovaniy.php> (дата обращения: 02.10.2020).

Карта Ижевска // Официальный сайт справочника ДубльГИС [Электронный ресурс]. – URL: <https://2gis.ru/izhevsk> (дата обращения: 15.05.2012).

Справочник организаций и компаний г. Ижевск. [Электронный ресурс]. – URL: <https://izhevsk.jsprav.ru/> (дата обращения: 18.10.2020).

Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

Самсонова Е. С. Функционирование иноязычных средств в эргонимии / Е. С. Самсонова [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-inojazychnyh-sredstv-v-ergonimii> (дата обращения: 18.10.2020).

Тортунова И. А. Эргоним как результат речетворчества / И. А. Тортунова [Электронный ресурс] // Научный диалог. – 2012. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ergonim-kak-rezultat-rechetvorchestva> (дата обращения: 18.10.2020).

Карпова Людмила Леонидовна

*Россия, г. Ижевск, Удмуртский институт истории, языка
и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
Удмуртский государственный университет*

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ УДМУРТСКОЙ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье анализируются специфические синтаксические явления, зафиксированные в северных диалектах удмуртского языка. Выявление особенностей производится преимущественно в структуре словосочетаний.

Ключевые слова: удмуртский язык, северные диалекты, синтаксис, порядок слов, словосочетание.

В удмуртском языкознании диалектный синтаксис остается одним из слабоизученных сторон языковой системы. На данном этапе лингвистическим анализом охвачены в основном многие удмуртские диалекты и говоры, однако синтаксический строй этих диалектов, по сравнению с другими уровнями языковой системы, в частности, фонетикой и морфологией, описанию и интерпретации не подвергался. Удмуртские диалекты в области синтаксиса не проявляют существенных различий друг от друга и от письменного литературного языка. Это, прежде всего, относится к синтаксическим показателям диалектов, поскольку грамматические нормы письменного языка вырабатываются на основе диалектов, которые, хотя и не все в одинаковой мере, являются источником обогащения для литературного языка. Вместе с тем народно-разговорный язык, функционирующий только в устной форме, обладает такими грамматическими средствами для выражения синтаксических отношений, которые не употребительны или не приняты в письменной речи. Рассмотрение вопроса диалектного синтаксиса осложняется еще и тем, что отдельные син-

таксические явления могут представлять собой особенности, характерные как для просторечия, так и собственно устно-разговорной речи. Впрочем, удмуртская устно-разговорная речь, как особая система языка, практически не исследована. По этой проблеме имеется лишь небольшая статья М. Р. Федоровой [Федорова 1990: 52–61], в которой освещаются некоторые специфические синтаксические конструкции удмуртской устной речи.

В данной работе нами предпринята попытка описать и проанализировать некоторые синтаксические особенности, выявленные в порядке слов внутри словосочетания в диалектах северно-удмуртского языкового ареала. Эмпирической базой исследования послужили материалы диалектологических экспедиций автора в районы проживания северных удмуртов.

Вопрос порядка слов удмуртского языка в определенной степени рассматривался в исследованиях многих лингвистов, в частности, К. М. Баушева [Баушев 1929], М. Н. Булычева [Булычев 1947], Т. Г. Гавриловой [Гаврилова 1970: 107–118], Б. А. Серебренникова [Серебренников 1986: 116–123], А. Ф. Шутова [Шутов 1993: 27–30] и др. В настоящем исследовании, в отличие от работ вышеуказанных авторов, где словопорядок анализируется в основном на материале художественных произведений и фольклорных текстов, мы акцентируем свое внимание на выявлении специфики порядка слов, наблюдаемой в диалектной речи.

Особенности функционирования разговорной речи оказывают существенное влияние на порядок слов в предложении. В разговорном языке существуют свои закономерности расположения слов, проявляющиеся как некие тенденции, действие которых не является абсолютным и строго обязательным. Большая вариативность порядка слов, как отмечает Е. А. Земская, определяется различными факторами, например, экстралингвистическими особенностями разговорной речи, в частности ее спонтанностью, неподготовленностью, также тесной связью с внеязыковой ситуацией [Земская 1987: 149]. В установлении порядка слов в предложении определенную роль играет словопорядок внутри слово-

сочетания как конструктивного элемента предложения. Особенностью словосочетания удмуртского языка, как и всех финно-угорских языков, является тенденция ведущего, главного слова занять конечную позицию. В речи носителей североудмуртских диалектов этот порядок нередко нарушается. Рассмотрим эти случаи.

В удмуртском языке более устойчивым является словопорядок в именных словосочетаниях. В живой разговорной речи, как и в кодифицированном удмуртском языке, порядок внутри адъективно-субстантивного словосочетания соответствует модели ‘адъектив + субстантив’. При включении адъективно-субстантивного словосочетания в речевое произведение нередко используется инверсия, т. е. прилагательное располагается в постпозиции по отношению к определяемому существительному: *нылы зӧкӧз школа быттиз но пыр дойаркаын ужаз*. Байд. ‘**Дочка моя старшая** школу закончила и всё дояркой работала’; *вал’эрик, чӧж-йость ничиоссӧ азьӧса, курӧгӧз но вуэ тӧртӧнъ турскӧ*. Люм ‘Валера, увидев **утят маленьких** [в воде], и курицу в воду пытается загнать’. При этом прилагательное, конкретизирующее предмет, интонационно выделяется логическим ударением.

В прономинально-субстантивном словосочетании местоимение, как правило, располагается в препозиции по отношению к определяемому им имени. В речевом же контексте данный порядок иногда нарушается, т. е. местоименный компонент может находиться в постпозиции: *пӧпӧз солэн чик ӧз йуылы вӧш*. Бер. ‘**Дедушка его** вообще не пил лекарство’; *муми мынам с’имтэм вал*. Бер. ‘**Мама моя** слепая была’. Такие определения могут располагаться и в дистантной постпозиции, играя роль добавлений и уточнений: *пыд’д’осыз кл’ок вис’о бабӧлэн, арӧскыз но ўан’, т’амыстас но кӧин’*. ВМоч. ‘**Ноги** очень болят у **моей свекрови**, да и возраст у нее, восемьдесят три [года]’; *нылыз п о н у лын улӧ солэн*. Пес. ‘**Сестра=её** в Нижнем Мочагине живет у нее’; В таких случаях определение-местоимение семантически и интонационно ослаблено.

Нумеративно-субстантивное словосочетание, как свидетельствуют наши материалы, характеризуется устойчивым порядком следования элементов 'имя числительное + имя существительное'. Однако в потоке речи возможно изменение данного порядка: компоненты словосочетания могут меняться местами. Словосочетания данной модели с инверсивной последовательностью элементов неоднородны по семантике: 1) постпозиция числового компонента в высказывании показывает приблизительность количественной характеристики: *Їукна мон султис'ко часов п'ам'*. Юс. 'Утром я встаю **часов в пять**'; 2) числовой элемент находится в постпозиции как менее значимый компонент: *курэкнийэ вит'эз, вылды, тан' арн'а џоэжэ б'риз. йун курэктис'ко*. Зол. '**Цыплят=моих пять**, наверно, вот за неделю погибло. Очень переживаю'; 3) между компонентами нумеративно-именного словосочетания при обычном порядке появляется глагол-сказуемое, при этом логически и интонационно выделяется числовой компонент: *н'ил'дон д'эрэвн'аын вал ўал'л'о хоз'а'йство*. Бер. '**Сорок** в деревне было раньше **хозяйств**'.

Внутри глагольного словосочетания, как показывает диалектный материал, словопорядок при использовании в речевом контексте является более свободным и в препозиции, как правило, находится семантически более значимый элемент конструкции. В таких сочетаниях порядок следования глагольного и зависимого компонентов диктуется как речевой ситуацией, так и намерением говорящих выделить наиболее актуальный элемент, который располагается в начале словосочетания. Некоторые примеры: *гуртыс'эн нуллим с'ийон*. Гул. '**Из дома** носили еду'; *йупкамэ понна пыри корка*. Ук. '**За юбкой своей** [я] **зашла** в дом'. Кроме этого, в разговорной речи нередко встречаются случаи дистантного расположения элементов глагольного словосочетания: 1) компоненты словосочетания могут разделяться грамматическим субъ-ектом: *пэймытоз' гири·зы-киз'и·зы соос луд вылын, час шоры џз у·чкылэ*. Мос. 'До темноты **пахали-сеяли** они **в поле**, на время ('часы') не смотрели'; 2) между компонентами глагольного сло-

восочетания могут вставляться вводные слова, обращения и т. д.: *ко·т'кычэ крэз'йосты, шуыс'ко, тодылим ми*. Ук. 'Разные песни, говорю, **знали** мы'; *лыкты-ка, нылы, тат', пукс'ы*. Байд. 'Про-**ходи-ка**, дочка, **сюда**, присаживайся'.

В кодифицированном литературном языке глагольные сочетания с зависимым инфинитивом, как правило, располагаются рядом. В отличие от этого, в диалектах рассматриваемого ареала встречается довольно значительное количество примеров, когда глагол в форме инфинитива находится после глагола в спрягаемой форме, например: *пöчыыс'эн эишио мон кутски кэрскыны, мытый дышиэтиз*. Байд. 'С малых лет еще я **начала вязать**, мама научила'. В данном случае перенос инфинитива на конечную позицию в предложении выделяет его, придает ему стилистическую значимость. Обнаруживаются также случаи, когда элементы глагольного словосочетания при обычном порядке оказываются отдаленными друг от друга, т. е. имеют дистантное расположение. При этом логическое ударение обычно падает на инфинитив: *и тин' сэрээ вис'ыны, вис'ыны мар кэ мон кутски*. Ел. 'И вот потом **болеть, болеть** что-то я стала'.

Специфическая особенность в словопорядке говоров рассматриваемого ареала проявляется в порядке слов в сочетании основного глагола с соответствующим отрицательным вспомогательным глаголом при наличии в предложении частиц *н'и, на, ук*. Эти частицы нередко разделяют отрицательный и основной глагол: *магазин бэн öз на пы·тсас'кы, н'ан'зы но ван' эишио*. Мос. 'Магазин еще не закрылся ('не еще закрылся'), и хлеб еще есть'; *мынам проч номрэ карэм но уг н'и пот*. Ел. 'Мне совсем ничего делать уже не хочется ('не уже хочется')'; *тарээ омар но киз' посуда но öз ук во·з'ылэ*. Ел. 'А вот ведь почему-то и посуду, чтобы сходить в туалет, не держали ведь ('не ведь держали') [в доме]'. Следует отметить, что в литературном языке и большинстве удмуртских диалектов частицы *н'и* и *на* занимают постпозитивное место по отношению к слову, к которому непосредственно относятся.

В заключение отметим, что многие вышеотмеченные синтаксические особенности, выявленные в словопорядке внутри словосочетания в живой разговорно-бытовой речи северных удмуртов, могут иметь параллели и в других удмуртских диалектах. Слабая изученность в этом отношении как диалектного, так и литературного материала вынуждают пока ограничиться лишь констатацией отдельных явлений и позволяют представить только общие наблюдения и результаты.

Сокращения

Названия населенных пунктов: Байд. – д. Байдалино Ярского р-на; Бер. – д. Березник Зуевского р-на Кировской области; ВМоч. – д. Верхнее Мочагино Слободского р-на Кировской области; Гул. – д. Гулёково Глазовского р-на; Ел. – с. Елово Ярского р-на; Зол. – д. Золотарёво Глазовского р-на; Люм – с. Люм Глазовского р-на; Мос. – д. Мосеево Ярского р-на; Пес. – д. Пески Слободского р-на Кировской области; Ук. – с. Укан Ярского р-на; Юс. – с. Юски Кезского р-на.

Список использованной литературы и источников

Баушев К. М. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка / К. М. Баушев. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – 48 с.

Булычев М. Н. Порядок слов в удмуртском простом предложении / М. Н. Булычев. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. – 87 с.

Гаврилова Т. Г. Порядок слов в удмуртском повествовательном предложении / Т. Г. Гаврилова // Записки УдНИИ. – Ижевск, 1970. – Вып. 21. – С. 107–118.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М.: Русский язык, 1987. – 240 с.

Серебренников Б. А. Синтаксис древнеудмуртского языка – синтаксис тюрко-татарского типа / Б. А. Серебренников // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. – Устинов, 1986. – С. 116–123.

Федорова М. Р. Синтаксические особенности удмуртской устной речи / М. Р. Федорова // Вопросы грамматики и контактирования языков. – Ижевск, 1990. – С. 52–61.

Шутов А. Ф. Изучение порядка слов в пермских языках / А. Ф. Шутов // Вестник Удмуртского университета. – 1993. – № 6. – С. 27–30.

Кельмаков Валей Кельмакович
Россия, г. Ижевск,
Удмуртский государственный университет

Б. Г. ГАВРИЛОВ И ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРВЫХ ОРИГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ НА УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ*

Аннотация. Борис Гаврилович Гаврилов (1854–1885), татарин-кряшен по национальности, государственный крестьянин по происхождению, сельский учитель и в конце жизненного пути священник в сельском приходе и миссионер, в 1872–1877 гг. записывал фольклорный материал у казанских (периферийно-южных), малмыжских (срединных) и глазовских (северных) удмуртов и в 1880 году опубликовал книгу «Произведёнія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» с первыми оригинальными текстами на удмуртских диалектах. Его фольклорно-диалектологические публикации оказались в то время весьма востребованными в финно-угроведении, и не случайно многие из них, в особенности песни и загадки, были воспроизведены в работах как зарубежных (М. Бух, Б. Мункачи), так и отечественных (Г. С. Лыткин, М. П. Петров, Н. П. Кралина, Т. Г. Перевозчикова и др.). Они и в настоящее время служат важнейшим источником изучения не только удмуртского фольклора и некоторых диалектов на относительно раннем этапе их развития, но и истории малоупотребительной диалектной и устаревшей лексики и паремии (свыше 500 слов и выражений).

Ключевые слова: первые оригинальные удмуртские тексты, ранняя удмуртская графика, священник, миссионер, устаревшие слова.

1.1. В 2020 году исполнилось 140 лет со дня выхода в свет книги «Произведёнія народной словесности, обряды и повѣрья

* Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00267.

вотьяковъ Казанской и Вятской губерній», которые были “записаны, переведены и изложены **Борисомъ Гавриловымъ** во время его командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній” и изданы в Казани в 1880 году (189 с.).

1.2. Составитель данного сборника Борис Гаврилович Гаврилов родился в 1854 году в крещено-татарском селе Никифорово Абадинской волости Мамадышского уезда Казанской губернии. В отдельных источниках [Владыкин, Поздеев 1980: 48] указывается, что д. Никифорово имело татарско-удмуртское население, и Б. Гаврилов с детства владел татарским и удмуртским языками. Эти сведения вызывают определенные сомнения, поскольку Б. Гаврилов вынужден был изучать удмуртский язык то с удмуртскими ребятами будучи сельским учителем в д. Ошма современного Балтасинского района Республики Татарстан [Туранов 2010: 178]), то в результате специальных поездок в удмуртские деревни: “Въ 1873 году я жилъ в этой деревнѣ (имеется в виду д. Верхняя Шунь современного Кукморского района Республики Татарстан. – *В. К.*), по поручению начальства, изучая языкъ Вотьяковъ...” Об этом же пишет и Н. И. Ильминский: “Борись Гавриловъ въ 1873 и 1874 годахъ былъ командированъ въ вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній для изученія вотяцкаго языка” [Гаврилов 1891: 80. Примеч.]. В конечном счете он, по-видимому, все же овладел удмуртским языком весьма прилично (в совершенстве?); так, в письме к П. П. Масловскому от 7 сентября 1881 года Н. И. Ильминский охарактеризовал его следующими словами: “В Умякъ служить священникомъ, крещенный татаринъ изъ учениковъ о. Василия Тимоѳеевича, Борись Гавриловъ, очень даровитый, знатокъ вотяцкаго языка...” [Харламповичъ 1907: 163].

Что касается даты его смерти, то Е. Ф. Шумилов, называя годы жизни Б. Гаврилова: “ок. 1854, д. Никифорова Мамадышского у. Казанской губ. – до 1900 Малмыжский у.” [Энци. УР 2000: 262], относит ее, как видим, к весьма неопределенному времени – “до 1900” гг., что никак не согласуется со следующим фактом: венгерский исследователь удмуртского языка Б. Мункачи, нахо-

дясь в 1885 году в экспедиции у южных удмуртов, имел страстное желание посетить о. Б. Гаврилова, однако его отговорили от этой возможной встречи под тем предлогом, что в этот период Гаврилов лежит на смертном одре [Munkácsi 1887: VII] – ну не мог же он лежать в предсмертной агонии чуть ли не 15 лет! Такую неувязку снимают исследования А. А. Туранова, который с надежными документами на руках установил: “Согласно представленной архивной справке, в метрической книге Николаевской церкви с. Тавели за 1854 г. зарегистрирован факт крещения новорожденного мальчика, которому дано имя Борис. Дата рождения – 21 июля 1854 г, дата крещения – 25 июля. <...> Умер Борис Гаврилов 4 июля 1885 г. в возрасте 31 года от чахотки. Случилось это в своем приходе – в с. Умяк. Здесь же, в церковной ограде Петропавловской церкви, он похоронен” [Туранов 2010: 177, 180].

Б. Гаврилов, обучавшийся в Казанской крещено-татарской школе, по свидетельству Н. И. Ильминского, “своимъ образованіемъ много обязанъ извѣстному ревнителю миссіонерства, дворянину Евстафію Николаевичу Воронцу” [Гаврилов 1891: 80. Примеч.], выбором же жизненного пути – своему земляку о. Василию Тимофеевичу, первому учителю и заведующему крещено-татарской школой, известному в последней трети XIX в. просветителю крещеных татар. С 13 лет (со 2 января 1867 г.) был назначен учителем в с. Апазово Казанского уезда, в связи с открытием в 1868 году школы в д. Ошме¹ (удм. Ушмы), Б. Гаврилов был переведен туда. В этот период использовал в качестве учебного пособия тексты, переведенные им самим на удмуртский язык [Владыкин, Поздеев 1980: 48]. В 1872–1877 гг. ездил по удмуртским деревням Казанской и Вятской губерний (или длительное время проживал в некоторых из них) с целью освоения удмуртского языка и сбора полевых материалов по духовной

¹ В. Е. Владыкин и П. К. Поздеев называют удмуртскую деревню Ашмяк [1980: 48], по всей вероятности, ошибочно.

культуре удмуртов², и результатом этих поездок стали две работы Б. Г. Гаврилова: уже вышеупомянутые «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» и «Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода» (Гаврилов 1891: 80–156)³.

Б. Гаврилову приписывают также составление «Букваря» и перевод на казанский диалект удмуртского языка ряда религиозных книг, в их числе также, как: «Начатки христіанскаго ученія» (Нач. Уч. 1874), «О главныхъ церковныхъ праздникахъ господнихъ и богородичныхъ» (Бадзым пражникйос 1874), «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Заѡта. На Вотяцкомъ языкѣ» (Св. Ист. 1877), «Господа нашего Іисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣея» (Еванг. 1877), «Наставленіе св. Тихона Задонскаго» (Ўгет 1878) [Владыкин, Поздеев 1980: 48; Уваров 2000: 67]. Среди них наиболее значимой с точки зрения отражения дифференциальных признаков казанского диалекта и разработки последнего в качестве книжно-письменного языка является, на мой взгляд, «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Заѡта» (кукморский говор) (Св. Ист. 1877), «Господа нашего Іисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣея» (шошминский говор) (Еванг. 1877).

2.1. Важнейшим трудом Б. Гаврилова в области удмуртской филологии является, естественно, книга «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской

² Н. И. Ильминский писал: "...не мало собрано Гавриловымъ матеріаловъ по языку, преданіямъ, повѣрьямъ и обрядамъ Вотяковъ" [Гаврилов 1891: 80. Примеч.].

³ Е. Ф. Шумилов указывает еще и на третью публикацию Б. Гаврилова – «Обряды и поверья вотяковъ» (Казань, 1887) [Энци. УР 2000: 262]. Эта работа мне не знакома, да и в специальном исследовании по истории удмуртской этнографии она не приводится [Владыкин, Христоробова 1984: 24–26, 96–97]. Возможно, автора статьи в энциклопедию ввела в заблуждение работа Г. Верещагина «О книгахъ на вотскомъ языкѣ», в которой тот, ссылаясь на книгу Б. Гаврилова «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» [Гавриловъ 1880], сокращенно называет ее «Обряды и поверья вотяковъ» [Верещагинъ 1895: 9].

губерний». В композиционном отношении сборник весьма прост: он содержит удмуртские фольклорные тексты различных жанров на языке оригинала и их переводы на русский язык с некоторыми комментариями к ним (с. 3–154), описание поверий и обрядов северных удмуртов на русском языке (с. 155–186), «произношение букв со значками» (с. 187) и опечатки (с. 187–189).

Из фольклорных произведений различных жанров и видов сборник включены:

1) песни: а) четырехстрочные (*кыржан кылъёс*) – 216 (с. 3–37/74–102)⁴; (б) так называемые “сюжетные”, в их числе “порт-маськон гуръёс” (*кыржан гур*) – 24 (на языке оригинала: с. 38–47/103–111);

2) загадки (*мадишкон кыл, машкон кыл, вожо ма*) – 172 (с. 48–55/12–121);

3) сказки – 14 (с. 56–70/123–139);

4) куриськоны (языческие молитвы) (*вёшашкон кыл*) – 5 (с. 71–73/140–143);

5) легенды и предания (лишь в переводе на русский язык) – 5 (с. 144–154).

Тексты на удмуртском языке представляют в основном три группы говоров:

1) “казанский диалект” (по современному диалектному членению удмуртского языка *кукморский* и *шошминский* говоры периферийно-южного диалекта южного наречия);

2) средне-западные говоры (или *увинско-вавожская группа* срединных говоров);

3) “глазовский диалект” (*среднечепецкий диалект* северного наречия).

Количественное распределение фольклорных произведений различных жанров по указанным диалектам может быть представлено в следующей таблице:

⁴ Через косую черту отмечаются переводы (предложений, текстов) и их страницы.

Диалекты		Жанры удмуртского фольклора			
		песни	загадки	сказки	молитвы
Казанский диалект	кукморский говор	216	75	6	2
	шошминский говор			4	1
Срединные говоры		23		4	1
Северное наречие			20		1
Без точной паспортизации			77		
ВСЕГО		239	172	14	5
ИТОГО: 430					

Как явствует из таблицы, абсолютное большинство удмуртских текстов репрезентируют казанский диалект в целом; сказки и куриськоны (языческие молитвы), имеющие более точную паспортизацию с указанием населенного пункта их фиксации, относятся конкретно к кукморскому или шошминскому говору. Что касается четырехстрочных песен удмуртов, “живущихъ въ Казанской губерніи и въ южной части Малмыжского уѣзда Вятской губерніи” (с. 3–37), и 75 загадок, записанных “въ разныхъ мѣстностяхъ Казанской губерніи и въ пограничныхъ съ Каз. губ. селеніяхъ Вятск. губер.” (с. 48–51), то их отнесение к кукморскому или шошминскому говору не представляется возможным, за исключением тех случаев, когда в самом тексте песни упоминается тот или иной конкретный топоним; в последнем случае принадлежность песни тому или иному говору очевидна. Так, несомненно кукморскими являются четверостишия, где упомянуты такие ойконимы современного Кукморского района Республики Татарстан, как *Шыңыл* (д. Верхняя Шунь), *Каңсар* (то ли д. Старый Канисар, то ли Новый Канисар) или гидронимы *Шън ву-* (речка Шунь), *Каңсар вұ-* (речка Канисарская):

*Шыңыл но піос купес эвъл,
Купес піослєс кэм эвъл.
[Гавриловъ 1880: 9]*

’Жители **Шунбашские** хотя не купцы, но не хуже купцовъ’
[Гавриловъ 1880: 79].

Шын вуэдлэн куэсаяз
Галыз чыбор вудор ваф.
[Гавриловъ 1880: 9]

’Около рѣчки **Шуни** есть пестрогрудая цапля’ (с. 79) [Гавриловъ 1880: 79].

Каңсар ныййослэн кыржамзы
Каңсар вўосад шукишқоз.
[Гавриловъ 1880: 18]

’Пѣніе Коньсарскихъ дѣвухекъ отдается на Коньсарской водѣ’ [Гавриловъ 1880: 87].

Однако таких случаев чрезвычайно мало; к тому же в фонетическом отношении (в особенности в записи Б. Гаврилова) песенные тексты, записанные на кукморском говоре, мало чем отличаются от тех, которые были записаны среди шошминских удмуртов, поскольку варианты гласной фонемы *ы* (кукм. *ь* // шошм. *ы*) зафиксированы в текстах одинаково буквой **ы**.

Небольшое количество текстов репрезентирует срединные говоры (23 песни, 4 сказки и 1 куриськон) и глазовский диалект (20 загадок и 1 куриськон).

Часть материалов (77 загадок – с. 51–54), записанных, как отмечает сам Б. Гаврилов [Гавриловъ 1880: 54], “въ разныхъ мѣстностяхъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губерніи” и не поддающиеся более точной локализации, не могут быть отнесены к какому-либо конкретному диалекту, и использование их в качестве источников изучения определенных говоров – к тому же при не очень несовершенной графике и орфографии сборника – сопряжено с непреодолимыми трудностями.

2.2. Из этого следует, что книга Б. Г. Гаврилова «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» является важнейшим источником изучения не только фонетико-морфологических особенностей, но и весьма специфичной лексики и паремии (извлечено свыше 500 таких слов и выражений) в первую очередь “казанского диалекта” удмуртского языка – современных кукморского и шошминского говоров, хотя определенные сведения по указанным языковым направлениям могут быть получены также о срединных говорах

(увинско-вавожская группа) и северном наречии (среднечепецкий диалект) удмуртского языка (подробнее см.: [Кельмаков 2011: 152–165]).

3. Хотя сборник «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» – не первая и не единственная книга, которая была издана на удмуртском языке (или с включением значительного материала на удмуртском языке) задолго до Октябрьской революции, якобы подарившей удмуртам письменность⁵, однако он занимает исключительное положение в истории духовной культуры удмуртского народа, в частности в области гуманитарных наук. Уникальность и новаторский характер этой книги заключается в следующем.

3.1. Она представляет собой **первый** в истории филологической культуры **опыт публикации большого корпуса оригинальных текстов** на удмуртском языке. Правда, и до нее были уже попытки издания связных текстов на удмуртском языке, однако последние представляли собой либо переводы на удмуртский язык с русского (в частности, еще в конце XVIII века были переведены молитва “Отче наш” и два стихотворения [Бутолин 1941; Тепляшина 1965: 225–233])⁶ или иного языка (так, например, ряд

⁵ Вопреки исторической правде, в официальных кругах, юбилейных и прочих изданиях Удмуртской АССР нередко писали, в отдельных книгах вплоть до начала XXI века продолжают говорить и писать (возможно, с подачи первых), что удмуртский народ был “лишен царизмом печатного слова” [Удмуртия за 40 лет 1957: 206]; “До Великой Октябрьской социалистической революции удмуртский народ ни своей письменности, ни тем более художественной литературы не имел” [Тридцать лет СУ 1950: 144]; “До революции удмурты не имели письменности. (...) Советская власть, создавшая все условия для быстрого роста материального и культурного уровня, дала удмуртам письменность...” [Кралина 1954: 141]; “У финского и эстонского языков письменность на основе латинского алфавита; у марийского и мордовских – издавна на основе русского алфавита; у коми-зырянского, удмуртского и коми-пермяцкого – на русской основе (с 30-х годов XX в.)” [Реформатский 1967: 422; 2006: 425]. И пр.

⁶ Первыми книгами на удмуртском языке, как общеизвестно, являются следующие: [Азбука Гл. 1847; Азбука Сар. 1847; Евангелия Гл. 1847 и Евангелия Сар. 1847; Блинов 1867] и др. Существование более ранних изданий –

книг, изданных в Казани до и после появления сборника «Произведения народной словесности...» с использованием графической системы и орфографии последних, были, по всей вероятности, переведены Б. Гавриловым с языка татар-кряшен⁷; что же касается произведений удмуртского фольклора, опубликованных до книги Б. Гаврилова, то они либо крайне незначительны по объему⁸, либо изданы в вольном пересказе на русском языке.

3.2. Сборник является **первым** в России **опытом научной публикации** удмуртских фольклорно-диалектологических текстов в собственных записях автора, включающей – правда, не всегда полно и последовательно – почти все элементы таковой: 1) оригинальные тексты представлены в орфографии или транскрипции с попыткой сохранения их диалектных особенностей; 2) осуществлен перевод их на другой, более распространенный язык; 3) имеется паспортизация текстов; 4) к последним приложены лингво-этнографические комментарии. В связи с вышеназванными особенностями «Произведения народной словесности...» приобретают исключительную важность для удмуртской диалектологии и фольклористики.

3.3. Книга выступает в качестве **первого оригинального текстового источника для изучения удмуртских диалектов**, преимущественно южных⁹, чему в немалой степени способство-

«Евангелия от Луки» (СПб., 1824) и «Евангелия от Матфея» (Казань, 1846), приводимых И. В. Таракановым в статье «Памятники удмуртской письменности» [Энци. УР 2000: 539–540], весьма гипотетично; по крайней мере и сам автор выражает недоумение, из какого источника заимствованы им сведения о них.

⁷ К таковым, по-видимому, относятся и книги «Священная История Ветхаго и Новаго Завнта на Вотяцкомъ языкѣ» и «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣея», изданные в Казани же за три года до появления сборника «Произведения народной словесности...» с использованием графической системы и орфографии последних.

⁸ Еще в XVIII веке были зафиксированы и частично опубликованы Н. П. Рычковым и М. Могилиным некоторые произведения малого жанра удмуртского фольклора [Поздеев 1976: 117–118].

⁹ Севернудмуртские диалекты уже в XVIII веке получили достаточно полное отражение в точно локализованных памятниках письменности, какими

вали, с одной стороны, наличие паспортизации текстов, хотя и далеко не полной, и, с другой стороны, попытка относительно точной фиксации составителем сборника особенностей территориально-структурных вариантов удмуртского языка. Правда, и эти благие намерения не всегда были достигнуты в достаточной мере.

3.4. Эта книга, наиболее популярная среди удмуртских изданий миссионерского общества того времени, **представила** на базе оригинальных текстов весьма **сложную систему письма**, весьма приближенного к транскрипции, ту систему, которая была уже апробирована в ряде предыдущих переводных изданий, менее доступных читателям и исследователям (см., напр.: [Св. Ист. 1877; Еванг. 1877]). Хороша была эта система графики и орфографии или не совсем, вопрос требует еще более детального изучения, но практическое использование ее в других изданиях имело место в конце XIX века и после выхода сборника «Произведенія народной словесности...» (ср., напр.: [СВС 1892]).

3.5. Имея в качестве приложения также и описание ряда календарно- и семейно-обрядовых праздников и этнографических реалий, заключающее в себе “немало новых для того времени интересных деталей” [Владыкин, Христоробова 1984: 25], книга Б. Гаврилова является **ценным источником и для удмуртской этнографии**.

4. Книга «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» оказалась крайне ожидаемым явлением в удмуртской филологии конца XIX века. Своевременность ее издания нашла выражение в том, что:

с одной стороны, она сразу же после выхода в свет привлекла к себе внимание зарубежных ученых того времени, и буквально через 2–3 года часть текстов из нее была переиздана Максом Бухом на удмуртском и немецком языках [Buch 1882: 90–104,

являются словарь Захария Кротова [Кротовъ 1785] и грамматика М. Могилина [Могилинъ 1786]; что касается южных говоров, то «Произведенія народной словесности...» Б. Гаврилова являются, пожалуй, первым весьма крупным источником их изучения, имеющим относительно точную локализацию.

110–122] (всего 26 песен, 51 загадка, 5 образцов четырехстрочных песен паремииологического характера или отрывков из них и 10 преданий и сказок – последние лишь на немецком языке) и Бернатом Мункачи с параллельным переводом на венгерский язык [Munkácsi 1883] (всего 6 сказок, 120 загадок, 117 песен и 5 языческих молитв);

с другой стороны, она возглавила собой целую серию последовавших в конце XIX – начале XX века аналогичных публикаций удмуртских фольклорно-диалектологических текстов, собранных и подготовленных к печати с приложением к ним параллельных переводов на финский, венгерский, немецкий и русский языки как зарубежными учеными (Т. Г. Аминоффом [Aminoff 1886], Б. Мункачи [Munkácsi 1887], Ю. Вихманном [Wichmann 1893; 1901; 1901a]), Р. Лахом [Lach 1926], так и отечественными (Н. Г. Первухиным [1888], И. С. Смирновым [1890: 1–39], С. Багиным [1897], И. Васильевым [Wasiljev 1902: 125–139; Васильевъ 1906: 337–345], Т. К. Борисовым [1929] и др.). И этот новый оригинальный совокупный материал, который в последнюю четверть XIX и самом начале XX века поступил в распоряжение финно-угроведов, дал возможность удмуртскому языкознанию того времени подняться на качественно новую ступень; а обнародованные ими устно-поэтические тексты представляют собой золотой фонд и для современной фольклористики.

5. Современники Б. Гаврилова и последующие исследователи, не обремененные определенными политическими и прочими предубеждениями, весьма положительно отзывались о его книге.

Первым, кто не только переиздал значительную часть фольклорных материалов из книги Б. Гаврилова (в этом отношении первым все же был немецкий этнолог М. Бух), но и в небольшом предисловии к первой своей удмуртоведческой работе дал весьма квалифицированную с позиций лингвистики и фольклористики характеристику текстам и указал на значимость их для удмуртской и финно-угорской филологии, был Б. Мункачи (считаю необходимым и возможным представить его для российских чи-

тателей в полном составе как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык):

A votják nyelvről szóló ismertetések eddigelé általában fordított s különösen vallásos tartalmú textusok alapján történtek. Eredeti nyelvmutatványok jelentékenyebb számban csak ezelőtt két évvel jelentek meg a kazáni missionárius társaság kiadásában (᠑: kiadásában) «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья Вотьяковъ Казанской и Вятской губерній» («A kazáni és vjatkai guberniumbeli votjákok népköltésének termékei, szokásai, babonái») címen. E gyűjtemény összeszerzője G a v r i l o v B o r i s z, ki Vjatkában töltött szolgálati ideje alatt figyelmét a népköltésre és szokásokra is kiterjeszté s különösen nagy számban szerzett össze dalokat, találós meséket, ezenkívül (᠑: ezenkívül?) meséket és imádságokat. Ezeket a gyűjtő kissé szabad, de azért elég jól használható orosz fordítással látta el s itt-ott, hol a szövegbeli előadás kissé homályos, magyarázatokkal.

’Сведения, касающиеся удмуртского языка, в общем до сих пор исходили лишь из переводных текстов и преимущественно религиозного содержания. Оригинальные образцы речи в значительном объеме появились лишь два года тому назад в издании Казанского миссионерского общества под названием «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотьяковъ Казанской и Вятской губерній» («A kazáni és vjatkai guberniumbeli votjákok népköltésének termékei, szokásai, babonái»). Составитель сборника Б о р и с Г а в р и л о в, кто в период службы в Вятке обратил свое внимание на [удмуртскую] народную поэзию и обычаи и в особо большом количестве собрал песни, загадки, сказки и, сверх того, сказки и молитвы. Эти материалы собиратель снабдил относительно свободным, потому и достаточно удобным для пользования, переводом на русский язык и местами, где близкое к тексту переложение несколько затемнено, – комментариями. Однако же многие места едва ли дос-

Mindemellett több helyt a teljesen szabatos és biztos fordítás csaknem lehetetlen, részint mivel jókora számú a szövegekben az olyan szó és szólás, mely eddigi forrásainkban nem fordul elő s így jelentésére nézve egyelőre még nem igazolható, részint pedig mivel olyan viszonyokra történik benne célzás, melyek csak a helyi körülmények alapos ismertetével érthetők. Mi a könnyebben fordítható darabok közül közlünk mutatványokat, mit annál időszerűbbnek tartunk, minthogy az ugor nyelvek közül eddigelé a voltják nyelv részesült aránylag legkevesebb méltatásban nyelvészeti irodalmunkban. E szövegek két különböző nyelvkörületből vannak egybegyűjtve: a kazáni kormányzóság éjszaki és vjatkai kormányzóság déli részéből; amannak nyelvét bizonyos hangtani sajátságokon kívül (о: kívül?) (pl. hogy szókezdő *j* *d'*-vé változik benne) erős török hatás jellemzi szókincsben és mondatszerkezetben; emezt (ide tartoznak az ünnepdalok s a találós mesék közül a 72–

тупны для точного и надежного перевода, частично потому, что в значительном количестве текстов имеются такие слова и выражения, которые в прежних источниках не встречаются и удостовериться относительно их семантики пока еще невозможно; частично же потому, что в них делаются намеки на такие отношения, которые могут быть поняты лишь на основе фундаментальных познаний местных обстоятельств. Что касается опубликованных образцов среди легко переводимых произведений [фольклора], их тем более считаем своевременными, поскольку среди угорских [= финно-угорских] языков вплоть до сего времени именно удмуртский в относительно меньшей степени оценен в нашей лингвистической литературе. Эти тексты собраны в двух языковых областях: в северной части казанской и южной части вятской провинций; для языка первых свойственно, помимо определенных фонетических особенностей (к примеру, то, что анлаутное *j*- переходит в них в *d'*-) наличие сильного тюркского влияния на словарный состав и строение предложений; последние (к ним отно-

120 számuak) főképen az orosz kölcsönszók nagyobb száma. [Munkácsi 1883: 247]

сятся праздничные (обрядовые) песни и загадки под номерами 72–120) характеризуются большим количеством заимствованных лексических единиц, преимущественно русских’.

Вполне современно звучат слова И. Н. Смирнова о сборнике, высказанные им печатно более века назад:

“Сборникъ Гаврилова составляетъ первый по времени опытъ болѣе или менѣе научнаго изданія произведеній народнаго творчества Вотяковъ. ... Мы не беремъ на себя смѣлости судить о достоинствѣ филологическихъ записей Гаврилова, но въ пользу изданія можетъ говорить то, что тексты Гаврилова были переизданы съ венгерскимъ переводомъ въ Будапештѣ мадьярскимъ филологомъ Мункачи. Въ пользу ихъ содержанія говорить переводъ на нѣмецкій языкъ в книгѣ М. Vuch. Первое мѣсто по количеству в сборникѣ занимаютъ пѣсни, но с культурно-исторической точки зрѣнія большаго вниманія заслуживаютъ сказки и преданія... Преданія о Тутѣ и Янтамырѣ, Ваткѣ и Калмезахъ, о книгѣ, о разрушеніи куалы въ Вяткѣ, объ Идна-батырѣ заключаютъ въсьма цѣнныя историческія и бытовыя черты” [Смирнов 1890: 280–281]¹⁰.

По мнению К. Герда [1929: 40], сборник Б. Гаврилова не потерял своей ценности и в наше время (в 20–30-е гг. XX в.) и должен стать настольной книгой для каждого образованного удмурта. Современные исследователи огромное историческое значение данной книги видят в следующем: во-первых, она послужила своего рода учебной хрестоматией по удмуртской лите-

¹⁰ Оценка историко-этнографической значимости произведений прозаических жанров удмуртского фольклора из собрания Б. Гаврилова, произведенная И. Н. Смирновым в конце XIX века, почти дословно повторена в последней четверти XX столетия в работе В. Е. Владыкина и Л. С. Христолюбовой [1984: 24–25].

ратуре для обучения и воспитания многих просветителей и деятелей удмуртской культуры конца XIX – начала XX столетия (И. С. Михеева, М. И. Ильина, И. В. Яковлева, Г. П., М. П., А. П. и М. П. Прокопьевых, И. Шкляева, Кедре Митрея и др.); во-вторых, она положила конец измышлениям о том, что удмуртский народ не имеет своего собственного устно-поэтического творчества [Владыкин, Поздеев 1980: 48, 49].

6. Однако в годы Советской власти (начиная примерно с 30-х гг. XX столетия) отдельные фольклористы Удмуртии, “до зубов” вооруженные марксистско-ленинской идеологией и оснащенные коммунистическими идеалами, выражали весьма пренебрежительное – мягко говоря – отношение к Борису Гавриловичу Гаврилову как священнику и миссионеру и к его фольклорным записям, что особенно ярко выражено в одной из работ Н. П. Кралиной. Именно в связи с его собирательской деятельностью советский фольклорист высказывает свои самые гневные слова в адрес вообще многих дореволюционных собирателей, обвиняя их в том, что они “нередко подправляли подлинно народные произведения в духе официальной народности, утверждавшей, с одной стороны, смирение и верноподданнические чувства народа, и, с другой, – художественную неполноценность народного творчества вообще и творчества национальных меньшинств в особенности” [Кралина 1961: 9]. Да и самому Б. Гаврилову перепала немалая доза этого “справедливого гнева”: “Гаврилов записывал преимущественно лирические песни, почти совершенно исключая песни, имеющие социальное звучание, отражающие тяжелое положение удмуртов. Такой выбор может быть объяснен и *идейными позициями* собирателя и тем, что *народные певцы, вполне естественно, видели в миссионере человека, чуждого им*” (курсив мой. – В. К.) [Кралина 1961: 9].

Во-первых, хотелось бы знать, из каких-таких это “идейных позиций” 19-летний выходец из сословия государственных крестьян – сын “казённого крестьянина из татар старокрещеного Гаврила Михайлова и законной жены его Ирины Михайловой”

[Туранов 2010: 177], выпускник Казанской крещено-татарской школы, не будучи еще ни священнослужителем (которым, возможно, и не собирався быть, пока серьезные финансовые затруднения не вынудили его к этому шагу), ни миссионером, а работавший сельским учителем, мог быть не объективным при сборе фольклорного материала в полевых условиях на значительной территории проживания удмуртов и “нередко подправлять подлинно народные произведения” при подготовке их к изданию.

Во-вторых, несостоятельность мифа о том, что “народные певцы, вполне естественно, видели в миссионере человека, чуждого им” развенчивается хотя бы тем, что кукморские удмурты, видя в нем приятного юношу (священником и миссионером он, как было уже сказано, тогда еще не являлся), стремящегося овладеть их языком, искренне заинтересованного их жизнью и народной культурой, настолько доверились учителю Борису Гавриловичу, что раскрыли ему ворота и двери на все свои языческие моления, выложили перед ним весь свой репертуар, вплоть до языческих молитв и даже не очень этичных, с точки зрения удмуртов того времени, “фривольных” песен (типа: № 53 [Гавриловъ 1880: 11/81], № 139 [Гавриловъ 1880: 25/92]).

А о том, как (вос)принимали “народные певцы” “миссионера, человека, чуждого им”, достаточно послушать самого Б. Гаврилова:

“Въ 1876 году лѣтомъ, проживая на своей родинѣ, я получилъ приглашеніе отъ Вотяковъ деревни Верхнихъ Шунъ пріѣхать къ нимъ въ гости въ день праздника Казанской иконы Божіей Матери. Въ 1873 году я жилъ въ этой деревнѣ, по порученію начальства, изучая языкъ Вотяковъ, и до того сошелся с ними, что они принимали меня какъ родственника. Рѣдкій недѣльный день проходилъ безъ того, что меня приглашали въ гости въ три-четыре дома. Скрытность Вотяковъ извѣстна; но несмотря на это я не пропускалъ ни одного жертвоприношенія или другихъ семейныхъ обрядовъ, не побывавши на нихъ, или, лучше сказать, мнѣ не давали пропускать подобныхъ обрядовъ, а всегда приглашали и,

не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, делали все, что требовали обычаи стариковъ.

Июля 8 дня Вотяки прислали за мной пару лошадей, а разстояние отъ моей родины до ихъ деревни около 30 верстъ. Я поѣхалъ, согласно приглашенію Вотяковъ, съ женой. Какъ проводили мы праздникъ, я не стану описывать, скажу только, что мы прогостили восемь дней и побывали за это время въ 22 домахъ *шыд дорын*, т. е. за угощеніемъ. Многіе звали по два и по три раза. <...> При прощаніи всѣ провожавшія плакали такъ, что мы сами невольно прослезились, смотря на этихъ добрыхъ людей принявшихъ насъ какъ родныхъ” [Гавриловъ 1891: 80–81].

Эта пространная цитата из работы «Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урьясь-Учинскаго прихода», опубликованной Б. Гавриловым в сборнике «Труды IV археологического съезда» (Казань, 1891), не могла быть тайной за семью печатями для фольклориста Н. П. Крапиной, ибо вышеназванная книга находится в Удмуртском НИИ, где много лет фольклорист работала. Тогда зачем было наводить тень на плетень в ясный полдень?

И перед нами, современными удмуртскими исследователями, стоит благородная задача реабилитировать в глазах ученых и рядовых читателей доброе имя Бориса Гавриловича Гаврилова (1854–1885) как талантливого ученого-самоучки и честного, добросовестного труженика на ниве просвещения и гуманитарной науки.

Список использованной литературы и источников

Азбука Гл. 1847 – Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчій. (По Глазовскому). – Казань: Типография Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 173 с.

Азбука Сар. 1847 – Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчій. (По Сарапульскому). – Казань: [б. и.], 1847. – 192 с.

Багинъ 1897 – *Багинъ С.* Свадебные обряды и обычаи вотяковъ Казанскаго уѣзда: Этнографическій очеркъ / С. Багинъ // Этнографическое обозрѣніе. – 1897. – № 2. – С. 59–92.

Бадзым пражникійос 1874 – Бадзым пражникійос. Главные церковные праздники Господни и Богородичны. На наречіи Вотяковъ Казанской губерніи. – Казань: Тип. Коковиной, 1874. – 102 с.

Блиновъ 1967 – *Блиновъ Н. Н.* Лыдзонъ: Азбука для вотскихъ детей / Н. Н. Блиновъ. – Вятка: Типография губернскаго правленія, 1867. – 24 с.

Борисов 1929 – *Борисов Т. К.* Песни южныхъ вотяковъ / Т. К. Борисов. – Ижевск: Удкнига, 1929. – 102 с.

Бутолин 1941 – *Бутолин А.* [С.] Вопросы развитія удмуртской поэзии / А. [С.] Бутолин // Записки / Удмурт. НИИ ист., языка, лит. и фольклора при СНК Удмурт. АССР. – Ижевск, 1941. – С. 35–61.

Васильевъ 1906 – *Васильевъ И.* Обозрѣніе языческихъ обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ Казанской и Вятской губерній / И. Васильевъ // Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ. – Казань, 1906. – Т. XXII. – Вып. 3. – С. 185–219; – Вып. 4. – С. 253–276; – Вып. 5. – С. 321–349.

Верещагинъ 1895 – *Верещагинъ Г.* О книгахъ на вотскомъ языкѣ / Г. Верещагинъ. – Вятка: Губернская типография, 1895. – 21 с.

Владыкин, Поздеев 1980 – *Владыкин В., Поздеев П.* Сю аресъем удмурт книга / В. Владыкин, П. Поздеев // Молот. – 1980. – № 12. – 48–49-тй б.

Владыкин, Христюлова 1984 – *Владыкин В. Е., Христюлова Л. С.* История этнографии удмуртов: Краткій историографическій очерк с библиографіей / В. Е. Владыкин, Л. С. Христюлова. – Ижевск: Удмуртія, 1984. – 144 с.

Гавриловъ 1880 – Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время его командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній / Б. Гавриловъ. – Казань: Православное миссионерское общество, 1880. – 189 с.

Гавриловъ 1891 – *Гаврилов Б. Г.* Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода / Б. Г. Гавриловъ // Труды IV археологическаго сѣзда. – Казань, 1891. – С. 80–156.

Герд 1929 – *Герд К.* Калыккылос книгаёс / К. Герд // Кенеш. – 1929. – № 5. – 40–41-тй б.

Еванг. 1877 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣея. – Казань: Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1877. – 82 с.

Еванг. Гл. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матѣея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. – Казань: напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 138 с.

Еванг. Сар. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа евангеліе отъ св. Евангелиста Матѣея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. – Казань: напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 234 с.

Кельмаков 2011 – *Кельмаков В. К.* Вехи истории удмуртского языковедения / В. К. Кельмаков. Удмурт. гос. ун-т, Каф. общ. и финно-угор. языкознания, РАН УрО, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – 517 с.

Кралина 1954 – *Кралина Н. [П.]* Загадки удмуртского народа / Н. [П.] Кралина // Записки / Удмурт. НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1954. – С. 123–194.

Кротовъ 1785 – *Кротов З.* Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

Могилинъ 1786 – *Могилин М.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кириллова; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Нач. Уч. 1874 – Начальное ученіе православной христіанской вѣры на вотскомъ языкѣ = Чын дён киңгаез. – Казань: Тип. Коковиной, 1874. – 90 с.

Первухинъ 1888 – *Первухинъ Н. Г.* Эскизы преданій и быта ино-родцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскизъ III: Слѣды языческой древности въ образцахъ произведеній устной народной поэзіи вотяковъ (лирическихъ

и дидактических) / Н. Г. Первухин. – Вятка: Изд. Губерн. стат. ком., 1888. – 82 + II с.

Поздеев 1976 – *Поздеев П. К.* Удмуртские фольклористические сведения и материалы в письменных источниках XVIII века / П. К. Поздеев // 200 лет удмуртской письменности. – Ижевск, 1976. – С. 116–119.

Реформатский 1967 – *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. Изд. 4-е, исправл. и доп. / А. А. Реформатский. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.

Реформатский 2006 – *Реформатский А. А.* Введение в языкознание: Учебник для вузов. 5-е изд., испр. / А. А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 536 с.

Св. Ист. 1877 – Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта на Вотяцкомъ языкѣ. – Казань: Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1877. – 190 с.

СВС 1892 – Краткій славяно-вотскій словарь: Пособіе къ чтенію Церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта. – Казань: Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1892. – 70 с.

Смирновъ 1890 – *Смирновъ И. Н.* Вотяки: Историко-этнографическій очеркъ (= Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ. Т. 8, вып. 2) / И. Н. Смирновъ. – Казань: Изд. Губерн. стат. ком., 1890. – 308 + [Приложение] 39 + 4 с.

Тепляшина 1965 – *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века / Т. И. Тепляшина. АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1965. – 324 с.

Тридцать лет СУ 1950 – Тридцать лет Советской Удмуртии. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1950. – 164 с.

Туранов 2009 – *Туранов А. А.* О крайних датах биографии Бориса Гаврилова / А. А. Туранов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. – 2009. – № 3. – С. 25–29.

Туранов 2010 – *Туранов А. А.* Борис Гаврилов. Страницы биографии исследователя / А. А. Туранов // Чеховские чтения в Вятке: материалы науч. конф. (Киров, 28 янв. 2010 г.) / Департамент культуры Киров. обл., Киров обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, Вят. Шаляпин. об-во. – Киров, 2010. – С. 176–181.

Уваров 2000 – *Уваров А. Н.* Роль переводов библии в формировании дореволюционной удмуртской литературы / А. Н. Уваров // Вордскем кыл. – 2000. – № 5. – С. 65–70.

Удмуртия за 40 лет 1957 – Удмуртия за 40 лет советской власти. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1957. – 260 с.

Ўгет 1878 – Ўгет. Святой Тихон дѣшетем жѣс кылйос. Наставленіе христіанское Св. Тихона. – Казань: [б. и.], 1878. – 35 с.

Харламповичъ 1907 – *Харламповичъ К. П. П.* Масловскій и его переписка съ Н. И. Ильминскимъ (Материалы для исторіи русской миссиі) / К. Харламповичъ // Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ. – Т. XXIII. – Вып. 2. – С. 67–109; – Вып. 3. – Казань, 1907. – С. 163–224.

Энци. УР 2000 – Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 800 с.

Aminoff 1886 – *Aminoff T. G.* Wotjakilaisia kielinäytteitä / T. G. Aminoff // JSFOu. – 1886. I. – P. 32–55.

Buch 1882 – *Buch M.* Wotjäken, eine ethnologische Studie / M. Buch. – Helsingfors: Druckerrei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882. – 190 S.

Lach 1926 – *Lach R.* Gesänge russischer Kriegsgefangener / R. Lach. Wien und Leipzig, 1926. – I Band: Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung: Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. – S. 1–99.

Munkácsi 1883 – *Munkácsi B.* Votják nyelvmutatványok / B. Munkácsi // NyK. – 1883. – XVII. – 247–302 old.

Munkácsi 1887 – *Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok / B. Munkácsi. – Budapest. 1887. – 335 l.

Wasiljev 1902 – *Wasiljev I.* Übersicht über die heidnischen Gebräuche, Aberglauben und Religion der Wotjaken in den Gouvernements Wjatka und Kasan (= MSFOu XVIII) / I. Wasiljev. – Helsingfors, 1902. – 143 + IV S.

Wichmann 1893 – *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben / Y. Wichmann. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S.

Wichmann 1901 – *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben / Y. Wichmann. – Helsingfors, 1901. – II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. – IV + 200 S.

Wichmann 1901a – *Wichmann Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Closar / Y. Wichmann. – Helsingfors, 1901a. – V + 134 S.

Кириллова Людмила Евгеньевна
Россия, г. Ижевск, Удмуртский институт истории, языка
и литературы УдмФИЦ УрО РАН

НАЗВАНИЯ ГРИБОВ В УДМУРТСКИХ МИКРОТОПОНИМАХ

Аннотация. В статье рассматриваются микротопонимы, составной частью которых являются названия съедобных грибов. Такие географические названия ценны тем, что позволяют выявить удмуртские названия грибов, не функционирующие в удмуртском литературном языке и зачастую не отмеченные в словарях.

Ключевые слова: *микологическая лексика, удмуртская топонимия, микротопонимы, названия грибов, удмуртские говоры.*

Удмурты издавна занимались собирательством грибов, ягод, трав, которые известны в традиционной культуре как продукты питания и используемые в лечебных и иных целях.

Миконимическая лексика в удмуртском языке исследована крайне недостаточно. Имеются лишь несколько небольших статей отдельных авторов. В них рассматриваются в сопоставительном плане русские и удмуртские названия грибов [Марков 1983: 62–64], бытование названий грибов в удмуртских диалектах [Вахрушев 1987: 75–84], проведен анализ миконимической лексики пермских языков [Ракин 1983: 272–278], единичные грибы упоминаются и в статье этнографического характера, посвященной использованию удмуртами растений и грибов в приготовлении различных напитков [Сунцова 2019: 23]. Кроме того, упоминаемая лексика представлена в словарях [СБТ; СТРУС: 37–38; УРС 2008; РУС 2019]. Интересно отметить этом плане еще одно весьма любопытное издание. Это переводная с русского языка небольшая брошюра В. И. Мансветова «Губи, ягмульы но нюрмульы бичан но дасян югдур» (М., 1931). Это по сути дела руководство

по собиранию и обработке грибов, ягод и трав, здесь же представлены подробные способы засолки и маринования грибов, и самое интересное – в ней даны удмуртские названия грибов. Но специальных работ, посвященных комплексному исследованию данного пласта лексики, в удмуртском языкознании пока нет. А между тем в народно-разговорной речи удмуртов имеется огромное количество слов, обозначающих миконимы, т. е. названия грибов, которые представляют определенный интерес и ждут своего исследователя.

Настоящая статья предварительная и посвящена рассмотрению названий грибов, встречающихся, главным образом, в удмуртских микропонимах. Исследование построено исключительно на полевых материалах, которые частично уже введены в научный оборот. Таких наименований выявлено немного, что, возможно, объясняется несколькими причинами. Во-первых, мало, по-видимому, обращалось на них внимание исследователей, и, во-вторых, на вопрос «Есть ли у вас грибные места?», информанты называли названия лесов, подлесков, лесопосадок, логов, ложбин, лугов, где произрастают грибы. Это говорит о том, что специальные названия для обозначения грибных мест зачастую отсутствуют, их заменяют упомянутые наименования. Но иногда все-таки встречаются микропонимы, первая, атрибутивная часть которых выражена лексемой *губи* ‘гриб’, например: *губи/н'ук* (л., г. м.¹, д. Новая Бия Можг.² [Байсарова 2005: 25]; л., д. Старый Зяногурт Деб. [Самарова 2010: 183]; л., д. Старая Шудья Алн. [Иванова 2004: 28]) (*н'ук* ‘лог’, т. е. ‘лог, где произрастают грибы’); *губи/октон* (л., д. Юбилей Селт.) (*октон* – сущ. от глаг. *октыны* ‘собирать’, т. е. ‘лог, где собирали грибы’ [Ки-

¹ В скобках после микропонима в сокращенном виде указан тип географического объекта (полные названия типов географических объектов см. в списке сокращений в конце статьи).

² После ойконима дается сокращенное название административного района Удмуртии, в который входит данный населенный пункт (полные названия районов см. в списке сокращений в конце статьи).

риллова 2002: 129]; *губи/с'ик* (лс., д. Верхний Четкер Деб.) (*с'ик* ‘лес’, т. е. ‘лес, где растут грибы’); *губио/н'ук* (л., лг., г. м., д. Большие Сибьы Можг.) (*губио* < *губи* ‘гриб’ + *-о* – суф. обладания, *н'ук* ‘лог, ложбина, овраг’, букв. ‘грибной лог’) [Кириллова 1992: 213].

Имеется и другой тип составных микротопонимов, в первой части которых в качестве апеллятива-атрибута выступают миконимы, т. е. названия грибов, а во второй в качестве детерминанта – слова с семантикой ‘место’: удм. *инты* ~ *ин'ты* и рус. *мэста*. Выявлены такие названия грибных мест: *вирсэргуби/инты* (лг., г. м., д. Якшур Зав.) [ПМА] (*вирсэргуби*, в некоторых удм. диалектах *чургуби*, ‘опенок луговой, рус. нар. *негниючник луговой, луговик, звездичный гриб*, лат. *Marasmius oreades*') (находится около местечка *чэрккэйыл*); *киз'эмгуби/инты* (лж., Орловский выс. Селт.) (*киз'эм* – прич. от глаг. *киз'ыны* ‘сеять, посеять’, *губи* ‘гриб’, *инты* ‘место’, букв. ‘место, посеянное грибами’, т. е. ‘место, где в большом количестве растут луговые опята’) [ПМА, 1991]; *куркагуби/инты* (лс., г. м., д. Якшур Зав.) (*куркагуби* ‘шампиньон лесной, рус. нар. *колпак, волчий гриб и благушка*, лат. *Agaricus silvaticus*') (находится в лесу за местом под названием *покон'иур*); *с'ирпугуби/инты* (лг., г. м., д. Якшур Зав.) (*с'ирпугуби* ‘трутовик чешуйчатый’, рус. нар. *вязовик, трутовик пёстрый, пестрец, заячник*, лат. *Cerioporus squamosus, Polyporus squamosus*') (находится на лугу около р. Позимь, левого притока Ижа) [ПМА]; *койыкгуби/мэста* (лс., г. м., д. Паска Кильм. Кир. обл.) (*койыкгуби* ‘трутовик овечий, овечий гриб, лат. *Albatrellus ovinus*') [ПМА, 2015]; *н'ингуби/кар* (лс., д. Круглый Ключ Селт.) (*н'ингуби* ‘груздь настоящий, лат. *Lactarius resimus*', *кар* ‘трутовик гнездо’, букв. ‘гнездо груздей’, т. е. ‘место, где в изобилии растут грузди’ [ПМА, 1991]; *тинугуби/инты* (лс., д. Круглый Ключ Селт.) (*тинугуби* ‘подосиновик, рус. нар. *осиновик, красно-голови́к, красный гриб, красноголовец*, лат. *Leccinum aurantiacum*', *инты* ‘место’, т. е. ‘место, где растут подосиновики’ [ПМА, 1991]; *с'урэсгуби/инты* (лж., Орловский выс. Селт.) (*с'урэсгуби* ‘опята

луговые', лат. *Marasmius oreades*', *инты* 'место', букв. 'место луговых опят' [ПМА, 1991]; *џушкѳтул/бамал* (ск. гр., д. Круглый Ключ Селт.) (*џушкѳтул* 'масленок обыкновенный, лат. *Suillus luteus*', *бамал* 'склон горы, возвышенность, косогор', т. е. 'косогор, где растут маслята').

Подобные микротопонимы зафиксированы и в микротопонимии Мордовии, например: *Опѳна латкѳ* (пологий овраг, место сбора опят, с. Старые Найманы Большеберезниковского р-на) (эрз. диал. *опѳна* 'опѳенок'); *Панга шйй* (болото, с. Носакино Торбеевского р-на) (м. *панга* 'гриб'); *Панго пакся* (поле, с. Мордовское Давыдово Кочуровского р-на) (эрз. *панго* 'гриб'); *Пангѳ ки* (тропа в лесу к грибным местам, с. Чиндяново Дубенского р-на) (эрз. *пангѳ* 'гриб') [Казаева 2005: 33].

Таким образом, в анализируемых нами микротопонимах выявлены 9 названий съедобных грибов, и именно съедобных, поскольку грибы имели особое место в питании удмуртов. А грибные места служили своего рода ориентиром для местных жителей. Часть из зафиксированных в микротопонимах грибов функционируют в литературном языке и во многих диалектах (*н'ингуби* 'груздь настоящий', *тинугуби* 'подосиновик', *с'ирпугуби* 'трутовик чешуйчатый', *џушкѳтул* 'масленок обыкновенный'), другие миконимы менее известны или известны под другими названиями (*куркагуби* 'шампиньон лесной', *с'урѳсгуби* 'опята луговые'), третьи же бытуют лишь в определенных говорах (*вирсѳргуби*, *киз'ѳмгуби*, *с'урѳсгуби* 'опенок луговой'). Интересно отметить, что миконимы третьей группы, являются названиями одних и тех же грибов – луговых опят.

Микротопонимы, в составе которых присутствуют миконимы, ценны тем, что в них отражаются народные названия грибов, часто не зафиксированные в словарях, поэтому они являются одним из возможных источников для выявления этого пласта лексики. Несомненно, определенный интерес они представляют и для диалектологов, поскольку в этих наименованиях отража-

ются и особенности местных говоров. И дальнейшее изучение удмуртских микропонимов даст еще большее количество таких названий.

Сокращения

Названия административно-территориальных районов Удмуртии и Кировской области: Алн. – Алнашский; Деб. – Дебесский; Зав. – Завьяловский; Можг. – Можгинский; Селт. – Селтинский; Кильм. Кир. обл. – Кильмезский Кировской области.

Названия типов географических объектов: выс. – выселок; г. м. – грибное место; д. – деревня; л. – лог; лг. – луг; лж. – ложбина; лс. – лес; р. – река; ск. гр. – склон горы.

Названия языков: лат. – латинский; м. – мокшанский; нар. – народный; рус. – русский; удм. – удмуртский; эрз. – эрзянский.

Другие сокращения: букв. – буквально; глаг. – глагол; диал. – диалектный; ПМА – полевые материалы автора; прич. – причастие; суф. – суффикс; сущ. – существительное.

Список использованной литературы и источников

Байсарова Т. В. Метод классификаций при анализе микропонимического материала: Дипломная работа / Т. В. Байсарова / Удмуртский гос. университет; науч. рук. М. А. Самарова. – Ижевск, 2005. – 79 с.

Вахрушев В. М. Названия грибов в удмуртских диалектах / В. М. Вахрушев // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; отв. ред. В. К. Кельмаков, В. М. Вахрушев. – Ижевск, 1987. – С. 75–84.

Иванова Г. Т. Алнаш ёросысь «Правда» колхозэ пырысь гуртьёслэн микропонимъёсы: Диплом уж / Г. Т. Иванова / Удмурт кун университет; науч. кивалтйсьез Н. А. Сергеева. – Ижкар, 2004. – 40 с.

Казаева Н. В. Аппеллятивная лексика в топонимии Республики Мордовия / Н. В. Казаева. – Саранск: Красный Октябрь, 2005. – 152 с.

Кириллова Л. Е. Микропонимия бассейна Валы (в типологическом освещении) / Л. Е. Кириллова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. – 320 с.

Кириллова Л. Е. Микропонимия бассейна Кильмези / Л. Е. Кириллова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – 571 с.

Мансветов В. И. Губи, ягмульы но нюрмульы бичан но дасян юг-дур (Колхозысь егит калыклы юртыны понна) / В. И. Мансветов. – Муско: Центриздат, 1931. – 32 б.

Марков В. М. О сопоставительном изучении микологической номенклатуры / В. М. Марков // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1983. – С. 62–64.

Ракин А. Н. Миконимическая лексика пермских языков / А. Н. Ракин // СФУ. – 1983. – Т. 19. – № 4. – С. 272–278.

РУС – Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Более 55 000 слов / Л. М. Ившин, С. А. Максимов, О. В. Титова, Л. Е. Кириллова, Л. Л. Карпова, Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, А. А. Шибанов; отв. ред. Л. М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2019. – Т. 1 (А–О). – 936 с. – Т. 2 (П–Я). – 1016 с.

Самарова М. А. Наименования топообъектов Верхней Чепцы: Монография / М. А. Самарова. – Ижевск: Удмуртский университет, 2010. – 246 с.

СБТ – *Соколов С. В., Туганаев В. В.* Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Туганаев. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 144 с.

СТРУС – *Насибуллин Р. Ш., Семёнов В. Г.* Системно-тематический русско-удмуртский словарь = Удысьёсья радъям жуч-удмурт кылсузъет / Р. Ш. Насибуллин, В. Г. Семёнов. Под общ. ред. Р. Ш. Насибуллина. – Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2006. – 350 с.

Сунцова Н. Ю. Растения и грибы, используемые удмуртами и бесермянами в приготовлении напитков / Н. Ю. Сунцова // Напитки в культуре народов Урало-Поволжья: коллективная монография / сост. и отв. ред. Е. В. Попова; УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2019. – С. 11–27.

УРС – Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; отв. ред. Л. Е. Кириллова; Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. – 925 с.

Томи Койвунен (Tomi Koivunen)

*Финляндия, г. Турку,
Туркуский университет*

KOODINVAIHDON KIELIOPPIA UDMURTINKIELISESSÄ PUHEESSA SEKÄ ILMIÖN SOSIAALISTA TAUSTAA

Аннотация. В статье рассмотрены примеры переключения кодов в удмуртском языке, основное внимание уделяется морфологическим аспектам. Материал, анализируемый автором, собран им в 2015 году в г. Ижевск у носителей удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, переключение кодов, грамматика, русско-удмуртские контакты.

1. Johdanto

Udmurtin kieltä puhuu vuoden 2010 Venäjän väestönlaskun mukaan 324 338 ihmistä, joista käytännössä kaikki ovat vähintään kaksikielisiä ja puhuvat myös venäjää. Udmurtilla on virallisesti tasaveroinen asema venäjän kanssa Udmurtian tasavallassa, mutta todellisuudessa venäjä on etenkin kaupunkiympäristössä sekä hallinnollisissa yhteyksissä, koulutuksessa ja mediassa selvästi dominoiva kieli. Udmurtti on vähemmistökieli myös nimikkotasavallassansa, mikä aiheuttaa otolliset edellytykset koodinvaihdolle, jolla tarkoitan tässä artikkelissa kahden tai useamman kielen vaihtelua samassa keskustelussa. Keskustelun matriisikieli (termistä ks. luku 3) on tässä tutkimuksessa udmurtti. Toisena kielenä eli upotettuna kielenä toimii lähes poikkeuksetta venäjä.

Dominoivan asemansa takia venäjä on vaikuttanut udmurttiin monilla kielentasoilla: vaikutukset ulottuvat fonetiikasta syntaksiin ja erityisesti sanastoon. Käsittelen lainasanastoa ja koodinvaihtoa saman jatkumon kahtena vaiheena. Venäläistä sanastoa analysoitaessa on usein hankala todeta yksiselitteisesti, mitkä tapaukset ovat vakiintu-

neita lainasanoja ja mitkä koodinvaihtoa. Tästä syystä olen soveltanut Carol Myers-Scottonin (1993) menetelmää (ks. luku 3), jossa otetaan huomioon sanojen esiintymistaajuus. Menetelmä on kaikkea muuta kuin aukoton, mutta se antaa riittävästi osviittaa tämän tutkimuksen tekemiseen. Käyttämäni teoria ammentaa muutoinkin enimmäkseen Myers-Scottonin (mt.) esittämästä matriisikielikehysmallista, jonka pääkohdat esittelen luvussa 3.

Koska venäjän kieli on läsnä jokaisen udmurtinpuhujan elämässä, eronteko lainasanaston ja koodinvaihdon välillä on erityisen hankalaa. Voihan kuka tahansa udmurtinpuhuja käyttää koska tahansa mitä tahansa venäjänkielistä sanaa tai ilmaisua ja tulla tällöin ymmärretyksi erittäin suurella todennäköisyydellä. Vallitsevasta tilasta poikkeaa nähdäkseni kolme hyvin pientä ryhmää: 1) venäjän kielen ulottumatomissa kasvaneet, usein alle kouluikäiset lapset, joitten kotona ja elinympäristössä on puhuttu udmurtia mutta ei venäjää¹; 2) ulkomaa-laiset, jotka ovat oppineet jossakin yhteydessä, esim. yliopistossa, udmurtia mutteivät venäjää; 3) mahdollisesti jotkut maaseudun vanhukset, jotka eivät ole tottuneet käyttämään venäjää vaan (lähes) pelkästään udmurtia. Tutkijat ovat sitä mieltä, että kieltenvälinen koodinvaihto ei ole sattumanvaraista kielten sekasotkua missään tapauksessa vaan että koodinvaihdon esiintymiseen pätee universaaleja sääntöjä. Tämä artikkeli haastaa joitakin universaaleiksi esitettyjä rajoitteita.

Tavallisesti koodinvaihtoon ja muihin kielikontakti-ilmiöihin suhtaudutaan kielteisesti. Sekä tutkijat että kielenkäyttäjät ovat etenkin aiemmin pitäneet koodinvaihtoa kielitaidottomuuden merkinä. Kontaktikielitieteen kehittymisen seurauksena suhtautuminen koodinvaihtoon on jonkin verran muuttunut tutkijoitten keskuudessa. Onkin ristiriitaista, että samaan aikaan kuin monikielisyyden kiistattomia etuja korostetaan, yksikielisyyys säilyy ihanteena. Vaikka koodinvaihto viittaa usein heikkoon kielitaitoon etenkin kielenopetustilanteessa, joskus monikielinen kommunikaatiostrategia voi olla jopa välttämätön

¹ Tähän ryhmään kuuluvat myös Venäjän ulkopuolella kasvaneet udmurtit, joitten vanhemmat ovat puhuneet heille udmurtia mutteivät venäjää.

[Kalliokoski 2009a: 9–10; Kalliokoski 2009b: 313–314]. Esimerkiksi Venäjällä koodinvaihto nähdään usein yhä yksinomaan kielteisenä ilmiönä ja kieliopin tuhoajana. Kuitenkin Venäjälläkin jotkut tutkijat pyrkivät nykyään selittämään koodinvaihtoa esimerkiksi puhestrategioitten pohjalta ja hyväksyvät sen, että koodinvaihtajalla on usein moitteeton kielitaito kummassakin koodinvaihtoon osallistuvassa kielessä [Gavrilova 2014: 6–7].

Tämä artikkeli pohjautuu pro gradu -tutkielmaani [Koivunen 2019]. Äänitin sitä varten noin tunnin mittaisen keskustelun Udmurtian pääkaupungissa Ižkarissa keväällä 2015. Äänityksessä puhuu lisäkseni neljä äidinkielistä äänityshetkellä noin 20-vuotiaasta udmurttilaisen filologian opiskelijaa, ja keskustelun matriisikieli on udmurtti. Pysin saamaan informanttini puhumaan pääasiassa keskenänsä ja puhumaan itse vain tarpeen vaatiessa. Itse tuottamaani udmurttia en ymmärrettävistä syistä käsittele.

2. Koodinvaihto ja lainaaminen jatkumon osina

Käsittelen tässä tutkimuksessa koodinvaihtoa lainasanan vakiintumisen edellytyksenä paitsi nykyaikaisten kulttuurilainojen osalta, joita voidaan lainata valtakielestä vähemmistökieleen suoraan ilman varsinaista koodinvaihtojaksoa. Toisin sanoen lopullisen lainanottajakielen puhujat alkavat perinteisissä tapauksissa käyttää ensin satunnaisesti lopullisen lainanantajakielen sanaa (tai muuta kielenainesta), joka vähitellen vakiintuu osaksi lainanottajakielen puhujien mentaalileksikkoon (tai -morfologiaa ym.). Lainasana on siis lekseemi, jota kuka tahansa kielenpuhujia voi käyttää, erotuksena koodinvaihdosta, johon kykenevät vain koodinvaihtotapausten upotettua kieltä osaavat [Haspelmath 2009: 40]. Kun käytännössä koko kieliyhteisö on kaksikielinen, kuten tämän tarkastelun kontekstissa, koodinvaihdon erottaminen lainasanastosta ei ole niin yksiselitteistä. Tällöin sanan esiintymistaajuutta voidaan pitää kriteerinä: jos sana esiintyy jatkuvasti matriisikielen puhujien puheessa, sitä voidaan perustellusti pitää lainasanana, mutta jos se esiintyy vain hyvin satunnaisesti, se on

koodinvaihtoa, etenkin jos tarkoitteelle on olemassa sana matriisikiellessä. Selvien tapausten välissä on luonnollisesti laaja harmaa alue.

Myers-Scotton [1993: 165] pitää luotettavimpana erottamisen kriteerinä sanojen esiintymistaajuutta. Hän on itse käyttänyt vakiintuneen lainasanan rajana kolmea esiintymää: jos sana esiintyy kerran tai kahdesti, sitä on pidettävä koodinvaihtona, jos taas useammin, se on jo lainasana. Myers-Scottonin tutkimuksissansa käyttämä aineisto on ollut huomattavasti suurempi kuin oma aineistoni. Olen silti päätynyt epäselvissä tapauksissa samaan kolmen esiintymän rajoitukseen, sillä vaikuttaa siltä, että yksi koodinvaihtoesiintymä laukaisee helposti seuraavan, jolloin samaa sanastoa saattaa esiintyä helposti lähekkäisissä koodinvaihtotapauksissa.

Etenkin vanhemmassa kielikontaktitutkimuksessa koodinvaihdoksi on laskettu ainoastaan yhtä sanaa laajemmat upotetun kielen esiintymät. Tällöin kaikkea yksisanaista koodinvaihtoa on pidetty lainaamisena, vaikkei kyseistä sanaa esiintyisi koskaan toiste matriisikielen seassa. Merkittävänä on pidetty sanan sovittamista matriisikielen fonotaksiin, vaikka vakiintuneittenkin lainasanojen integraatioaste vaihtelee täysin mukautetusta täysin mukauttamattomaan [Myers-Scotton 1993: 167; Nurmi 2009: 192]. Käytössä on ollut myös termi *tilapäinen laina* [esim. Kovács 2009], joka sijoittuu lainasanan ja koodinvaihdon väliin, mutta kyseinen termi ei sovi käyttämäni teoriaan.

3. Matriisikielikehysmalli

Käytän tutkimukseni teoreettisena pohjana matriisikielikehysmallia, jonka Myers-Scotton esittelee teoksessansa *Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching* [1993]. Iästänsä huolimatta teos on klassikko, johon erittäin useat kielikontaktitutkijat ovat viitanneet jo lähes kolmen vuosikymmenen ajan. Ennen matriisikielikehysmallia koodinvaihtoa oli tarkasteltu enimmäkseen sosiolingvistiikan kannalta. Myers-Scottonin malli ottaa huomioon koodinvaihdon ”kieliopin” ja rakenteen, joita tarkastellaan ennen kaikkea morfologisin perustein (Myers-Scotton 1993: vii]. Jotkut tutkijat ovat erottaneet toisistansa *koodinvaihdon* ja *koodiensekoituksen*, mutta Myers-Scot-

tonin mukaan [1993: 24] eronteko aiheuttaa ainoastaan tarpeetonta hämmennystä. Esittelen tässä luvussa matriisikielikehysmallin tarpeellisimmilta osin. Olen käsitellyt mallia perusteellisemmin pro gradu -tutkielmassani [11–22]. Varsinaisen koodinvaihdon rakenteen tutkimisen lisäksi testasin gradussani, miten hyvin matriisikielikehysmallin universaalit pitävät paikkansa udmurtilais-venäläisessä kontekstissa.

Matriisikielikehysmallissa koodinvaihtoon osallistuvat kielet jaetaan *matriisikieleen* (engl. *matrix language*, ML) ja *upotettuun kieleen* (engl. *embedded language*, EL). Matriisikieli muodostaa teorian nimen mukaisesti ikään kuin morfosyntaktisen kehyksen, jonka sisällä esiintyy koodinvaihtotapauksissa upotetun kielen saarekkeita. Toisin sanoen matriisikieli on keskustelun pääkieli, kun taas upotetun kielen rooli on vähäisempi. Karkeistaen voidaan ajatella, että matriisikieli on keskustelun kielistä se, jonka morfeemeja keskustelu sisältää enemmän. Määritelmä ei ole aukoton, sillä jos koodinvaihtoon osallistuu kaksi typologisesti erilaista kieltä, joista toinen on vaikkapa analyytinen ja toinen agglutinoiva, agglutinoivan kielen morfeemeja esiintyy todennäköisesti joka tapauksessa enemmän. Tällöin erikielisten sanojen lukumäärä on luotettavampi matriisikielen määrittämisen mittari (Myers-Scotton 1993: 67–68). Tämän tutkimuksen aineistossa esiintyvät kielet ovat (pääasiassa) udmurtti ja venäjä, jotka molemmat ovat varsin agglutinatiivisia. Laskemattakin on selvää, että udmurtti on aineiston pää- eli matriisikieli. Koodinvaihtoon osallistuvista kielistä – kahdesta tai useammasta – vain yksi voi olla matriisikieli [Myers-Scotton 1993: 75].

Matriisikielikehysmalli on tieteen luonteen mukaisesti saanut myös jonkin verran kritiikkiä osaksensa. En ryhdy käsittelemään sitä tässä, mutta Myers-Scotton [1993] tuo mallin heikkouksia esiin itse. Samoin toinen merkittävä koodinvaihdon tutkija Pieter Muysken [2000: 18] ei niele kaikkea, mitä käyttämäni malli sisältää. Tiivistetyn esityksen kritiikistä voi lukea myös pro gradu -työstäni [21–22].

3.1. Koodinvaihdon rakenteelliset tapaukset

Matriisikielikehysmallissa koodinvaihto jaetaan kolmeen luokkaan koodinvaihtokonstituentin rakenteen perusteella. Tässä alaluvussa esittelen tapaukset lyhyesti. Jako on peräisin Myers-Scottonilta [1993: 77–78].

1. luokka: ML + EL -sekakonstituentit. Nämä koostuvat (kaksikielisessä koodinvaihdossa) molempien kielten morfeemeista. Prototyyppisin tapaus on yksi upotetun kielen lekseemi muuten matriisikielisessä ympäristössä. Jos ML + EL -sekakonstituentti sisältää useampia morfeemeja upotetusta kielestä, ne noudattavat matriisikielen kielioppia, esimerkiksi sanajärjestystä.

2. luokka: ML-saarekkeet. Nämä sisältävät ainoastaan matriisikielen morfeemeja. ML-saarekkeet ovat keskustelun perustapaus, jos sellaisena pidetään keskustelun yksikielisyyttä. Tämän tutkimuksen aineistossa yksikieliset udmurtinkieliset osuudet ovat ML-saarekkeita.

3. luokka: EL-saarekkeet. Nämä sisältävät ainoastaan upotetun kielen morfeemeja. Tämän tutkimuksen aineistossa ne venäjää sisältävät osuudet, jotka noudattavat venäjän kielioppia, ovat EL-saarekkeita.

Jako perustuu siihen ajatukseen, että koodinvaihtoon osallistuvat kielet eivät ole yhtä aktivoituneita puhujan päässä. Aktiivisempi on matriisikieli, jonka rooli on sillä tavoin dominantimpi, että ML-saarekkeita esiintyy EL-saarekkeita ja ML + EL -sekakonstituentteja enemmän [Myers-Scotton 1993: 47].

3.2. Matriisikielihypoteesi

Matriisikielihypoteesin pohjana toimii kaksi rajoitetta: 1) morfeemijärjestysperiaate ja 2) systeemimorfeemiperiaate. Morfeemijärjestysperiaatteen mukaan pintatason morfeemijärjestyksen tulee olla matriisikielen mukainen. Jos järjestykset eivät kohtaa matriisi- ja upotekielessä, matriisikielen järjestys voittaa. Systeemimorfeemiperiaatteen mukaan kaikkien syntaktisesti relevanttien systeemimorfeemien tulee tulla matriisikielestä [Myers-Scotton 1993: 7, 83].

Seuraavat ominaisuudet erottavat systeemi- ja sisältömorfeemit toisistansa: [+/-kvantifikaatio], [+/-temaattisen roolin määrittäjä] ja

[+/-temaattisen roolin vastaanottaja]. Kvantifikaatio kattaa teoreettis-semanttisessa mielessä ”kvantifikaatiivisesti” käyttäytyvät kategoriat, joita ovat Myers-Scottonin [1993: 99–100, jossa viitataan saman kirjoittajan aiempaan tutkimukseen Myers-Scotton 1992] mukaan kvanttorit, possessiivisuuden merkitsimet, tapaluokan ja aspektin merkitsimet sekä tarkenteet. [+kvantifikaatio]-ominaisuudelliset morfeemit ovat systeemimorfeemeja ja [-kvantifikaatio]-ominaisuudelliset morfeemit sisältömorfeemeja, jos niillä on ominaisuus [+temaattisen roolin määrittäjä] tai [+temaattisen roolin vastaanottaja]. Temaattiset roolit taas viittaavat verbien ja adpositioitten sekä niitten argumenttien välisiin suhteisiin. Tavallisesti verbin ominaisuus on [+temaattisen roolin määrittäjä] ja substantiivien [+temaattisen roolin vastaanottaja]; esimerkiksi transitiiiviverbillä eli temaattisen roolin määrittäjällä on kaksi argumenttia eli temaattisen roolin vastaanottajaa. Jos sanalta puuttuvat molemmat mainituista temaattisista rooleista, sana edustaa systeemimorfeemia. Taulukko 1 on peräisin pro gradu -tutkielmastani, ja se pyrkii havainnollistamaan systeemi- ja sisältö-morfeemien eroa.

TAULUKKO 1. Taulukkoon on koottu tyypillisiä systeemi- ja sisältömorfeemeja. Varsinainen jako perustuu Myers-Scottonin tutkimukseen [1993].

systeemimorfeemit	sisältömorfeemit
kvanttorit	verbit yleisesti ottaen
possessiiviset morfeemit	adpositiot
aikamuodon ja aspektin merkitsimet	substantiivit
tarkenteet	pronominit yleisesti ottaen
komplementit	adjektiivit
subjekti-verbi-kongruenssi	
kopula	

’tehdä’-merkityksiset verbit	
ekspletiivit eli subjektin paikalla käytettävät ei-referentiaaliset pronominit	
joittenkin idiomien osat	

Matriisikielihypoteesiin kuuluu myös estohypoteesi, jonka mukaan matriisikieli estää upotetun kielen sisältömorfeemin esiintymisen, jos sisältömorfeemi ei täytä tiettyjä kongruenssiehtoja. Tämä tarkoittaa sitä, että matriisikieli estää upotetun kielen sisältömorfeemin esiintymisen siinä tapauksessa, että sama merkitys ilmaistaan upotetussa kielessä sisältömorfeemina ja matriisikielessä systeemimorfeemina. Esimerkiksi pronominaaliset ainekset voivat olla tällainen luokka, jonka ilmaisutavat vaihtelevat, vrt. persoonapronominit, persoonapäätteet ja omistusliitteet. Osa adpositioista lasketaan sisältömorfeemeiksi ja osa systeemimorfeemeiksi ominaisuuksiensa mukaan [Myers-Scotton 1993: 7, 84, 123–125].

Viimeinen matriisikielihypoteesin alahypoteesi on EL-saarekkeen laukaisuhypoteesi, joka on oikeastaan estohypoteesin jatke. Sen mukaan EL-saareke tulee laukaistuksi, jos lausumassa esiintyy estohypoteesin vastainen EL:n morfeemi [Myers-Scotton 1993: 7, 84]. Myers-Scotton on jaotellut oman aineistonsa perusteella komplementoijat (eli konjunktiot), possessiiviadjektiiivit ja adverbit systeemi-morfeemeiksi. Se tarkoittaa sitä, että esiintyesssä ML-kielisessä puheessa EL-kielisen adverbien pitäisi aloittaa aina EL-saareke [Myers-Scotton 1993: 128–132]. Udmurtin aineisto puhuu erittäin kovaa kieltä sitä vastaan, että adverbit tai komplementoijat olisivat estohypoteesin kannalta systeemimorfeemeja, sillä kumpiakin on lainattu udmurttiin niin kuin hyvin moniin muihinkin Venäjällä puhuttaviin kieliin venäjältä. Näin ei pitäisi voida olla, jos pidetään lainaamista usein toistuvan koodinvaihdon tuloksena.

3.3. Paljaat muodot

EL + ML -sekakonstituenteissa esiintyy nk. paljaita muotoja, joita ei taivuteta mitenkään kummankaan kielen morfologian mukaisesti. Taivuttamattomia muotoja voi esiintyä luonnollisesti silloin, kun upotetun kielen kielioppi ei vaadi sanan taivuttamista, mutta niitä esiintyy muulloinkin. Tällöin niihin ei liitetä matriisikielen systeemi-morfeemeja, mihin eräs syy voi olla kongruenssin puute. Eräs tapa ratkaista ongelma on liittää paljaan muodon verbimorfologia apuverbinä toimivaan semanttisesti köyhään matriisikielen verbiin, joka esiintyy paljaan muodon yhteydessä [Myers-Scotton 1993: 112]. Udmurtissa käytetään yleisesti 'tehdä'-merkityksisiä *карыны-* ja *кариськыны-*verbejä venäläisten verbien perusmuotojen yhteydessä, esim. *отравлять карыны* 'myrkyttää' (myrkyttää_{ven.}INF tehdä_{INF}). Sanaliittoa taivutettaessa morfeemit liitetään vain matriisikielen 'tehdä'-verbiin: *отравлять каре* '(hän) myrkyttää'. Osa kyseisenlaisista yhdistelmistä on niin vakiintuneita, että ne ovat päässeet sanakirjoihin, mikä kuvaa koodinvaihdon ja sanojen lainaamisen jatkumoluonnetta.

4. Kielellisten kategorioitten hierarkia koodinvaihdossa

Seuraava esitys on peräisin Yaron Matrasilta [2009: 133]. Siihen hän on koonnut eri tutkijoitten saamia tuloksia siitä, mitkä kielelliset kategoriat edustuvat minkäkin kieliparin koodinvaihdossa useimmin ja mitkä harvimminkin. Kuvaajassa vasemmanpuoleisimpia kategorioita esiintyy kyseisen kieliparin koodinvaihdossa eniten. Oikealle mentäessä kategorioitten alttius esiintyä koodinvaihdossa laskee. Kunkin kategorialuettelon lopussa viitataan yksittäisiin tutkimuksiin.

Turkki–hollanti:

substantiivit > verbit > adverbit > adjektiivit, prepositiolausekkeet > konjunktiot > pronominit [Backus 1996].

Marokon arabia – hollanti:

substantiivit > adverbit > adjektiivit > konjunktiot > verbit > prepositiot > pronominit > numeraalit [Nortier 1990].

Suahili–englanti:

substantiivit > verbit > adjektiivit > adverbit > interjektiot > konjunktiot [Myers-Scotton 1993].

Elsassi–ranska:

substantiivit > tervehdykset, interjektiot, liitteet, faattiset merkitsimet > adverbit > verbit > adjektiivit > konjunktiot [Gardner-Chloros 1991].

(Juutalais)espanja–heprea

substantiivit > adverbit > adjektiivit > konjunktiot > verbilausekkeet > prepositiilausekkeet > pronominit, interrogatiivit > verbit [Berk-Seligson 1986].

Espanja–englanti:

substantiivilausekkeet > verbilausekkeet > adjektiivit [Pfaff 1979].

Espanja–englanti:

substantiivilausekkeet > verbilausekkeet, konjunktiot > adverbit > adjektiivit [Poplack 1980].

Marokon arabia – ranska:

substantiivit > adjektiivit > verbit > pronominit, adpositiot [Bentahila, Davies 1995].

Kuvaajasta nähdään, että adverbit ovat monien kieliparien osalta hierarkian kärkipäässä tai keskivaiheilla. Konjunktiotkin esiintyvät eräitten kieliparien hierarkian keskivaiheilla. Tämä viittaa siihen, että Myers-Scottonin tapa liittää kyseiset kategoriat systeemimorfeemien joukkoon ei ole universaali.

Substantiivien vahva asema hierarkian kärjessä johtuu siitä, että ne ovat myös tarkkuus- ja tietoisuushierarkian kärjessä [Backus 1996, viitattu lähteestä Matras 2009: 134]. Substantiiveilla nimetään uusia asioita ja viittauskohteeltansa ainutlaatuisia asioita. Sen sijaan esimerkiksi hierarkian häntäpäässä sijaitsevat pronominit ovat tarkkuushierarkialtansa alhaalla, koska ne eivät viittaa mihinkään tiettyyn tarkoitteeseen. Pronominien semanttiset piirteet eivät myöskään juuri eroa toisistansa eri kielissä [Matras 2009: 134].

Myers-Scottonin mukaan [1993: 144–146] todennäköisimpiä upotetun kielen saarekkeita ovat kaavamaiset ilmaiset, kuten idiomit. Sen jälkeen hierarkiassa tulevat muut ajan ja tavan ilmaiset, kvanttoriilmaukset, ei-kvantoriaaliset ja ei-temporaaliset substantiivilausekkeet verbilausekkeen komplementtina, agenttisubstantiivilausekkeet ja

lopulta temaattisen roolin ja sijan määrääjät, kuten finiittiverbit taivutuksinensa. Huomattavaa on kuitenkin se, että aineistossani esiintyy runsaasti venäjän mukaan taivutettuja finiittiverbejäkin upotetun kielen saarekkeina.

5. Syitä koodinvaihtoon

5.1. Sosiohistoriallisia syitä koodinvaihtoon

Suurin osa maailman ihmisistä on monikielisiä, ja heistä kolmannes käyttää päivittäin useampaa kuin yhtä kieltä. Kontaktitilanteita aiheuttavat kansainvälistyminen ja muuttoliike. Ilmiön seurauksena puhujamäärältänsä pienet kielet ovat vaarassa kadota, mutta samalla syntyy uusia monikielisiä yhteisöjä. [Kalliokoski 2009a: 9]. Historiallisesti koodinvaihto on ollut pitkään normi monissa monikielisyissä kieliyhteisöissä. Nykyään sitä esiintyy yhä useammissa yhteisöissä, sillä erilaiset sosiohistorialliset syyt ovat johtaneet useisiin erilaisiin koodinvaihtotilanteisiin [Winford 2003: 101–102].

Neuvostoliiton aikana udmurtin kielen asema heikkeni. Vaikka udmurteilla oli sitä ennen ollut voimakkaita kielikontakteja bolgaarien, tataarien, baškiirien, marien ja venäläistenkin kanssa, vasta neuvostoaikana udmurtin kieli marginalisoitui. Mikään muu kieli ei ole uhannut udmurtin olemassaoloa. Nytemmin kaikki Udmurtian kaupungit ja kaupunkimaiset keskukset ovat venäläistyneet, mutta maaseutu on jäänyt osin laajalti udmurtinkieliseksi [Bartens 2000: 14–24]. Nämä seikat ovat aiheuttaneet laajaa venäläistä vaikutusta udmurtissa. Monet udmurtia osaavat lapset oppivat esimerkiksi koulussa puhumaan tietyistä asioista pelkästään venäjäksi, mikä edistää tilanteista koodinvaihtoa.

5.2. Sosiolingvistisiä syitä koodinvaihtoon

Koodinvaihdon ei oleteta tapahtuvan sattumalta, vaan siihen vaikuttavat eri tekijät monella kielen prosessoinnin tasolla. Koodinvaihtoon motivoivat vaikeudet tuoda mieleen yhden kielen korrektit ilmaisut, diskurssin stilistiikka ja sen luova rakentaminen tai kielikohdaiset, keskustelun aikana heränneet assosiaatiot. Joissain tapauksissa

koodinvaihdon laukaisee yksi upotetun kielen sana. Yleinen koodinvaihdon laukaisija on idiomi. Kun toisessa kielessä on valmiina tapa ilmaista asia idiomaattisesti, osa sen merkityksestä voi kadota ilmausta käännettäessä. Upotetun kielen idiomi myös saattaa sisältää vivahteen, jota matriisikielen vastaava ilmaus ei sisällä. Toisinaan koodinvaihtajat saattavat sanoa samansisältöisen asian ensin upotetulla kielellä ja heti perään matriisikielellä korostaaksensa sanomaansa [Matras 2009: 105–106].

Koodinvaihtoa käytetään usein silloin, kun halutaan poiketa matriisikielisestä pääkerrontalinjasta. Upotetulla kielellä annetaan sivuhuomautuksia, selityksiä ja muita pääkerrontalinjaan kuulumattomia kommentteja. Tällöin koodinvaihdon aiheuttama kahden kielen välinen kontrasti jakaa ilmaukset kahteen kanssakäymisen luokkaan, joista kummallakin on oma päämääränsä: koodinvaihto jaksottaa kerrontaa [Matras 2009: 106].

5.3. Tilanteinen ja metaforinen koodinvaihto

Tilanteinen koodinvaihto on koodinvaihtoa, joka liittyy suoraan jokaisen kielen rooliin ja kielivalinnan soveltuvuuteen. Tilanteisia vaihtoja voivat aiheuttaa puheenaiheen muutokset, halu ottaa muita mukaan keskusteluun tai sulkea heitä ulos siitä tai sivullisten läsnäolo [Matras 2009: 114]. Koodinvaihdon avulla puhuja erottaa uuden informaation vanhasta, tekee painotuksia, erottaa topiikin subjektista ja suhteuttaa sanomansa asemaansa. Puhuja käynnistää koodinvaihdot rakentaaksensa ja laajentaaksensa puhehetkisen kontekstin ja jo sanotun asian suhdetta. Täten koodien välinen kontrasti luo ”merkityksellisen vastakkainasettelun”. Koodinvaihto ei tällöin johdu pelkästään tilanteesta ja kielten sosiaalisista rooleista [Gumperz 1982: 48–58].

Metaforinen koodinvaihto viittaa siihen ilmiöön, että käytetyillä kielillä on oma funktionsa paikallisessa kielenkäytössä. Kielen valinnan ja sosiaalisen kontekstin välillä on lähes yksikoikoinen suhde. Puhujat eivät yleensä ole järin tietoisia metaforisesta vaihtelusta, koska he keskittyvät saamaan sanomansa ymmärretyksi eivätkä omaan koodinvaihtoonsa [Gumperz 1982: 60–62]. Metaforinen koodinvaihto

ei liity puheenaiheeseen eikä muihin tilanteisiin, kielenulkoisiin seikkoihin. Sen sijaan se toimii kontekstualisointivihjeenä [Gumperz 1982: 97–99].

Koodinvaihtoa voidaan käyttää metakielellisiin tarkoituksiin. Lisäksi metakieleen vaihtaminen voi ilmaista epävarmuutta, erimielisyyttä, ironiaa, naurettavuutta ja topiikinvaihtoa. Tällöin puhujat käyttävät metakielenä usein itsellensä läheisempää ja henkilökohtaisempaa kieltä, kun taas argumentoinnin kielenä käytetään sitä kieltä, jolla on vahvempi asema julkisessa käytössä. [Chen 2007: 130–131, viitattu lähteestä Matras 2009: 124–125].

5.4. Kaksikielinen moodi

Joillekuille kaksikielisille jatkuva koodinvaihto on perustapaus. Monien psykososiaalisten ja kielellisten tekijöitten ohjaamana kaksikielisen on päätettävä, mitä kieltä tilanteessa täytyy käyttää ja kuinka paljon toista kieltä tarvitaan. Jos toista kieltä ei tarvita, sitä ei käytetä, mutta jos puhuja kokee tarvitsevänsä toista kieltä, se aktivoituu. Toinen kieli aktivoituu näissä tilanteissa kuitenkin vähemmän kuin valittu pääkieli. Kaksikielisten kielten aktivoitumisastetta nimitetään kielimoodiksi [Grosjean 2001: 1–2].

Kaksikieliset ovat yleensä yksikielisessä moodissa keskustellessansa yksikielisten kanssa, koska silloin he eivät voi käyttää toista kieltä. Välimoodissa eli osin aktivoituneessa kaksikielisessä moodissa he ovat keskustellessansa sellaisen ihmisen kanssa, joka ymmärtää toista kieltä mutta joko ei osaa sitä erityisen hyvin tai ei halua sekoitella kieliä. Täysin kaksikielisessä moodissa kaksikieliset ovat silloin, kun he puhuvat toisen kaksikielisen kanssa, jonka kanssa he kokevat olevan sopivaa vaihdella kieliä. Silloinkin toinen kieli on vähän vähemmän aktivoituna kuin pääkieli. Kaksikieliset voivat vaihtaa puheensa pääkieltä ja kaksikielisyydestä tilanteen mukaan [Grosjean 2001: 3–5].

Jos puhuja käy keskustelua tuntemattoman ihmisen kanssa, jota hän luulee yksikieliseksi, mutta käykin ilmi, että tämä on kaksikielinen, yksikielinen moodi voi helposti alkaa luisua kaksikielisen suuntaan.

Tällöin koodinvaihtoa alkaa tapahtua helpommin tai koko pääkieli voi vaihtua. Vaikka toinen kieli on pääsääntöisesti selvästi tulkittavissa kaksikielisen keskustelun pääkieleksi, on joitain poikkeustapauksia, joissa molemmat kielet ovat käytännössä yhtä aktivoituneita. Tällaisia ovat esimerkiksi simultaanitulkkaustilanteet, joissa tulkin täytyy kuulla toista ja tuottaa toista kieltä yhtä aikaa. Toinen vastaava tilanne on nk. reseptiivinen kaksikielisyys eli tilanne, jossa toinen keskustelijoista käyttää aktiivisesti toista ja toinen toista kieltä. Tällöin kummankin tulee vastavuoroisesti aktivoida toinen kieli passiivisesti [Grosjean 2001: 7–8].

6. Koodinvaihtoa puheessa

Esimerkeissä on kolme riviä. Ensimmäisellä rivillä lukee se, mitä puhuja sanoo, udmurtin ja upotettujen kielten oikeinkirjoitusta mukaillen. Toisella rivillä on glossaus, jonka ei ole tarkoitus osua suoraan glossattavan sanan alle, sillä se veisi vielä enemmän tilaa; glossit ovat kuitenkin samassa järjestyksessä kuin ylimmän rivin sanat. Kolmannella rivillä on suomenkielinen käännös. Puheosuuksien edessä oleva numero 0–4 kertoo sen, kuka anonyymeistä informanteistani milloinkin puhuu, vai olenko se minä itse (0). Lihavoidut sanat ovat osa koodinvaihtoa. Myös kyseisten sanojen glossit on lihavoitu. Harvennus merkitsee erittäin korostettua koodinvaihtoa äänenpainoa muuttamalla. Hakasuluissa olevat kolme pistettä merkitsevät kohtaa, josta en saa selvää, muuten kolme pistettä merkitsevät sitä, että lausuma jää kesken. Glossien lyhenteet on kirjoitettu auki kohdassa Lyhenteet.

Aineistossani esiintyy niin yksisanaista, lauseittenvälistä kuin lauseensisäistäkin koodinvaihtoa. Nämä on syytä käsitellä erikseen, sillä kyse on niin erilaisista ilmiöistä, että kaikki tutkijat eivät ole suostuneet käsittelemään niitä *koodinvaihto*-termin alla tai eivät ole tunnistanee niitä koodinvaihdoksi. Aloitan käsittelyn yksisanaisesta koodinvaihdosta, minkä jälkeen siirryn käsittelemään lauseittenvälistä koodinvaihtoa ja lopuksi lauseensisäistä koodinvaihtoa eli EL-saarekkeitä. Lauseittenväliseksi koodinvaihdoksi katson tapaukset, joissa

selvästi erottuva lausemainen kokonaisuus sanotaan muulla kielellä kuin udmurtiksi. Lauseensisäinen koodinvaihto kattaa useampisanaiset jaksot, usein lausekkeet, jotka lausutaan muulla kielellä kuin udmurtiksi mutta jotka eivät kuitenkaan muodosta itsenäistä kokonaisuutta. Tällöin lausuma sisältää sekä udmurtin- että muunkielistä ainesta.

Olen poiminut kaikki esimerkit pro gradu -työstäni.

6.1. Yksisanainen koodinvaihto

Kuten edellä on käynyt ilmi, yksisanaisen koodinvaihdon ja ydinlainan välinen ero on jossain määrin tulkinnanvarainen². Osa tutkijoista ei pidä yksisanaisia upotetun kielen esiintymiä koodinvaihtona ollenkaan. Minä sen sijaan näen käyttämieni teorioitten valossa koodinvaihtoesiintymän ja lainasanan saman ilmiön eri vaiheina, jotka voi sijoittaa jatkumon päihin: koodinvaihto on lainaamisen ja ydinlainasanan vakiintumisen lähtökohta. Tältä vaiheelta välttyvät vain kulttuurilainat, jotka tavallisesti vakiintuvat kieleen suoraan. Esimerkkejä yksisanaisesta koodinvaihdosta edustavat aineistossani yksittäin ja korkeintaan kaksi kertaa esiintyvät upotetun kielen sanat. Jos sana esiintyy aineistossa vähintään kolme kertaa eri puhujilla, pidän sanaa lainasanana, jos taas vain kerran tai kaksi, sanaa on syytä pitää koodinvaihtona. Todellisuudessa näin suppean aineiston perusteella on hankala päätellä eri sanojen vakiintuneisuutta.

Tässä yksisanaisen koodinvaihdon katsauksessa keskityn enimmäkseen koodinvaihdossa esiintyvään predikaattiin. Predikaattien paljous on kiinnostavaa siksi, että predikaatti on lauseenjäsenistä keskeisin. Myers-Scottonin esittämän universaalin koodinvaihtohierarkian mukaan finiittiverbit eivät käytännössä voi osallistua koodinvaihtoon, koska ne sisältävät monia systeemimorfeemeiksi luokiteltavia morfeemeja. Aineistossani yksisanaisen koodinvaihdon tapausten joukossa predikaatteja esiintyy useita. Esitän osan niistä esimerkeissä (1–5). Lisää tapauksia ks. [Koivunen 2019].

² Käsittelen pro gradu -tutkielmassani [40–43] yksisanaisen koodinvaihdon ja lainasanaston välistä eroa.

(1)

1: *Ачим но удивляюсь.*

itse.1SG ja **ihmetellä.1SG.REFL**

’Minäkin ihmettelen.’

(2)

1: *Милям удмурт кылмы **отличается** ведь мукет диалектъёсысь.*

me.GEN udmurtti kieli.PX1PL **erottaa.PRS.3SG.REFL** PART muu murre.PL.ELA

’Meidän udmurtin kielemmehän eroaa muista murteista.’

(3)

2: *Асьмелэсь ик **зависит**. Ми вераським ке, пинальёс вераськызы ке.*

itse.1PL.ABL PART **riippua.PRS.3SG** me puhua.PST1.1PL jos lapsi.PL puhua.PST1.3PL jos

’Juuri meistä itsestämme se riippuu. Jos me puhumme, jos lapset puhuvat.’

(4)

2: *Азьло **отдыхаем**, шутэтскиськом, сэре ужаськом.*

ensin **levätä.PRS.1PL** levätä.PRS.1PL sitten työskennellä.PRS.1PL

’Ensin lepäämme, lepäämme, sitten työskentelemme.’

(5)

4: *Адямиос али тожже ветло но отын **доплачивать** тыны кулэ, дыр.*

ihminen.PL nyt myös käydä.PRS.3PL ja siellä **maksaa.loppuun**. SUFF.INF täytyy kai

’Ihmiset käyvät nytkin, ja siellä kaiketi täytyy maksaa loppuun.’

Esimerkeissä (1–4) predikaattiverbejä on taivutettu venäjän kieliopin mukaan. Sen sijaan esimerkissä (5) venäläiseen infinitiivimuotoon on liitetty udmurttilainen kotoistussuffiksi ja infinitiivin tunnus.

Esimerkin (1) tapausta on hankala selittää. Kontekstissa puhuja 1 kertoo kylänsä olevan venäläinen ja käyttävänsä siitä syystä itsekin usein venäjää kotikielenä. Ehkä taustalla oleva ihmetys laukaisee hänen kaksikielisen moodinsa.

Esimerkissä (2) on puhe udmurtin murteista. Kielitieteellinen puheenaihe saattaa laukaista mahdollisesti tieteellisen täsmällisenä pidetyn venäjänkielisen predikaattiverbin. Muutoinkin lause pitäisi rakentaa eri tavalla, jos sen haluaisi ilmaista ilman koodinvaihtoa. Uhkana on nähdäkseni matriisikielen sisäinen kongruenssivirhe, joka tietyllä tapaa korjautuu koodinvaihdon ansiosta.

Esimerkissä (3) venäläisen predikaatin valinta voi johtua siitä yksinkertaisesta syystä, että udmurtissa ei ole täysin samansisältöistä sanaa. Esimerkiksi Udmurttilais-suomalainen sanakirja tuntee lemmän *зависеть карыны* 'riippua, olla riippuvainen'. Venäjässä kyseisen verbin rektiona käytetään *om*-prepositiota ja genetiiviä, jonka rakenteen vastineena käytetään udmurtissa yleensä ablatiivia. Sitä on käytetty tässäkin. Informantti tosin ei käytä kotoistusapuverbiä vaan taivuttaa venäläistä verbiä sellaisenansa.

Esimerkissä (4) puhuja käyttää ensin venäjänkielistä predikaattia mutta ikään kuin korjaa sen heti perään udmurtinkieliseksi vastaava-merkityksiseksi sanaksi. Kyseessä voi olla tuottovirhe: venäjänkielinen sanamuoto tulee ehkä puhtaasti vahingossa, koska kaksikielisen puhujan molempien kielten kielentuottokoneisto on joka tapauksessa jatkuvasti käynnissä, vaikkakin upotetun kielen koneisto taka-alalla. Kyseessä voisi myös olla predikaatin korostaminen, mutta tässä kontekstissa se vaikuttaisi hieman omituiselta.

Esimerkissä (5) puhuja käyttää udmurtiin kotoistussuffiksin avulla adaptoitua venäläistä verbiä. Udmurtissakin toki on 'maksaa'-merkityksinen verbi, jota voisi käyttää tässä kontekstissa. Koodinvaihto johtunee siitä, että venäjän verbiin on liitettävissä prefiksi, niin kuin tässä on tehty. Sen avulla saadaan yhteen sanaan paljon merkityssisältöä. Sitä paitsi jos informantti olisi halunnut ilmaista saman asian kokonaan udmurtiksi, predikaattia olisi todennäköisesti seurannut adpositiolauseke, jonka tarve myös vaikuttaa laukaisevan koodinvaihdon helposti (ks. luku 6.3).

Myers-Scottonin (1993) systeemimorfeemiperiaatteen mukaan finiittiverbi systeemimorfeemienensa ei voi tulla matriisikielen ulkopuolelta. Se tarkoittaa sitä, että upotetun kielen finiittiverbin ei

pitäisi voida esiintyä ilman, että se on osa suurempaa EL-saareketta. Kuten huomaamme, Myers-Scottonin esittämä universaali ei toimi udmurttilais-venäläisessä koodinvaihdossa. Esimerkin (5) tapaus on tässä kohtaa poikkeus, sillä siinä kaikki merkitsevät morfeemit ovat udmurtinkielisiä, vaikka verbi itsessään on venäjää, ts. tapaus noudattaa Myers-Scottonin esittämää sääntöä. Esimerkissä (5) on myös huomionarvoista, että puhuja on mukauttanut verbin udmurttiin kotoistussuffiksilla, vaikka myös paljas muoto olisi voinut tulla kyseeseen, etenkin kun kyseinen verbi on infinitiivissä eli ”perusmuodossa”.

Predikaatin lisäksi esiteltäköön tässä toinen upotetusta kielestä tullut ydinlauseenjäsen predikatiivi eli kopulakomplementti. Esimerkissä (6) predikatiivi on venäjää, vaikka muut sanat ovat udmurttia. Kontekstina on 70. voitonpäivän juhlallisuudet. Udmurtissakin on sanoja ’värikkään’ merkitykselle, mutta on mahdollista, että miettiesänsä voitonpäivää puhujalle tulee mieleen näkymä, jota voi parhaiten kuvata sanalla *красочный*. Kyseessä on kuitenkin eräs nimenomaan venäläisen (tosin myös valkovenäläisen) maailman suurimmista juhlista. Tässä tapauksessa ydinlauseenjäsenen tuleminen upotetusta kielestä ei riko systeemimorfeemiperiaattia. Sanalla on ominaisuus [+temaattisen roolin vastaanottaja].

(6)

1: *Со туж **красочный** кулэ луыны, малы_ке_шуоно сизыымдон ар.*

se erittäin **värikäs**.M täytyy olla.INF koska 70 vuosi

’Siitä täytyy tulla erittäin värikäs, koska 70 vuotta.’

Erityisen hyvin malliin sopivat esimerkin (7) tapaiset koodinvaihtotapaukset, joissa yksisanaiseen koodinvaihtoon osallistuva upotetun kielen sana edustaa perifeeristä argumenttia eli adverbialia. Koodinvaihtoon osallistuva upotetun kielen sana on selvä sisältömorfeemi ja lauseenjäsennyksen kannalta perifeerisessä asemassa. Rehellisyyden nimissä on kuitenkin myönnettävä, että esimerkin (7) tapauksessa kyseessä saattaa olla myös vakiintunut lainasana puhujan murteessa

tai muussa epävirallisessa kielimuodossa. Tällöin kyseinen sana ei edustaisi koodinvaihtoa ensinkään.

(7)

2: *Милям буяло свёклаен.*

me.GEN värjätä.PRS.3PL **punajuuri**.INS

’Meillä värjätään punajuurella.’

6.2. Lauseittenvälinen koodinvaihto

Lauseittenväliseksi koodinvaihdoksi katson tapaukset, joissa esiintyy kokonaisen lausuman mittainen ei-udmurtinkielinen jakso. Sen ei tarvitse olla kokonainen repliikki, jos puhuja sanoo useamman lauseen peräkkäin. Lauseittenvälistä koodinvaihtoa käyttämällä pyritään usein herättämään huomiota, antamaan sivukommentteja tai poikkeamaan käynnissä olevasta keskustelusta.

(8)

0: *Умой. Мар тӱ малпаськоды?*

hyvä mikä te ajatella.PRS.2PL

’Hyvä. Mitä te ajattelette?’

4: *Мар карыны? Малпаськом?*

mikä tehdä.INF ajatella.PRS.1PL

’Mitä (pitää) tehdä? Ajattelemmeko?’

2: *Мы ещё в праздниках.*

me vielä PREP juhla.LOC.PL

’Olemme vielä juhliissa.’ (= ”Puhumme vieläkin juhlista.”)

4: *Аа, мы ещё в праздниках.*

aa me vielä PREP juhla.LOC.PL

’Aa, olemme vielä juhliissa.’

1: *Вормон нунал сярысь.*

voitto päivä POSTP

’Voitonpäivästä.’

Esimerkin (8) kontekstista tulee tietää se, että informantti 4 oli juuri lopettanut henkilökohtaisen puhelun ja palannut keskusteluun. Olin itse (puhujana 0) aiemmin kysynyt kysymyksiä perinteisten

juhlien vietosta. Kun informantti 4 palasi keskusteluun, hän vastasi kysymykseeni tehden selväksi, ettei ole perillä keskustelunkulusta. Ikään kuin keskustelusta irrallisena huomautuksena informantti 2 toteaa informantille 4 venäjäksi, että puhumme yhä juhlista. Toisin sanoen esimerkin (8) tapauksessa koodinvaihto jäsentää keskustelua. Nauhoituksen perusteella myös vaikuttaa siltä, että informantit pyrkivät lausumaan nämä lausumat niin hiljaa, etteivät ne kuuluisi äänityksessä.

(9)

2: *Мм. Умой. Быдэс сразу. Мне сколько языков.*

mm hyvä koko heti **minä.DAT kuinka.paljon kieli.GEN.PL**

‘Mm. Hyvä. Kaikki heti. Paljonkohan kieliä minulle.’

1: *Полиглотъёс ми.*

monikielinen-PL me

‘Olemmekin monikielisiä.’

Esimerkin (9) kontekstissa koodinvaihtoa ei esiinny muualla kuin lihavoidussa informantin 2 lausumassa. Koodinvaihdon syynä lienee se, että informantti päivittelee monikielistä elämäänsä itsellensä, ikään kuin varsinaisen keskustelun ulkopuolella. Se tuottaa poikkeaman yleiseen kerrontalinjaan, minkä takia se on luontevaa ilmaista koodinvaihdon keinoin.

(10)

3: *Ленимся.*

laiskotella.PRS.1PL.REFL

‘Laiskottelemme.’

1: *Не ленимся.*

NEG laiskotella.PRS.1PL.REFL

‘Emme laiskottele.’

Esimerkin (10) kontekstissa on ollut puhe suomen kielen opiskelusta. Kieli on pysynyt udmurtina siihen asti, että informantti 3 toteaa, että opiskelijat laiskottelevat. Se lienee puolustus sille, etteivät he

puhu täysin sujuvaa suomea. 'Laiskotella' on helposti sanottavissa venäjäksi yhdellä sanalla. Mahdollisesti informantti 3 haluaa tokaisulansa provosoida ja herättää huomiota, mihin usein käytetään koodinvaihtoa. Lisäksi informantin 3 väite laukaisee myös informantin 1 koodinvaihdon, sillä väittäessään vastaan venäjänkieliseen toteamukseen hänen on helpointa kieltää toteamus venäjäksi eli lisätä vain kieltopartikkeli predikaatin eteen. Olisi erikoista, jos informantti 1 alkaisi rakentaa tässä kohtaa ilmaisuansa udmurtiksi, sillä hän vaihtaa muutenkin koodia varsin taajaan.

(11)

1: *Ну, по кылын мар_ке вера.*

no mari kieli.INS jokin sanoa.IMP.2SG

'No, sano jotain mariksi.'

3: *Поро кече!*

hyvä päivä

'Hyvää päivää!'

Esimerkki (11) edustaa aineistoni harvoja kohtia, joissa puhutaan jotain muuta kieltä kuin udmurtia tai venäjää. Kontekstissa informantti 3 on kertonut opiskelleensa jonkin aikaa Marin valtionyliopistossa ja oppineensa siellä marin kielen alkeita. Niinpä informantti 1 kehottaa tätä sanomaan jotain mariksi, ja niin tapahtuu. Tapaus on erittäin kontekstisidonnainen, sillä muista aiheista puhuttaessa informanttini tuskin sanoisivat mitään mariksi.

6.3. Lauseensisäinen koodinvaihto

Aineistoni perusteella näyttää siltä, että venäjänkieliset adposioliasekkeet siirtyvät helposti udmurtinkieliseen puheeseen. Osa niistä on koodinvaihtoon helposti osallistuvia kaavamaisia ilmaisuja mutta osa ei. Toinen huomiota herättävän usein koodinvaihdossa esiintyvä lauseketyyppi on genetiivimääritteinen NP, etenkin silloin kun sen merkitys on abstrakti. Kyse voi olla siitä, että informantit ovat tottuneet kuulemaan vertauskuvia ja metaforia jatkuvasti venäjäksi. Ehkä ajatuksena on se, että jos saman sanoo udmurtiksi,

kielikuva ei välttämättä aukea heti kuulijoille. Näin ollen vain vakiintuneet kielikuvat sanottaisiin udmurtiksi, kun taas uudet kielinnovaatiot otettaisiin venäjältä. Jos otaksumani pitää paikkansa, ilmiön voidaan olettaa köyhdyttävän udmurtin kieltä. Seuraavaksi esittelen muutamia aineistostani löytämiäni esimerkkejä lauseensisäisestä koodinvaihdosta; syvempää analyysyä voi lukea pro gradu -työstäni.

(12)

1: *А если тани кыче ке ... именно потано отчы за рубеж, именно со кыллы практика мар со соку умойгес лубисал.*

mutta jos näin jonkinlainen nimenomaan mennä.ulos.INF.NEC sinne **PREP raja.ACC** nimenomaan se kieli.DAT harjoitus mikä se sitten hyvä.COMP olla.COND

’Mutta jos näin jotenkin ... nimenomaan pitäisi mennä sinne ulkomaille, nimenomaan se kielen harjoittelu on sitä, mikä olisi sitten parempi.’

Esimerkissä (12) informantti 1 käyttää venäjänkielistä adpositiolauseketta *за рубеж* merkityksessä ’ulkomaille’. Valinta on luonteva monessa mielessä: kyseessä on perifeerinen argumentti ja ilmaus *ulkomaille* viittaa väistämättä melko uuteen ajattelutapaan, ts. siihen, että on omia maita ja vieraita maita, joita erottaa toisistansa hallinnollinen raja. Udmurtiksi voisi ilmaista saman asian niin ikään adpositiolausekkeella *кунгож сьöры*, mutta on hyvin mahdollista, että *за рубеж* on vakiintunut syvälle informantin 1 venäläistyneen kylän kielimuotoon.

(13)

2: *Кыл дышетыны.*

kieli oppia.INF

’Oppiaksemme kieltä.’

1: *Тодматскыны, ну, финъёслэн ...*

tutustua.INF no suomalainen.PL.GEN

’Tutustuaksemme suomalaisten ...’

2: *Культураенызы.*
kulttuuri.INS.PX3PL
'Kulttuuriin.'

1: *Культураенызы и ... с носителями языка. Вераськыны.*
kulttuuri.INS.PX3PL ja PREP kantaja.INS.PL kieli.GEN.SG puhua.INF
'Kulttuuriin ja ... äidinkielisten puhujien kanssa. Puhua.'

Esimerkissä (13) informantit 1 ja 2 perustelevat, miksi haluaisivat lähteä Suomeen. Informantti 1 sanoo haluavansa tutustua suomalaisten kulttuuriin ja *с носителями языка*. Ilmaus on hankala kääntää monille kielille, minkä takia venäläisen ilmaisun käyttö on odotuksenmukainen valinta. Huomiota kiinnittää kuitenkin se, että koko lauseke sanotaan venäjäksi. Ilmaus *носитель языка* on kiteytynyt ja tarkoittaa suunnilleen 'äidinkielistä tai äidinkielen tasolla olevaa kielenkäyttäjää', kirjaimellisesti "kielen kantajaa". Esimerkin tapaus sisältää sekä genetiivimääritteellisen NP:n että adpositiorakenteen, joista molemmat vaikuttavat olevan erityisen alttiita koodinvaihdolle.

(14)

1: *Мон мыйісько десятого, ой, одинадцатого июля мон татысь пото ини. Тринадцатого августа, ой, июля мон уже ... въезжаю ... в Финляндию.*

minä mennä.PRS.1SG kymmenes.GEN.SG oi yhdestoista.GEN.SG heinäkuu.GEN.SG minä täältä mennä.ulos.FUT.1SG jo kolmastoista.GEN.SG elokuu.GEN.SG oi heinäkuu.GEN.SG minä jo PREF.mennä.ITER.PRS.1SG PREP Suomi.ACC.SG

'Minä menen kymmenentenä, oi, yhdentenätoista heinäkuuta minä täältä lähdän jo. Kolmantenatoista elokuuta, oi, heinäkuuta minä jo ... menen ... Suomeen.'

Esimerkissä (14) esiintyy paljon koodinvaihtoa. Upotetun kielen vakiintuneina ilmaisuina kaikki päivämäärät sanotaan venäjäksi venäjän kielioppia noudattaen. Nekin ovat eräänlaisia genetiivirakenteita.

Päivämäärien lisäksi adpositiolauseke *в Финляндию* on tullut venäjstä, mikä ei ole täysin odotuksenvastaista. Sen sijaan sitä edeltävä predikaattiverbi on erikoinen, sillä sekin tulee suoraan venäjstä. Voisi ajatella adpositiolausekkeen preposition laukaisevan verbiprefiksin *въезжаю*-sanaan, mutta sanajärjestys ei tue ajatusta. Vaikuttaa siltä, että kyseessä on predikaatin ja paikanadverbiaalin sisältävä yhtenäinen EL-saareke siitä huolimatta, että puhuja pitää tauon saarekkeen keskellä. Mahdollisesti edellä lausutut venäläiset päivämäärät ovat saaneet informantin kaksikielisen moodin taas käynnistymään.

(15)

4: *Мон ой вала. Умой ветлыны an der Rast тырыны, но мон дугдй отчы ветлэмысь.*

minä NEG.PST1.1SG ymmärtää.CNG hyvä käydä.INF **PREP ART.DAT välitunti** maksaa.INF mutta minä lakata.PST1.1SG sinne käydä.PTCP.ELA

'En ymmärtänyt. Hyvä olisi mennä maksamaan välitunnilla, mutta lakkasin käymästä siellä.'

Esimerkissä (15) esiintyy aineistoni toinen koodinvaihtotapaus, jossa upotettuna kielenä ei ole venäjä. Tässä esimerkissä se on saksa, ja senkin on laukaissut erityisen spesifi konteksti. Informantti 4 kertoo siitä, miten hän opiskeli jonkin aikaa saksaa mutta jätti sen kesken, koska ei ymmärtänyt, että kurssin olisi voinut maksaa välitunnilla. Tässä esimerkissä 'välitunnilla' sanotaan saksaksi, eikä siinä ole mitään ongelmaa, koska kyseessä on perifeerinen argumentti, joka ei voi vahingoittaa udmurtin kongruenssisääntöjä, nimittäin taas adpositiolauseke.

(16)

1: *Азьло, азьлогес бен. Ну, десять лет назад, может, о-о, туж потэ вал тани одно [...] шуэ Юля, Шарканысь со ке, магазинэ со потіз вал и шуэ, нянь мыным кулэ шуыса, о-о. Мар_ке_но басьтэ вьлэм и со*

вуиз продавец шуэ: ”Г о в о р и н о - р у с с к и ”, ну, акцентэз ик прямо удмуртский акцент-о ведь со. Со жуэ сямен старається солы вераны ”говори по-русски” шуыса и тупа ...

aiemmin aiemmin.GEN kyllä no **kymmenen vuotta POSTP** voi.olla joo erittäin mennä.ulos.PRS.3SG olla.PST1 näin ehdottomasti sanoa.PRS.3SG Julja Šarkan.ELA hän jos kauppa.ILL hän mennä.ulos.PST1.3SG olla.PST1 ja sanoa.PRS.3SG leipä minä.DAT täytyy että joo jokin ostaa.PRS.3SG olla.PST2 ja hän saapua.PST1.3SG myyjä sanoa.PRS.3SG ”**puhua.IMP.2SG venäjäksi**”, no aksentti.PX3SG PART suoraan **udмуртtilainen.M aksentti.Q** PART se hän venäläinen tapa.INS yrittää.PRS.3SG.REFL hän.DAT sanoa.INF puhua.IMP.2SG venäjäksi sanoa.GER ja niinku

’Aiemmin kyllä. No, kymmenen vuotta sitten, voi olla, joo, todella vaikutti siltä ehdottomasti [...] sanoo Julja, Šarkanista hän on, meni kauppaan ja sanoo, että tarvitsen leipää, joo. Osti jotakin ja saapui, myyjä sanoo: ”Puhu venäjää”, no, aksenttinsa on ihan udmurttilainen aksentti. Hän yrittää venäjäksi hänelle sanoa: ”Puhu venäjää” ja niinku ...’

2: ”**Я не понимаю.**”

minä NEG ymmärtää.PRS.1SG

””Minä en ymmärrä.””

1: ”**Я вас не понимаю**” шуыса. Вот. А хотя кылйське, что со удмурт.

minä te.ACC NEG ymmärtää.PRS.1SG sanoa.GER niin ja vaikka kuulua.PRS.3SG että hän udmurtti

””Minä en ymmärrä teitä” sanoen. Niin. Ja vaikka kuuluu, että hän on udmurtti.’

Esimerkissä (16) on kyse referoinnista, jota esiintyy tässä neutraalina ja korostettuna. Korostetun koodinvaihdon olen merkinnyt harvennuksella. Tällöin puhuja on madaltanut äänensä perustaajuutta ja hidastanut puhenopeuttansa luodaksensa sellaisen vaikutelman, että puhuu jonkun toisen äänellä. Informantti 1 aloittaa kertomuksen, johon informantti 2 liittyy korostetulla koodinvaihdolla. Koodinvaihdon funktio on selvä, sillä puhujat pyrkivät ”pseudosanatarkkaan” toisintoon

siitä, mitä kaupan myyjä on sanonut. Tällä tarkoitan sitä, että myyjä tuskin on oikeasti puhunut yhtä hitaasti, yhtä matalalta ja yhtä voimakkaalla udmurttilaisella korostuksella kuin referoijat antavat ymmärtää. Koska kyseiset koodinvaihtotapaukset ovat irrallisia lausumia, ne eivät voi vahingoittaa matriisikielen kongruenssisääntöjä.

Toinen merkillepantava koodinvaihtotapaus tässä esimerkissä on informantin 1 käyttämä venäläinen adjektiivimääritteellinen NP *удмуртский акцент*. Siitä saataisiin hyvin pienellä vaivalla kelpo NP udmurtiksi: *удмурт акцент*. Vaikuttaa siltä, että puhuja on puhunut aiheesta enimmäkseen venäjäksi, mahdollisesti lähinnä yliopistossa. Sieltä se tulisi ikään kuin terminomaisesti udmurtinkielisen puheen sekaan. Samasta todistaa aineistossani esiintyvät *финский язык* -tyyppiset NP:t. Ne viittaavat aina suomen kieleen oppiaineena, muussa tapauksessa 'suomen kieli' on udmurttilaisittain *фин³ кыл*. Informantilla 1 esiintyy enemmänkin koodinvaihtoa: jälleen adpositiolauseke sekä upotetun kielen mukaisesti taivutettu predikaattiverbi. Näitä ilmiöitä olen käsitellyt ylempänä.

(17)

4: *Ми чошен праздникёс ортчытиськом, день рождениясты, природэ потаськом шутэtskyны, тыршиськом котьку оз-огмылы юртыны.*

me yhdessä juhla.PL viettää.PRS.1PL päivä syntymä(.GEN).PL.ACC luonto.ILL mennä.PRS.1PL levätä.INF yrittää.PRS.1PL aina yksi=yksi. PX1PL.DAT auttaa.INF

'Me vietämme yhdessä juhlia, syntymäpäiviä, menemme luontoon lepäämään, yritämme aina auttaa toisiamme.'

³ Sanan kirjoitusasu vaihtelee. Käytössä on myös muoto *финн*. Itse suosin *финн*-muotoa siksi, että pyrin välttämään ns. väärinkirjoitussääntöjä; ei ole mitään perustetta kirjoittaa sanan loppuun geminaattaa paitsi venäjän malli.

Esimerkissä (17) näkyy objektina toimiva venäläinen genetiivirakenne. Sitä on taivutettu erityisen kiinnostavasti. Venäjässä, toisin kuin udmurtissa, genetiivimäärite tulee tavallisesti pääsanansa jälkeen. Vaikuttaa siltä, että venäjän ilmaus *день рождения* on niin vakiintunut kokonaisuus, että se käsitetään perusmuodoksi. Udmurttilaiset morfologiset tunnukset liittyvät genetiivimääritteeseen, niin kuin se olisi nominatiivi: yleensä *ия-* ja *ие-*päätteisistä (laina)sanoista putoaa lopun *я* tai *е* pois taivutettaessa sanaa. Koska venäjän sanan *рождение* yksikön genetiivi on *рождения*, molemmista muodoista putoaisivat joka tapauksessa viimeiset äänteet pois, kun sanamuotoa taivutetaan udmurtiksi. Siksi tiukan morfologisin perustein ei päästä selvyYTEEN siitä, onko kyseessä paljas muoto eli nominatiivi vai venäjän kieliopin mukainen genetiivi. Jos kyseessä olisi sittenkin paljas muoto, Myers-Scottonin morfeemijärjestysperiaate ei toimisi, mikä saa minut uskomaan erittäin vahvasti, että taustalla on nimenomaan venäjän genetiivi eikä nominatiivi. En pitäisi mahdollmana, että *день рождения* olisi vakiintunut udmurttiin. Tällöin kyseessä on moniosainen erikoislaina, ja sen taivutus tämän esimerkin tapaisesti olisikin odotuksenmukaista.

7. Johtopäätöksiä

Tässä artikkelissa olen esitellyt koodinvaihdon teoriaa Carol Myers-Scottonin tutkimuksen [1993] perusteella ja soveltanut sitä udmurttilais-venäläiseen koodinvaihtoon. Tulosten perusteella vaikuttaa siltä, että Myers-Scottonin esittämistä universaaleista suurin osa pätee myös udmurttilais-venäläisessä koodinvaihdossa, mutta aineistossani esiintyy myös matriisikielikehysmalliin sopimattomia koodinvaihtotapauksia. Etenkin venäläisten ja venäjäksi taivutettujen predikaattiverbien yleinen esiintyminen yksisanaeisessa koodinvaihdossa sotii mallia vastaan. Tilanne on sama myös adverbien ja konjunktioiden osalta mutta sillä erotuksella, että niitä on pidettävä jo lainasanoja, koska ne ovat niin vakiintuneita. Adverbit ja konjunktiot ovatkin siinä

mielessä luontevampia koodinvaihtoon osallistujia, että niitä ei juuri tarvitse taivuttaa. Sen sijaan verbi vaatii paljon morfologiaa yhteytensä. Udmurtinpuhujan ei myöskään olisi välttämätöntä taivuttaa venäläisiä verbejä venäjän morfologian mukaisesti, koska udmurtissa on käytössä sekä kotoistussuffiksi, joka liittyy venäläisen verbin infinitiivimuotoon, että ”paljaan muodon” (eli infinitiivimuodon) perään liitettävä kotoistusapuverbi.

Kaikkein yleisintä koodinvaihto näyttäisi olevan perifeerisissä argumenteissa eli adverbiaaleissa. Se ei ole yllättävää, sillä perifeeriset argumentit eivät ole lauseen ydinjäseniä eivätkä näin ollen riko matriisi-kielen kongruenssisääntöjä. Näitten seasta korostuvat adpositiolausekkeet. Toinen silmiinpistävä koodinvaihtotapausryhmä ovat genetiivimääritteen sisältävät NP:t. Ne toimivat monien lauseenjäsenten asemassa. Paljaat muodot ovat harvinaisia.

Lauseittenvälisen koodinvaihdon funktiot tuntuvat usein selviltä. Puhuja haluaa kieltä vaihtamalla tehdä selväksi poikkeaman pääkerrontalinjasta. Jos kyseessä on huomio jostakin asiasta, joka ei suoraan liity puheena olevaan aiheeseen tai jonkinlainen irrallinen lisäys, se sanotaan usein venäjäksi. Myös provosointi ja muunlainen huomionherättäminen näyttää onnistuvan koodinvaihdon avulla.

Lyhenteet / Сокращения

1 ensimmäinen persoona; 2 toinen persoona; 3 kolmas persoona; ABL ablatiivi; ACC akkusatiivi; ART artikkeli; CNG konnegatiivi; COMP komparatiivi; DAT datiivi; ELA elatiivi; FUT futuuri; GEN genetiivi; GER gerundi; ILL illatiivi; IMP imperatiivi; INF infinitiivi; INF.NEC nesessiivinen infinitiivi; INS instrumentaali; LOC lokatiivi; M maskuliini; NEG kielto; PART partikkeli; PL monikko; POSTP postpositio; PREF prefiksi; PREP prepositio; PRO prolatiivi; PRS preesens; PST määrittelemätön mennyt aika; PST1 ensimmäinen preteriti; PST2 toinen preteriti; PTCP partisiippi; PX possessiivisuffiksi; Q kysymyspartikkeli; REFL refleksiivi; SG yksikkö; SUFF kotoistussuffiksi.

Список использованной литературы и источников

Гаврилова В. Г. Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов / В. Г. Гаврилова. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2014. – 211 с.

Backus A. Two in one. Bilingual speech of Turkish immigrants in the Netherlands / A. Backus. – Tilburg: Tilburg University Press, 1996. – 414 p.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys / R. Bartens // SUS. – Helsinki, 2000. – 372 s.

Bentahila A., Davies E. E. Patterns of code-switching and patterns of language contact / A. Bentahila, E. E. Davies // *Lingua* 96. – 1995. – P. 75–93.

Berk-Seligson S. Linguistic constraints on intra-sentential code-switching: A study of Spanish/Hebrew bilingualism / S. Berk-Seligson // *Language in Society* 15. – 1986. – P. 313–348.

Chen H. Code-switching in conversation: a case study from Taiwan / H. Chen. Unpublished PhD. Dissertation. – Manchester: University of Manchester, 2007. – 213 p.

Gardner-Chloros P. Language selection and switching in Strasbourg / P. Gardner-Chloros. – New York: Oxford University Press, 1991. – 218 p.

Grosjean F. The bilingual's language modes. One mind, two languages / F. Grosjean // *Bilingual language processing*, Edit. Nicol, J. L. Blackwell. – Oxford, 2001. – P. 1–22.

Gumperz J. Discourse strategies. Transferred to digital printing 2002 / J. Gumperz. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Haspelmath M. Lexical borrowing: Concepts and issues / M. Haspelmath // *Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook*. Edit. Haspelmath, Martin; Tadmor, Uri. De Gruyter Mouton. – Berlin, 2009. – P. 35–54.

Kalliokoski 2009a – *Kalliokoski J.* Tutkimuskohteena monikielisyys ja kielten kohtaaminen // *Kielet kohtaavat*. Toim. Kalliokoski, Jyrki; Kotilainen, Lari; Pahta, Päivi. Tietolipas 227. SKS. – Helsinki, 2009.

Kalliokoski 2009b – *Kalliokoski J.* Koodinvaihto ja kielitaito // *Kielet kohtaavat*. Toim. Kalliokoski, Jyrki; Kotilainen, Lari; Pahta, Päivi. Tietolipas 227. SKS. – Helsinki, 2009.

Koivunen T. Venäläisen sanaston ja koodinvaihdon lainalaisuuksia udmurtinkielisessä puheessa. Pro gradu -tutkielma / T. Koivunen [Электронный ресурс]. 2019. – URL: <https://www.utupub.fi/handle/10024/143702/browse?type=author&value=Koivunen%2C+Tomi> (дата обращения: 22.10.2020).

Kovács M. Koodinvaihto ja kielioppi // Kielet kohtaavat. Toim. Kalliokoski, Jyrki; Kotilainen, Lari; Pahta, Päivi. Tietolipas 227. SKS. – Helsinki, 2009.

Matras Y. Language Contact / Y. Matras. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Muysken P. Bilingual speech. A typology of code-mixing / P. Muysken. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching / C. Myers-Scotton. – Oxford: Oxford University Press, 1993.

Myers-Scotton C. Comparing codeswitching and borrowing / C. Myers-Scotton // Journal of Multilingual and Multicultural Development. Special Issue. Codeswitching. Vol 13/1–2. – Clevedon: Multilingual Matters, 1992. – P. 19–39.

Nortier J. Dutch/Moroccan Arabic code-switching among young Moroccans in the Netherlands / J. Nortier. – Dordrecht: Foris, 1990.

Nurmi A. Kielikontaktien vaikutus englannin kieleen // Kielet kohtaavat. Toim. Kalliokoski, Jyrki; Kotilainen, Lari; Pahta, Päivi. Tietolipas 227. SKS. – Helsinki, 2009.

Pfaff C. Constraints on language mixing: intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/English / C. Pfaff // Language 55. – 1979. – P. 291–318.

Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español / S. Poplack // Linguistics 18. – 1980. – P. 581–618.

Udmurttilais-suomalainen sanakirja = Удмурт-финн кылсузъет. Toim. Maksimov, Sergej; Danilov, Vadim; Saarinen, Sirkka. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 79. – Turku, 2008. – 668 s.

Winford D. An Introduction to Contact Linguistics / D. Winford. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2003.

Kozmach Иштван (Kozmács István)
Венгрия-Словакия,
Университет г. Нитра (UKF v Nitre)

AZ UDMURT NYELV KUTATÁSTÖRTÉNETÉNEK EGY PROBLÉMÁJÁHOZ

Аннотация. В статье уделяется внимание некоторым биографическим данным Б. Гаврилова, собирателя удмуртского фольклорного материала.

Ключевые слова: удмуртский фольклор, исследователи, венгерские ученые, биографические данные.

2020. március 12-én emlékezünk meg Munkácsi Bernát születésének 160. évfordulójáról. Ehhez kapcsolódva Munkácsi naplójának egy szöveghelyének bemutatásával igazolom, hogy Munkácsi naplója értékes, megbízható forrása az udmurt nyelv és nép történetének kutatásához.

Munkácsi Bernát a magyar nyelvtudomány egyik kiemelkedő alakja. Gyermekkorától tudatosan készült a magyar nyelv és nép rokonsági kapcsolatainak feltárására, tanulmányait ezért a budapesti egyetemen folytatta, ahol egy időben volt Budenz József és Vámbéry Ármin tanítványa. Fő céljának, Reguly Antal megfejtetlen manysi kéziratának feldolgozására készülve, 1885-ben a finnugor nyelvű udmurtok és a török nyelvű csuvasok között járt, hogy minéle teljesebb nyelvi anyagra tegyen szert. 1888-ban indult Pápai Józseffel a manysik közé, ahonnan a megfejtett kézirrattal tért vissza. 1891-ben lett az MTA levelező tagja. Egyetemen sosem tanított, a Pesti Izraelita Hitközség tanfelügyelőjeként tevékenykedett. Ebbéli szerepében

megreformálta a hitoktatást és tankönyveket készített. 1937. szeptember 27-én halt meg Budapesten¹.

Munkácsi 1885-ös udmurtiai nyelvtudományi célú útjának tervei között szerepelt Borisz Gavrilov meglátogatása. A látogatásról, illetve annak elmaradásáról részletesen beszámol naplójában. Munkácsi személyesen kívánt konzultálni Gavrilovval, akinek kiadott udmurt folklór szövegeinek egyes darabjait Magyarországon Munkácsi adta közre, mint az udmurt nyelv értékes nyelvi anyagát magyar fordítással². Fontosnak tartotta a vele való találkozást, mivel a magyarországi nyelvészeknek akkoriban nem voltak ismereteik az általuk kutatott oroszországi finnugor nyelvek szavainak, hangsorainak kiejtéséről. A hozzájuk eljutó nyomtatott munkák és általános hangtani ismereteik alapján próbálták megfejtetni az egyes latin vagy cirill betűk fonetikai jellegét, fonológiai értékét³. Munkácsi azt remélte, hogy Gavrilov segítségével le fogja tudni írni az udmurt hangrendszert. Korábban ugyanis részben Gavrilov említett munkája alapján próbálta megírni az udmurt hangtant – aminek megírásával azonban elegendő forrás híján nem boldogult⁴. Gavrilov volt az egyetlen személy, akiről mint Oroszországban udmurt nyelvvel foglalkozó szakemberről, előzőleg tudomása volt. Látogatásának terve azonban nem valósulhatott meg. Ahogy a *Votják népköltési gyűjtemény* [Munkácsi 1887] előszavában megírja, Gavrilovhoz utaztában hírét vette, hogy a lelkész halálos ágyán fekszik:

¹ Részletesen: Kozmács 2012

² Gavrilov 1880. Ez alapján Munkácsi közlése: *Votják nyelvmutatványok*. NyK (17), 1883: 247–302.

³ Ebbéli tevékenységéről számol be Budenznek a MTAK Ms 5449/58. jelzet alatt található, 1882. július 27-én írt levelében [Kozmács 2008: 190–191]. Majd részletesebben a MTAK Ms 5449/60 és MTAK Ms 10276/lyly 5 jelzetű, 1884. szeptember 24-én, illetve október 5-én írottakban [Kozmács 2008: 192–198].

⁴ Gavrilov 1891-es munkája alapján a hangtant V. K. Kelmakov írta meg, ld. Kelmakov 2001.

„... azonban elképzelhető mily nagy volt a leveretésem, midőn a parton várakozó utas népségtől azon szomorú hírről értesültem, hogy Borisz Gavrilov halálos ágyán küszködik. Kételkedni nem lehetett a hír valóságán, mert többen is tisztességes emberek mondták s ezenfelül [sic!] magam is hallottam Kazánban, hogy Borisz Gavrilov beteges ember”⁵.

A hír hallatán letett abbéli szándékáról, hogy Gavrilovot felkeresse. Amikor Munkácsi udmurtföldi utazáson készített naplóját (a naplóról ld. lentebb) készítettem elő kiadásra, akkor vált fontossá ez a rövid megjegyzés. A naplóhoz általam készített jegyzetekben ugyanis természetesen szerepelt Borisz Gavrilov neve is, életrajzi adatokkal. Akkor szembesültem azzal, hogy a róla szóló szakirodalomban egymásnak ellentmondó évszámok szerepelnek halála dátumaként és vált fontossá ebből a szempontból is az előszó, illetve a napló Gavrilovra vonatkozó adata⁶.

Andrej Alekszejevics Turanov, udmurtiai helytörténész a napló magyar nyelvű? megjelenése után, 2009-ben, az Idnakar című udmurtiai kultúr- és helytörténeti folyóiratban megjelent írásában próbálja meghatározni Borisz Gavrilovics Gavrilov (1854–1885) halálának időpontját [Туранов 2009]. Ahogy írja, a forrásokból azt biztosan tudjuk, hogy a tatár származású Gavrilov 1864–66 között a kazanyi egyházi szemináriumban tanult, és 1867-ben nevezték ki tanítónak a kazanyi kerület Apazovo templomos falujába egy társával, Ignatyij Tyimofejevvel együtt. Ebben a faluban tanult meg az Osmá faluból ide járó udmurt gyerekektől udmurtul. Mikor iskola nyílik Osmá faluban is, akkor oda helyezik át. 1880-ban szentelik pópává, és 1881-től Umjakban⁷ szolgál, ahol Munkácsi is meg szeretné látogatni. Tagja volt az udmurt Bibliafordító Bizottságnak és jelentős a már említett udmurt népköltészeti gyűjtése, de Turanov is

⁵ Munkácsi 1887: VII.

⁶ Vö. többek között Korebejnnyikov 2008, Sumilov 2001.

⁷ Szirov é.n.

megállapítja, hogy az első udmurt nyelvű népdalgyűjtő halálára vonatkozó adatok ellentmondásosak.

Az Udmurt Enciklopédia erre vonatkozó szócikke egészen 1901-ig tolja ki a lehetséges időpontot. Sumilov⁸, az udmurtiai egyháztörténet kutatója, 1885-öt adja meg Gavrilov halála éveként, de nem hivatkozva forrását, azaz nem tudjuk, mire alapozza állítását. Magától Sumilovtól tudjuk meg az Udmurt Enciklopédia 262. oldalán, hogy Gavrilov és Kuzma Andrejev együtt hozzák létre 1890-ben a karligani iskolát.

Turanov említett írásában 1880-tól kezdve évről évre haladva sorra veszi Borisz Gavrilov életrajzi adatait, a Vjatkai Egyházi Közlöny (Вятские Епархиальные ведомости) alapján. Gavrilov haláláról ezt írja: „[a közlöny] ebben az évben [1885] közli a szomorú hírt augusztus 1-i számban Borisz Gavrilov haláláról: Meghalt a Jelabugai Kerület Umjak falujában szolgáló pópa, Borisz Gavrilov *"Умер священник села Умяка Елабужского уезда Борис Гаврилов"* [14, c. 341]”.

A híradással kapcsolatban megemlíti, hogy sem a halál helye, sem annak pontos időpontja és oka nem szerepel a közlésben. Az elhalálozás helyének elmaradását abban látja, hogy a pópa a szolgálati helyét engedély nélkül nem hagyhatta el, ezért az Gavrilov utolsó szolgálati helye Umjak lehetett. Az időpontról úgy vélekedik, hogy az a Közlöny megjelenését megelőzően 1,5–3 héttel lehetett, mivel a Közlöny havonta két alkalommal, elsején és 15-én jelent meg. Mindezek alapján Turanov írásában Gavrilov halálának időpontját 1885. júliusának első felére teszi. A halál okáról nem tesz említést, s ezt azzal indokolja, hogy miért említették volna egy olyan korban, amikor emberek sokasága halt meg kolerában vagy gümőkórban [Туранов 2009: 10]. A szakirodalomban Borisz Gavrilovra vonatkozó, 1885-ös év utáni életrajzi adatokat meggyőző érveléssel hamisaknak minősíti.

⁸ Sumilov é.n.

Turanov nem ismeri a kiadott Munkácsi-naplót, ezért állítását az 1885-ös udmurtföldi út során írt naplója alapján is megerősíthetjük. A következőkben egyrészt igazolom és alátámasztom Turanov vélekedését Gavrilov halálának valószínű időpontjáról, másrészt Munkácsi naplója alapján, mint hiteles forrás alapján, ismertetem halálának okát is.

Munkácsi a fentebb már idézett *Votják népköltési hagyományok* előszavának megírásához az utazása során készített naplót használta fel. A kézirat sokáig kallódott, egy fénymásolt változata volt ismert. A Munkácsi leszármazottak a közelmúltban adták át az eredeti naplót a budapesti Magyar Zsidó Múzeum és Levéltárnak.⁹ A napló a fénymásolt példány alapján 2008-ban jelent meg nyomtatásban [Kozmács 2008]. A naplóban Munkácsi így számol be Gavrilov állapotának hírül vételéről¹⁰:

„Egész nap különben szótlantul utaztunk s legfeljebb egyes megjegyzések a jövő napok teendőire, különösen Borisz Gavrilovra vonatkozólag szakították meg a komoly csendet. Este hat óra után érkeztünk meg *Sokolki*-ba, hol tervem szerint be kellett volna várni *Былушев* hajóját (eddig a *Кзынецов*-féle „Rion” nevűn utaztunk) s ezen még ma tovább utazni Mamadyšba, honnan másnap ismét tovább Umjakszkaja felé Azonban egy pillanat alatt minő váratlan fordulat! Sokolkiba igen éhesen érkeztünk meg; miért is a nyílt állomáshelyről elküldtem Nik.-t, hogy nézzen széjjel, nem lehet-e legalább teázni itt. Nik. bemegy mindjárt az első ajtón – s bámulatra majd egy fél óráig nem jön vissza. Eleinte e dolgot a reggeli vita következményének gondoltam s nem akartam a bajt korholással még jobban elmérgesíteni. De kíváncsiságból mégis az ablak alá megyek s megnézem, mit csinál benn oly sokáig – talán kérdezgetik, faggatják reám vonatkozó kérdésekkel? – gondoltam. Hát amint

⁹ <http://archives.milev.hu/index.php/votjak-utinaplok>; isad.

¹⁰ A napló június 19-i (új naptár szerint 30-i) bejegyzésében, Kozmács 2008: 89.

benézek, ott guggol az én Nikolajom egy padon s vele szemben három священник¹¹ ül (egynek az orra olyan volt, mint egy burgundi cékla) és egy úriember. „Ahá” – gondolom – „itt vallási discussio folyik, s ez bilincselte le Nik. figyelmét annyira, hogy a teáról egészen megfeledkezett”. Tudni kell nevezetesen, hogy Nik. szörnyen vallásos, s egészen a szeminárium szellemétől van még áthatva [...]; szerinte ki nem православный¹², az nem is tarthat jogot a mennyei üdvözülésre. Már ismerem őt régen ez oldalról s szinte örültem, hogy íme most szája íze szerint beszélő emberekre akadt. Azonban mennyire meglepődtem, midőn néhány perc múlva Nik. Kijön a szobából e szavakkal: „Печальное известие, Борис Гаврилов умирает, если уже не умер”¹³. „Honnan tudod ezt” – kérdeztem izgatottan. „Odabenn beszélgették társai; jól ismerik; Jelabugában is feküdt vagy pár hétig, az orvosok lemondtak életéről.” A dolog t. i. úgy volt; a benn levő úri ember Nik.-nak egyik tanára volt, ki természetesen megszólította Nik.-t, midőn beküldtem, hogy teát rendeljen meg. Ennek megint a 3 pap ismerőse volt, kikkel előbb társalgott. Most hosszasan kikérdezgette Nik.-t, hogy mi járatban van s így megtudták, hogy B. G.-hoz utazunk. Erre aztán a 3 pap elbeszélte, hogy B. G. rohamos tüdővészben van, hogy senkit hozzá nem bocsátanak s valószínűleg már meg is halt. Ezen szörnyen lesújtó hír nem egy, hanem három szeget ütött a fejembe: 1) a votják nyelvnek és népnek egyik legalaposabb ismerője vész el benne; ki azonkívül a magy. nytudománynak directe is hasznossá vált a Bálintnak¹⁴ és nekem szolgáltatott textusokkal 2) hol fogom már most a jelabugai nyelvet [értse a Jelabugai Kerület udmurt nyelvjárását] kutatni 3) hogy egyáltalában most mitevő legyek, illetőleg mihez fogjak.”

¹¹ 'lelkész'.

¹² 'igazhitű'.

¹³ 'Szomorú hír: Borisz Gavrillov haldoklik, ha már meg nem halt'.

¹⁴ Szentkatolnai Bálint Gábor (Szentkatolna, 1844. március 13. – Temesvár, 1913. május 26.) magyar nyelvész, a törökségi nyelvek kutatója.

A naplóbejegyzés alapján tehát egyértelműen megállapítható a fiatal lelkész halálának oka: „rohamos tüdővész”, azaz tuberculosis, oroszul чашотка. A számunkra fontos információ mellett ez a hosszan idézett részlet sok más szempontból is tanulságos. Most csak a Munkácsi Bernát gondolkodására jellemző vonást emelem ki: Gavrilov halálos betegségéről hallva először a tudományt ért csapás ötlük fel benne¹⁵, majd csak utána a saját célját érintő probléma. A „most mitevő legyen, illetőleg mihez fogjak” arra vonatkozik, hogy e hír hallatán nemcsak az egyébként is kényszer szülte terve hiúsult meg, hanem utazásának egyik fő célját nem valósíthatja meg: nem tudja Gavrilovval átvenni és revideálni a Gavrilov által kiadott népköltési gyűjtemény szöveganyagát. Kényszerűségből indult ugyanis éppen 1885. június közepén Gavrilovhoz: utazási dokumentumainak hiánya miatt nem mehetett át a Kazanyi Kormányzóságból a szomszédos kormányzóságokba, ezért eredeti tervén változtatnia kellett: Gavrilovot akarta felkeresni, hogy mégis tudja munkáját folytatni. A Gavrilov állapotáról kapott hír után azonban nem volt lehetősége további gyűjtésre, nem folytathatta a munkáját anélkül, hogy vissza ne tért volna Kazanyba papírjait elintézni – ez azonban már egy másik történet.

Gavrilov halálának időpontjával kapcsolatos bizonytalanságot az okozhatta, s tették 1892-re, illetve 1900 tájára is, hogy egy forrás arról tanúskodik, hogy egy Gavrilov nevű személyt 1890-ben Karliganba helyeznek át az ott megnyíló udmurt tanítóképzőbe¹⁶. Az azonban tévedés, hogy az áthelyezett személy Borisz Gavrilov lett volna. Az áthelyezett pópa nagy valószínűséggel Filipp Gavrilov

¹⁵ Az más kérdés, hogy Munkácsi valószínűleg téved: a Bálint Gábornak segítő Gavrilov nem lehetett Borisz Gavrilov, mivel ő Bálint kazanyi tartózkodása (1876) idején onnan 200 kilométerrel távolabb lévő településen dolgozott. Maga Bálint Gábor Szimon Boriszként [Bálint 1874], illetve Szimon Gáborfi Boriszként [Bálint 1875] említi.

¹⁶ Kolcserin é.n.

lehetett, aki már korábban is tevékenykedett az udmurt kultúrtörténetben nevezetes iskola érdekében (erről részletesen ír Turanov 2009: 15–17 is).

Gavrilov halálának 1900 körülire datálásának másik oka az lehetett, hogy 1885 után jelent meg – egészen pontosan 1891-ben – Gavrilovnak „Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урясь-Учинского прихода” [Труды IV археологического съезда в России, т. 2. Казань, 1891] című munkája. Az írás valóban ekkor látott napvilágot, ám maga a régészeti és kultúrtörténeti kongresszus 1877-ben (!) volt. Az ott elhangzott előadások két kötetben jelentek meg: az első kötet 1884-ben, a második 1891-ben¹⁷. A kongresszus datálásával és történetével kapcsolatosan Nazipova munkájából tájékozódhatunk¹⁸. Egyéb források is az a kongresszus 1877-es dátumát igazolják. A szentpétervári egyetem évkönyvéből megtudhatjuk például, hogy K. N. Besztuzsev professzor úr és I. I. Szmirnov docens úr 1876. június 10-én kiküldetést és anyagi támogatást kapott a következő évi [1877] IV. Régészeti Kongresszusra Kazanyba¹⁹.

Munkácsi adatai alapján, melyekben nincs okunk kételkedni, Gavrilov tehát 1885 június közepén már rendkívül súlyos állapotban volt, előrehaladott tuberculosisban szenvedett. Ennél pontosabban Munkácsi alapján nem datálhatjuk halálának időpontját, de Turanov vélekedését megerősíthetjük: Борис Гаврилович Гаврилов 1885. június 16. és augusztus 1. között halt meg: „Умер священник села Умяка Елабужского уезда Борис Гаврилов”²⁰.

Munkácsi naplójának mint forrásnak megbízhatóságát igazolja, hogy Turanov a tatáröldi levéltári adatok között kutatva megtalálta a

¹⁷ Труды IV Археологического съезда в Казани, т. 1. – Казань, 1884.; Труды IV археологического съезда в России, т. 2. – Казань, 1891.

¹⁸ Nazipova é.n.

¹⁹ Egyetemi eseménynaptár, 1875–79. <http://www.spbu.ru/History/275/Chronicle/Chronicle/1875-1879.html> (2007. augusztus 14.).

²⁰ VEV 1885: 341. (augusztus 1.).

dokumentumot, aminek alapján pontosítani tudjuk Gavrilov halálának időpontját: 1885. július 4 [Туранов 2009a]²¹.

Список использованной литературы и источников

Гаврилов 1880 – Произведения народной словесности, обряды и повнрѣя вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время его командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній / Б. Гавриловъ. – Казань: Православное миссионерское общество, 1880. – 189 с.

Кельмаков В. К. К истории удмуртского языкознания: Первый опыт научного издания фольклорно-диалектологических текстов / В. К. Кельмаков // *Linguistica Uralica*. – 2001. – Т. 37. – № 3. – С. 174–191.

Колчерин А. С. Архив Н. И. Ильминского как источник по истории миссионерства [Электронный ресурс] / А. С. Колчерин. – URL: http://kds.eparhia.ru/bibliot/dipl/kolch/gl_3 (дата обращения: 12.08.2007).

Коробейников А. В. Удмуртский фольклор из собрания Бориса Гаврилова / А. В. Коробейников. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. – 36 с.

Назипова Г. Р. Казанский городской музей: Очерки истории 1895–1917 гг. / Г. Р. Назипова. – Казань: Kazan-Казань, 2000. – 271 с.

²¹ A fiatalon, alig 31 évesen elhunyt lelkes fiatal lelkész három utódjáról tudunk, emlékezzünk meg róluk is: Taiszia Boriszovna Gavrilova (1878–), Nyikolaj Boriszovics Gavrilov (1879–?) és Pavel Boriszovics Gavrilov (1883–1938). Pavel Boriszovics pópa lett maga is, 1930-ig Bolsaja Ucsában szolgált, ahol ekkor letartóztatták, és 1930. december 20-án 10 év szabadságvesztésre ítélték. Büntetését Bamlagban, az Amuri Területen kellett letöltenie. Ám annak vége előtt, 1938. szeptember 7-én a javító-munkátaborban meghalt. Sokakkal együtt 1989. május 26-án rehabilitálták. Nyikolaj Boriszovics is lelkészként szolgált, tatárul és udmurtul is beszélt, de sorsát nem ismerjük. Tudunk ugyan egy Nyikolaj Boriszovics Gavrilovról, aki 1879-ben született Nyikiforovóban – ez Borisz Gavrilov tatárföldi szülőfaluja –, és munkátaborban halt meg 1937-ben, de azt is tudjuk, hogy Gavrilov Nyikolaj fia Puzse Ucsában (ma Iljinszkoje) született, Nyikoforovótól több, mint 200 kilométerre. Őt 1989. június 6-án rehabilitálták (<http://pravosludm.narod.ru/lib/shumilov/vavozh/11.html>).

Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии: цивилизационные процессы и христианское искусство: XVI – начало XX века / Е. Ф. Шумилов. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. – 430 с.

Шумилов Е. Ф. Православная Удмуртия / Е. Ф. Шумилов. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1996. – 176 с.

Bálint G. Kazáni-tatár nyelvmutatványok / G. Bálint. – Budapest: MTA Könyvkiadó Hivatala, 1875. – 542 old.

Kozmács I. Magvalósult gyermekálmom (Munkácsi Bernát udmurtföldi útja) / I. Kozmács. – Pozsony: AB-ART, 2008. – 487 l.

Kozmács I. Munkácsi Bernát élete / I. Kozmács. – Pozsony: AB-ART, 2012. – 224 old.

Munkácsi B. Votják nyelvmutatványok / B. Munkácsi // NyK (17). – (Budapest) 1883. – 247–302 old.

Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok / B. Munkácsi. – Budapest, 1887. – 335 l.

Sizov, Dmitrij é.n. – Сизов Дмитрий, диакон: К истории христианской миссии среди кряшен: Иаков Емельянов кряшенский священник и поэт [Электронный ресурс] / Дмитрий Сизов. – URL: http://kds.eparhia.ru/bibliot/dipl/sizov/gl_1 (дата обращения: 25.07.2007).

Turanov A. A. 2009 – Туранов А. А. Борис Гаврилов: пять лет в сане священника. Размышления о „фактах” биографии / А. А. Туранов. – Иданакар: методы историко культурной реконструкции, 2009. – С. 4–21.

Turanov A. A. 2009a – Туранов А. А. О крайних датах биографии Бориса Гаврилова / А. А. Туранов. – Иданакар: методы историко-культурной реконструкции, 2009. – С. 25–29.

Zajceva 2006. – Миссионер и просветитель удмуртов Кузьма Андреев / Дипломное сочинение по Истории христианства в Казанском крае. студента V курса КазДС Зайцева Я. А. – Казань, 2006.

VEV – Вятскія Эпархіяльныя Ведомости. – 1885. – № 15. Августа 1-го. – II. – Известія перемены по службы. – 341 с.

Краснова Татьяна Александровна

Россия, г. Ижевск,

Удмуртский государственный университет,

Репина Татьяна Юрьевна

Россия, г. Ижевск, Ижевский государственный технический

университет имени М. Т. Калашникова

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье делается попытка обнаружить сходные и отличительные черты в структурном и лексико-семантическом плане во фразеологических единствах, характеризующих человека, в неродственных языках, в данном случае – между удмуртским и английским.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единства, семантика, эквивалентные и безэквивалентные ФЕ.

Сохраняя в себе основные свойства конкретного языка, фразеология каждого языка вместе с тем обнаруживает и некоторые общие свойства, присущие фразеологической системе многих или всех языков. Прежде всего, это выражается в отношении лексического материала, используемого в ФЕ, который отличается избирательностью и ограниченностью. При сравнении с общим лексическим инвентарём обнаруживается, что количественный состав слов, входящих в ФЕ, во много раз меньше.

Изучение фразеологии в сравнительно-сопоставительном аспекте позволяет учёным во фразеологическом составе многих языков (как родственных, так и неродственных) обнаруживать идентичные или очень близкие и в структурном отношении, и

в лексико-семантическом плане ФЕ. Исследователь фразеологических оборотов разных языков Т. Б. Пасечник объясняет это такими факторами, как общность жизненного опыта и процессов мышления, однотипность отдельных форм образного видения мира; тесные культурно-исторические связи между отдельными народами и целыми ареалами [Пасечник 2009: 34].

Общее для фразеологии многих языков проявляется и в области семантики изучаемых устойчивых выражений. Исследователи отмечают, что большинство ФЕ содержат значение отрицательной характеристики человека, и встречается меньше ФЕ с положительной оценкой, ибо народ издавна высмеивал пороки и выпячивал их при помощи метких и острых образных выражений. Это прослеживается и на материале удмуртских и английских фразеологизмов, характеризующих человека, в большинстве из которых также выражается негативное отношение народа к лентяям, ворам, сплетникам, трусливым и чересчур жадным людям. Например, в удмуртском языке: *гурвыл кочыш* ‘ленивый’ ‘букв. запечный кот’; *чурым кирень* ‘скупой’ ‘букв. твердый хрен’; *шой сийсь пуны* ‘клеветник’ ‘букв. собака, питающаяся падалью’; *ушгъясъкись кеч* ‘хвостун’ ‘букв. хвастливый заяц’ и др. В английском языке: *drugstore cowboy* ‘бездельник’ ‘букв. ковбой аптеки’; *greedy as a wolf* ‘ненасытный’ ‘букв. жадный как волк’; *cat in the pan* ‘изменник’ ‘букв. кошка в кастрюле’; *dirty dog* ‘подлец’ ‘букв. грязная собака’ и др.

Положительная характеристика человека содержится в небольшом количестве удмуртских и английских фразеологизмов, например, в удмуртском языке: *амал куды* ‘мастер’ ‘букв. лукошко с хитростями’; *визь пуйы* ‘умный’ ‘букв. мешок ума’ и некоторые др.; в английском языке: *a heart of oak* ‘мужественный’ ‘букв. сердце дуба’; *gentle as a lamb* ‘кроткий’ ‘букв. кроткий как ягненок’ и некоторые др.

Фразеология, так же как и грамматические конструкции удмуртского [Репина 2017: 276] и английского языков, отличается специфичностью, оригинальностью бытования в речи, идущей от особенностей структур их единиц и значений. В то же время наличие соответствия одного фразеологизма другому в удмуртском и английском языках служит доказательством их употребительности, своего рода «коммуникабельности» фразеологических средств языков, в свою очередь, подтверждающих или отрицающих их сходство и различие. Как отмечает Я. И. Рецкер «наличие соответствия одного фразеологизма другому в разных языках не говорит об их эквивалентности друг другу. Попытки дать эквивалентный, пригодный для всех случаев перевод ФЕ в словаре не оправдывают себя» [Рецкер 1974: 99]. Так, одному удмуртскому фразеологизму можно дать лишь одно английское соответствие, другому – два или три, третьему – одно, и то приблизительно, например: *кустэм куон* – *a bull in a china shop* или *one's fingers are all thumbs*, или *a numb hand* в значении 'неуклюжий'; *зарни ки* – *head cook and bottle-washer* в значении 'мастер'; *вушыр но вожэзэ уз номты* – *shy fish* или *like a cat in a strange garret* в значении 'тихий, робкий' и т. п.

В статье мы рассматриваем эквивалентные и безэквивалентные ФЕ, характеризующие человека, на материале удмуртского и английского языков.

Обнаруживая общие свойства, присущие фразеологическому составу многих языков в отношении использования лексического материала, создаваемых образов, семантических групп, вместе с тем фразеология каждого языка имеет свои особенности, обусловленные экстралингвистическими факторами. Прежде всего, это выражается в том, что в каждом языке существуют выражения, характерные только для данного языка и не имеющие эквивалентов и аналогов в других языках.

В данной статье мы остановимся на рассмотрении некоторых ФЕ удмуртского и английского языков, характеризующих человека, которые встречаются только в одном из этих языков и не имеют ни эквивалентов, ни аналогов в другом языке. В удмуртском языке к таким ФЕ относятся следующие:

дась кӧт ‘дармоя’ ‘букв. готовый живот’;
гоно бам ‘бессовестный’ ‘букв. волосатое лицо’;
гербер сяська ‘девушка недотрога’ ‘букв. гвоздика’;
ву чечег кадь ‘вертушка’ ‘букв. как трясогузка’;
вуйсь кӧсын потоз ‘бойкий’ ‘букв. из воды сухим вылезет’;
вандэм туриж ‘отщепенец’ ‘букв. отрезанный ломоть’;
ымаз ву кынме ‘медлительный’ ‘букв. во рту вода замерзает’;
пыдо миндэр ‘толстушка’ ‘букв. подушка с ногами’;
быжтэм коӵо ‘вертихвостка’ ‘букв. сорока бесхвостая’;
кисьмам уднянь ‘вялый’ ‘букв. сырая лепёшка’;
кыткылымтэ вал кадь ‘своенравный’ ‘букв. как незапрягавшийся конь’;

скал быж ‘ябедник’ ‘букв. коровий хвост’;
сиресь гозы ‘навязчивый’ ‘букв. намоленная верёвка’;
пу гырлы ‘пустозвон’ ‘букв. деревянный колокол’;
гӧртэм син ‘невнимательный’ ‘букв. заиндеветшие глаза’.

В английском языке это такие ФЕ:

larne duck ‘банкрот’ ‘букв. хромота’;
ball of fortune ‘человек, испытывавший много превратностей судьбы’ ‘букв. мяч судьбы’;
cock of the loft ‘местный заправила’ ‘букв. петух чердака’;
friend at court ‘влиятельный друг’ ‘букв. друг при дворе’;
the silk-stocking gentry ‘богачи’ ‘букв. мелкопоместное дворянство в шелковых носках’;
great lion ‘знаменитость’ ‘букв. большой лев’;

the daughter of the horse-leech ‘ненасытная вымогательница’
‘букв. дочь лошадиной пиявки’;

well fix ‘состоятельный человек’ ‘букв. хорошо приведённый
в порядок’;

young blood ‘светский молодой человек’ ‘букв. молодая
кровь’;

brown as a berry ‘очень загорелый’ ‘букв. коричневый как
ягода’;

polar beaver ‘седобородый’ ‘букв. полярный бобр’;

bald as a coot ‘совершенно лысый’ ‘букв. плешивый как
лысуха’;

arab of the gutter ‘беспризорный ребёнок’ ‘букв. араб сточ-
ной канавы’;

big card ‘всеобщий любимец’ ‘букв. большая карта’;

old cat ‘сварливая старуха’ ‘букв. старая кошка’;

a cat with nine lives ‘живучий человек’ ‘букв. кошка с де-
вятью жизнями’;

sugar daddy ‘престарелый любовник’ ‘букв. сахарный папа’;

country cousin ‘провинциал, деревенский житель’ ‘букв. де-
ревенский кузен’;

cool as a cucumber ‘спокойный, не теряющий хладнокровия’
‘букв. невозмутимый как огурец’;

black as sin ‘хмурый’ ‘букв. чёрный как грех’;

a queer customer ‘чудак’ ‘букв. странный покупатель’.

Таким образом, можно сделать вывод, что среди удмуртских и английских фразеологизмов, характеризующих человека, можно обнаружить не только эквивалентные и аналогичные ФЕ, но и ФЕ, которые употребляются только в одном из этих языков, являясь специфичными только для одного конкретного языка.

Как отмечалось выше, примеры безэквивалентной лексики обусловлены экстралингвистическими факторами. В первую оче-

редь надо отметить, что удмуртский и английский языки являются неродственными: удмуртский язык относится к уральской семье языков, а английский язык к германской семье языков. На каждый из этих языков, безусловно, повлияли также такие факторы, как равное историческое развитие и политическое устройство государства, географическое положение и климатические условия, национальный характер и ряд других. Все эти факторы отразились на лексике удмуртского и английского языков и, соответственно, на фразеологии этих языков.

Список использованной литературы и источников

Пасечник Т. Б. Роль образной составляющей в формировании обобщённо-переносной семантики русских и английских фразеологизмов с числовым компонентом / Т. Б. Пасечник // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – М.: Изд-во РУДН, 2009, № 1. – С. 32–35.

Репина Т. Ю. Морфосемантический анализ удмуртских императивных конструкций / Т. Ю. Репина // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. Сборник статей. – Ижевск, 2017. – С. 268–277.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.

Лобанова Алевтина Степановна
Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет

**О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ
В ЯЗЫКЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
РУКОПИСНОГО СЛОВАРЯ А. ПОПОВА
И СОВРЕМЕННОГО КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА)***

Аннотация. В статье рассмотрены типы семантических сдвигов, наблюдаемых в отдельных словах при сравнении современного коми-пермяцкого языка и материалов рукописного словаря Антония Попова, датируемого 1785 годом. Одно значение возникает на базе другого по моделям семантической деривации и чаще всего связано с семантической аналогией: к ним относятся метафоризация слова с расширением и сужением первоначального значения слова и эллипсис. Изменения смыслового значения слова часто связаны с заимствованиями.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, семантика слова, метафоризация, рукописный словарь.

Словарный состав любого «живого» языка подвержен постоянным изменениям; часть выражений пополняется новыми лексическими контекстами или, наоборот, слово теряет привычные семантические нагрузки, т. е. изменения значения слова во времени закономерны, ожидаемы и зачастую связаны не только с

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00774а "«Рукописное наследие протоиерея Антония Попова (1748–1788): исследование и публикация первых коми-пермяцких грамматик и словарей».

лингвистическими аспектами, но и культурными составляющими народа.

Определить причины семантических изменений представляется возможным при детальном анализе последовательно сменяющих друг друга значений одной и той же лексемы. Одно значение возникает на базе другого по определенным моделям семантической деривации и чаще всего связано либо с семантической аналогией, либо с экстралингвистическими факторами: историческими, социальными и иными факторами, способствующими появлению дополнительного значения слова.

Изучая типы семантических сдвигов, исследователи чаще всего выделяют метафоризацию, сужение значения слова, расширение значения слова, перемещение (горизонтальный сдвиг значения слова), внутрисловную антонимию и др. [Варбот, Журавлёв 1998].

О семантических изменениях (сдвигах) в языке коми-пермяков к сегодняшнему дню практически нет значимых научных исследований. В этом аспекте мы обращали внимание на появление коннотативных составляющих отдельных лексем – в частности, слов флоры и фауны, этнонимов – и выявлению в них культурологических аспектов [Лобанова 2014, 2016, 2018, 2019] и др.

Без сомнения, важнейшими источниками подтверждения смысловых изменений в коми-пермяцком языке являются сохранившиеся письменные памятники, живые диалекты, художественные тексты, древнейшие заимствования и словарные составы родственных языков. Каждый из названных источников в совокупности способен помочь в выявлении изменений в значении слова.

Семантическая неоднозначность слова или семантические изменения слова, наблюдаемые (возникающие) в процессе зна-

комства с очередным письменным источником по языку коми-пермяков, стали причиной появления данного выступления.

Объектом нашего внимания, на основе которого попытаемся порассуждать о семантических сдвигах в коми-пермяцком языке, является рукописный алфавитный словарь Антония Попова, датируемый 1785 годом. Практически все сохранившиеся (коми-) пермяцкие письменные источники вплоть до начала XX века были составлены не носителями анализируемого языка, в связи с чем в них возможны различные погрешности в фиксации того или иного значения слова или его оттенка, поэтому в качестве доказательной базы будем опираться и на иные названные выше источники.

Обозначенный лексикографический источник хранится в РНБ (г. Санкт-Петербург), в нем 2522 словарные статьи.

Учитывая время написания Словаря, следует признать, что он относительно объемный; материал позволяет выделить антонимичные пары, составляются синонимические ряды, зафиксированы омонимы, в работе представлена полисемия; в ней встречаются отдельные устойчивые выражения, а также стилистически окрашенные слова. Большая часть представленных слов являются актуальными и сегодня, в значительной мере сохранена их смысловая нагрузка; конечно, ряд лексем сегодня фигурирует только в диалектах, причем выявляются они в разных ареалах: в языке коми-язьвинцев, нижеиньвенском, мысовсом диалектах. Тем не менее, в работе представлены словарные статьи, значение пермяцкого слова в которых сегодня трактуется уже иначе.

Чаще всего слова-омонимы и многозначные слова автор не обозначает отдельными словарными статьями, и только переводная часть способствует определению, к какой лексико-семантической группе можно ее отнести. Так слово **сѣмь** (совр. орф. *сьѣм*) переводит: «деньги, также чешуя» [Попов л. 43об.]; **видзь** – «лугъ,

покошь, такъ же постъ» [Попов л. 11]; **шáть** – «пруть, также рубль» [Попов л. 50] и другие. Названные омонимы сохранили свои смысловые показатели, только, к сожалению, под влиянием русского языка некоторые из них утратили свою активную функциональность, поскольку заменены иноязычными аналогами.

Более пристальное внимание нами было обращено на многозначные слова. Их выявлению в очередной раз помогает переводная часть словарной статьи. Довольно очевидно выделяется несколько ситуаций: автор предлагает только прямое значение слова, упуская имеющиеся явные переосмысления; либо фиксирует только переносное значение, не демонстрируя основное; и значительно реже приводит перечень известных (зафиксированных) им значений; причем основное значение слова может стоять как на первом месте в переводном ряду, так и на последнем. Данный подход к демонстрации многозначных слов говорит в пользу того, что Антоний Попов не был активным носителем пермяцкого языка, фиксировал то, что удалось обозначить. Надо признать, что среди таких примеров не много смысловых изъясных. Например, многозначное слово *сьõкыт*, в прямом значении содержащее семантику «тяжелый» (о чем-либо), при переосмыслении передаёт значение «трудный» (о времени, дороге, жизни и др.), им также называют состояние беременной женщины. В анализируемой работе словарная статья со словом **сѣкыть** (совр. орф. *сьõкыт*) представлена следующими вариантами переводов «бремя, ноша, тягость, тяжелый» [Попов л. 43об.]. Автор попытался передать широкую смысловую загроуженность лексемы, но основную семантику слова поставил на последнее место; причем три первых варианта перевода он оформил именами существительными, и только правильный, исходный вариант смысла слова – прилагательным.

Наше внимание привлекли так называемые производные (сложные) слова, которые, к нашему удивлению, в смысловом аспекте довольно неоднозначны.

В анализируемом источнике зафиксировано производное слово **та́стибекэръ** «блюдо» [Попов л. 44 об.]. Ей явно характерна редупликация, сравните современное коми *тасьті*, удм. *тусьты* ‘чашка, миска’, считающийся иранским заимствованием [КЭСКЯ 1970: 278], и коми-пермяцкое *бекёр* ‘миска, тарелка, чашка’, являющийся древнерусским словом. Получается, что словом *тасьті* коми-пермяки так впоследствии и не воспользовались, а лексема *бекёр* не была интересна для других пермских языков, она только эпизодически встречается в отдельных коми диалектах в более исходной фонетической форме *бекар* [КРС 1961: 36]. Во-первых, непонятен приведенный перевод: как из двух ‘мисок’ получилось ‘блюдо’? Обращаем внимание, что в Словаре приведено и слово **блидь** «блюдо» [Попов л. 4]. Во-вторых, в лексикографическом источнике есть отдельная словарная статья с непроизводным **бэкеръ** с переводом «ставецъ» [Попов л. 5об.] (уст. рус. «деревянная или глиняная чаша»). Доказать наличие в прошлом в языке пермяков действительно сложного слова **та́сти-бекэръ** в значении ‘блюдо’ сложно, оно больше нигде не зафиксировано; но то, что в последствии *бекар* фонетически видоизменилось и стало ‘чашкой, миской, тарелкой’ действительно произошло. Думается, что метафоризация слова осуществилась путем дифференциации синонимов, вторичные значения возникли в силу ассоциаций, и произошло определенное расширение значения слова.

Вообще заимствованные элементы играют значительную роль в возникающих семантических сдвигах: сначала они выстраиваются в синонимическом ряду, а затем, становясь частью

сложного слова, перетягивают на себя дополнительную смысловую нагрузку.

В связи с чем остановимся на предложенной А. Поповым лексеме **о́зь** «земляница /ягода/» [Попов л. 32], которая к сегодняшнему дню изменила свои структурные особенности: *озъягöд*, где добавочный русский элемент *ягöд* взял на себя ведущую смысловую функцию. Колебания в оформлении названия данной ягоды демонстрируются в словаре Н. А. Рогова, 1869 года издания. Там она представлена уже в двух вариантах: **оз** «земляника», **оз јагöд** «земляника ягода» [Рогов 1869: 117]. Современный коми-пермяцкий язык непроединительную форму *оз* в значении «ягода земляника» уже не знает. Однозначно, что в наименовании земляники – *озъягöд* – проявляется редупликация, возникающая под воздействием русского языка. Одним словом, за русским видовым наименованием *ягода* закрепилось значение ‘земляника’, но и первоначальное обозначение не получило полной утраты, хотя семантические разрушения лексической единицы однозначны. Два источника – XVIII и XIX веков составления – и современный язык демонстрируют эволюцию и структурное изменение слова и утрату основным, исконным, компонентом своего значения. Перед нами пример семантической конденсации или эллипсиса, когда оставшееся слово вбирает смысл всего сочетания.

Еще одно сложное слово, натолкнувшее нас на определенные размышления – это лексема **Ыбесь** [Попов л. 51 об.]. А. Поповым она переведена «ворота, двери» (никто из современных коми-пермяков *ыбöс* не переведет как ‘ворота’, только – ‘дверь’). Т. е. автор предлагает нам его и первоначальное значение ‘ворота’ (по мнению авторов КЭСЯ, первоначально *ыбöс* обозначало ‘дверь, выходящая в поле; проход, ворота в изгороди’ [КЭСЯ 1970: 328]), и его семантически расширенное значение – ‘дверь’. Заметим, что слово так или иначе присутствует во всех пермских

языках, а его второй компонент *õc* ‘проход, ворота’ может быть реализован и в иных контекстах. В Словаре Н. Рогова, вышедшего уже в следующем столетии, лексема *ыбõc* зафиксирована уже с переводом «дверь» [Рогов 1869: 197] и отдельная словарная статья составлена со словом ворота: *вõрõта* «ворота» [Рогов 1869: 36], что в принципе соответствует и современному состоянию смысловых нагрузок слов *ыбõc* и *ворота*.

Получается, что история семантического развития слова *ыбõc* довольно интересна. Первоначально оно имело значение ‘ворота (в поле)’, затем у него по логической ассоциации расширилась семантическая составляющая и им стали называть любые двери. Вместе с тем первое значение слова стало уходить из его семантической структуры и заменилось иноязычным вариантом *ворота*. Работа А. Попова является тем документом, который позволяет судить о былом употреблении слова *ыбõc* как в узком, первоначальном, значении, так и в более широком смысле, а Словарь Н. Рогова и современное состояние языка демонстрируют уже иную семантическую картину.

Современному читателю могут быть непонятны лексемы, связанные с исторической фонетикой, и вызывать у них сомнения в правдивости автора. Так понятие ‘год’ в Словаре передано двумя словами: исконным *ũ* [Попов л. 46] и заимствованным *гѣдь* [Попов л. 11]. В первом варианте выявляется связь с былым *õ* (о закрытым), который в разных диалектах коми языков впоследствии стал реализовываться разными способами, ср. к-п. *таво* (где *та* ‘этот’, *во* ‘год’) ‘в этом году’. Конечно, второй вариант вытеснил исконный и практически до начала 2000-ых был единственным маркером этого значения. Однако, социальные настроения носителей коми-пермяцкого языка конца 90-ых – начала 2000-ых возродили слово *во* ‘год’, и сегодня во многих изданиях встречается именно оно.

Таким образом, имея надежный письменный источник по языку коми-пермяков в виде Словаря А. Попова, можно попытаться сформулировать некоторые тенденции в развитии семантических отношений в диахронии.

Результатом семантических изменений являются как расширение, так и сужение исходного значения слова. В приведенных примерах наблюдалось расширение семантического изменения. Примером на сужение смысловой нагрузки могла послужить лексема *мáсысь* «свеча» [Попов л. 26 об.] (совр. орф. *масісь*). Сегодня коми-пермяки этим словом называют только церковную атрибутику, а светские свечи обозначаются русским словом свеча; т. е. между словами *масісь* и *свеча* существует четкая дифференциация.

Продуктивным способом изменения смыслового контекста является влияние других слов-синонимов, среди которых очень часто оказываются заимствования.

Лингвистической причиной изменения значения слова в коми-пермяцком языке является и эллипсис.

В данной работе не выделены модели, виды связей, наблюдаемых при изменении значения слова. Считаем, что это тема еще одного исследования.

Список использованной литературы и источников

Варбот Ж. Ж., Журавлёв А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлёв. – М., 1998. – 54 с.

КРС – Коми-русский словарь / под ред. В. И. Лыткина. – М., 1961. – 923 с.

КЭСЛЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / авт.-сост.: В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

Лобанова А. С. О культурных коннотациях отдельных этнонимов в языке коми-пермяков / А. С. Лобанова // Традиционная культура. – № 3. – 2014. – М. – С. 85–91.

Лобанова А. С. Орнитоним РАКА «ВОРОНА (ВОРОН)» в коми-пермяцком языке. Лингвокультурологический аспект / А. С. Лобанова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 4(36). – Пермь, 2016. – С. 22–30.

Лобанова А. С. Этноконнотированная лексика коми-пермяцкого языка (на материале наименований флоры) / А. С. Лобанова // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Международный симпозиум. Сборник статей. – Чебоксары, 2018. – С. 124–127.

Лобанова А. С. О внешней и этнической идентификации средствами языка (на материале наименований локальных этнографических групп коми-пермяков, а также русских, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа) / А. С. Лобанова // Ежегодник финно-угорских исследований. – Том 13. Вып. 13. – 2019. – С. 403–411.

Попов А. Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереємъ Антоніємъ Поповымъ 1785 года / А. Попов. – РНБ. Эрмитажное собр., № 206.

Рогов Н. А. Пермяцко-русскій и русско-пермяцкій словарь, составленный Николаємъ Роговымъ / Н. А. Рогов. – Санкт-Петербургъ, 1869. – 421 с.

*Николаева Валентина Николаевна,
Стрелкова Ольга Борисовна
Россия, г. Ижевск,
Удмуртский государственный университет*

**Ф. И. ВИДЕМАН: ВКЛАД УЧЕНОГО В РАЗВИТИЕ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ (К ЮБИЛЕЮ
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ)**

Аннотация. Статья посвящена 215-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа Ф. И. Видемана, который внес большой вклад в развитие удмуртского и пермского языкознания.

Ключевые слова: удмуртский язык, Ф. И. Видеман, удмуртское языкознание, пермское языкознание.

В 2020 году – 215 лет со дня рождения выдающегося исследователя Ф. И. Видемана, который оставил значимый след в развитии удмуртского языкознания. Сегодня удмуртское и пермское языкознание достигло определенных высот, ведутся исследования в различных направлениях, но трудно представить, что было бы, если бы эстонский лингвист Фердинанд Иванович Видеман в середине XIX века не заинтересовался пермскими языками – удмуртским и коми.

Как отмечает В. К. Кельмаков, Ф. И. Видеман своим научным творчеством составил целую эпоху в удмуртском языкознании, так как все его труды в области удмуртоведения по праву носят эпитет «первый»: **первая** научная грамматика «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» (1851), **первое** научное исследование в области удмуртской диалектологии «Zur Dialektenkunde

der wotjakischen Sprache» (1858), **первый** относительно большой печатный словарь удмуртского языка «Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register» (1880), **первая** сопоставительная грамматика удмуртского и коми языков «Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen» (1884) [Кельмаков 2011: 20]. Так, Ф. Видеман своими трудами не только закладывает крепкую научную основу для удмуртского языкознания, но и делает его известным для широкого круга европейских исследователей.

Фердинанд Иванович Видеман (1805–1887) – эстонский лингвист, специалист по финно-угорским языкам. Академик Петербургской Академии наук. Автор первого ливского словаря. Был специалистом по эстонскому языку. Издал эстонско-немецкий словарь и Описательную грамматику эстонского языка.

Ф. И. Видеман, по происхождению немец, родился 11 апреля 1805 г. в Хаапсалу, Эстония. Говоря о детстве исследователя, И. В. Тараканов отмечает, что «с малых лет он хорошо знал эстонский и немецкий языки. С детства начал изучать французский и русский языки, а в Дерптском университете – арабский, английский языки; особенно увлекался он здесь древними классическими языками, что заставило его даже отказаться от изучения юриспруденции» [Тараканов 1998: 343]. После окончания университета преподавал в школе, одновременно занимаясь адвокатской практикой. В 1830–1837 годы Ф. Видеман является преподавателем гимназии г. Митава (ныне г. Елгава, Латвия), а с 1837 г. в течение 20 лет преподавал греческий язык в Таллине. В свободное время Ф. Видеман изучал финно-угорские языки. «Он использовал все, что можно было добыть – будь то книги, рукописи или осведомители. Несмотря на скудность собранных в то время фактических материалов и ограниченность письменных памятников по тем или

иным языкам, Ф. Видеману все же удалось создать ряд основополагающих монографий по ранее почти совершенно не изученным в лингвистическом отношении финно-угорским языкам. Благодаря этому его наследие по финно-угорскому языкознанию очень велико» [Тараканов 1998: 341].

В 1847 году Ф. Видеман издает две большие работы – грамматики зырянского и черемисского языков («Versuch einer Grammatik der Syrjänischen Sprache», Reval; «Grammatik der tscheremissischen Sprache», Reval). Вслед за появлением названных работ Видеман приступает к написанию грамматики удмуртского языка, которую он закончил в 1849 году. Как отмечает И. В. Тараканов, ко времени составления указанной грамматики Ф. Видеман уже имел определенный опыт в области составления национальных грамматик, поэтому грамматика удмуртского языка получилась более полной и в качественном отношении намного лучше, чем предшествующие его грамматики [Тараканов 1998: 343]. Ценным является и то, что в этой работе представлена и лексика удмуртского языка в виде «Маленького удмуртско-немецкого и немецко-удмуртского словаря».

Исследователи отмечают высокую осведомленность Ф. Видемана в вопросах языкознания, что дает ему возможность создать столь обстоятельную монографию, где были точно представлены грамматические явления удмуртского языка. История первой научной грамматики удмуртского языка весьма интересна. «Данную работу Ф. Видеман представил на конкурс, объявленный в то время Российской Академией наук для получения Демидовской премии. Со стороны рецензента академика А. Шёгрена эта грамматика получила высокую оценку, и девятнадцатая Демидовская премия Академии наук была присуждена Ф. Видеману. Российская Академия наук дала распоряжение, чтобы названную работу напечатали в Ревеле (Таллине). Поэтому рукопись Виде-

мана была направлена из Санкт-Петербурга обратно в Таллин. Из Таллина же рукопись прислали в Тарту для получения официального разрешения от цензора опубликовать ее в Таллине. Но дорогой из Тарту в Таллин рукопись грамматики была потеряна. По этой причине Видеман вынужден был заново составить свою грамматику по оставшемуся черновику. Этот труд вышел из печати в 1851 году» [Тараканов 1998: 344].

Второй вариант грамматики получился качественнее и обширнее первого варианта. Структура работы следующая.

Предисловие, где автор указывает на источники, из которых ученый черпал материал для своих исследований. Это 4 переведенных евангелия (в рукописи), копии которых в его руки попали через академика А. Шёгрена, работавшего в то время в Российской Академии наук (в Санкт-Петербурге). Это были евангелия, составленные на елабужском, глазовском и сарапульском диалектах удмуртского языка. Также источником исследований послужили и личные записи Ф. Видемана, произведенные им в Таллине от солдат-удмуртов. Кроме этого здесь представлены сведения из истории удмуртского народа и обзор первой грамматики удмуртского языка 1775 года.

Раздел «Фонетика», где рассмотрены ключевые фонетические особенности удмуртского языка, вопрос об ударении.

Раздел «Морфология». Отмечается сходство морфологической структуры удмуртского языка с другими финно-угорскими языками. В этой части работы дана характеристика грамматического строя удмуртского языка. Рассмотрены, как и предыдущих грамматиках, имя существительное, имя прилагательное, частицы, местоимение, числительное, глагол, послелог, наречие, союз, междометие.

Третья часть грамматики Ф. И. Видемана посвящена синтаксису. В данном разделе рассмотрены такие вопросы синтаксиса,

как порядок слов в удмуртском предложении, место подлежащего и сказуемого в предложении и отдельные идиоматические выражения.

В заключительной части работы представлен «Маленький удмуртско-немецкий и немецко-удмуртский словарь».

Сегодня сложно представить пермское языкознание без работ Ф. Видемана, который имел возможность работать с материалами многочисленных экспедиций к северным и сибирским народам, среди которых был огромный материал по всем финно-угорским языкам. Так, в 1880 г. в Санкт-Петербурге Ф. Видеман издает «*Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhänge und einem deutschen Register*» (Коми-немецкий словарь с приложением удмуртско-немецкого словаря и немецкого указателя слов). Словарь содержит около 20 тысяч слов. Источниками словаря послужили печатные и рукописные словари 19 в.

В 1886 г. исследователем было опубликовано приложение к словарю на 45 страницах, лексический материал, почерпнутый из ряда новых исследований по пермистике. Коми-немецкий раздел был пополнен 582 словами, удмуртско-немецкий – 1050. Также были исправлены ошибки и опечатки издания 1880 г. [Туркин 1998: 53].

В 1884 г. Выходит следующая значимая работа по коми языку Ф. Видемана – «*Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen*» («Грамматика коми языка с учетом его диалектов и удмуртского языка»). В отличие от первой грамматики коми языка эта работа написана на диалектном материале и на материале близкородственного удмуртского языка. Структурно напоминает грамматику 1847 г., но в ней представлена более полная информация сравнительно-сопоставительного характера: сравниваются звуки коми и удмуртского языков, в разделе морфологии и синтаксиса выделены общие и

отличительные черты этих языков. Однако при всей ценности данной работы исследователи отмечают два его недостатка: 1) содержащийся в грамматике материал не является вполне надежным, поскольку Ф. Видеман никогда не был среди коми и удмуртов и язык изучал по письменным источникам; 2) материал анализируется поверхностно, сопоставляемые факты коми и удмуртского языков не подвергаются глубокому научному анализу [Туркин 1998: 53]. Тем не менее, данную работу вполне справедливо называют первой сравнительной грамматикой коми и удмуртского языков.

Спустя 3 года после выхода этой работы, 17 декабря 1887 года, Ф. И. Видеман умер, оставив потомкам богатейшее наследие в виде научных изысканий.

Ф. И. Видеман, не удмурт по национальности, сделал для удмуртского народа ценный подарок, представив их родной язык мировому научному сообществу.

Список использованной литературы и источников

Кельмаков В. К. Вехи истории удмуртского языковедения / В. К. Кельмаков. Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2011. – 518 с.

Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке / И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 482 с.

Туркин А. И. Видеман Фердинанд Иванович / А. И. Туркин // Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г. В. Федюнева. – М.: Издательство ДиК, 1998. – С. 53–56.

*Нико Партанен (Niko Partanen),
Рику Эрккиля (Riku Erkkilä)
Финляндия, г. Хельсинки,
Хельсинкский университет*

DIALECTAL VARIATION IN THE PATH-CODING CASES IN KOMI

Аннотация. В нашей статье мы исследуем, каким образом варьируется выражение перехода в диалектах коми и удмуртского языков, в том числе мы изучаем, каким образом формы *-õt* и *-ти* распространены в трех коми диалектах: ижемском, удорском и северном диалекте коми-пермяцкого языка. Наша работа основана на языковой типологии, корпусной лингвистике и коми диалектологии. Результаты по удорскому и диалектам коми-пермяцкого языка достаточно близко соответствуют нашим ожиданиям, в то время как в ижемском диалекте обе формы встречаются очень редко. Мы классифицируем коми диалекты по разным категориям соответственно тому, каким образом в них используются пролатив и транзитив с существительными. Мы также выражаем предположение, каким образом могло возникнуть такое диалектное распространение. Мы также обсуждаем параллельные явления в других пермских диалектах.

Ключевые слова: диалекты коми языка, языковая типология, пролатив, транзитив, имя существительное.

1. Introduction

The Zyrian Komi (Komi-Zyrian, ISO 639-3: kpv) literary language has two path-coding cases variably called prolativ (suffix *-öd*) and transitive (suffix *-mi*) [Bartens 2000: 107], prolativ I and prolativ II, transitive I and II, or *вуджан вежлög* I and II [ÖKK 2000: 89; Попова and Сажина 2014: 122]. In the Zyrian Komi written standard, this means that two forms of a noun such as *ёöп* ‘forest’, *ёöп-öd*

(prolative) and *söp-mi* (transitive), can be used interchangeably with the meaning ‘through the forest’. In addition to the different naming traditions, there are different views on the meaning of these cases. ÖKK [2000: 17, 60] states that the cases are synonymous, whereas Bartens [2000: 107] suggests that there is a slight distinction in the types of paths denoted by the two cases, so that prolative marks more oblong paths. We have argued elsewhere (Partanen & Erkkilä submitted) that there actually is a distinction between the meanings of these cases in literary Zyrian Komi, and similar distinctions in the contexts where these cases are used have also been shown recently by Некрасова [2019]. The situation in Zyrian Komi is curious, because cases coding path are typologically rare [Creissels 2009: 618]. It is argued that this is because path is a less basic spatial relation than location, source, or goal [Luraghi 2014: 102–104]. In this light, the fact that Zyrian Komi uses two different cases to express path merits investigation.

Even the literary standard shows are syntactic and semantic tendencies favouring one or the other case in different situations. For example, nouns take the prolative far more often than the transitive when expressing path, whereas adverbs and postpositions favour the transitive. In noun inflection, oblong objects (e.g. *ymuča* ‘road’, *ю* ‘river’) occur more often in the prolative, whereas open spaces (e.g. *сынӧд* ‘air’) are more likely to take the transitive (see also [Некрасова 2019: 57]). We suggest that the distribution by part of speech represents the original Permic distribution of these allomorphs, found in distinct varieties across the language group. Various developments at the dialect level have resulted in different generalizations in this system, from which it follows that in the Zyrian literary standard, these cases are analysed as semantically distinct in the noun paradigm. It must be mentioned that besides these cases, also different postpositions can be used to encode path, but thus far we haven’t analysed them separately.

In the dialects of Komi, however, we find variation that is different from (and more extensive than) that encountered in the literary standards. In this paper, we attempt to describe the variation in path-coding in the dialects of Zyrian Komi and compare it to the related languages Permian Komi (Komi-Permyak, ISO 639-3: koi), Yazva Komi and Udmurt (ISO 639-3: udm). For the Izhma, Udora and four Northern Permian dialects, we have analysed text collections and recorded materials in order to identify the occurrences of prolatives and transitives. This way, we aim to show the dialectal distribution of the cases at least in these varieties, and based on a wider description, suggest a putative historical origin for the present situation in the literary standard and the dialects.¹

2. Prolative and transitive in the Permic languages and dialects

2.1. Prolative and transitive in Komi dialects

Based on the literature, we can divide the Komi dialects into three types when it comes to their use of transitive with nouns. These are 1) prolativ in nouns and transitive in adpositions and adverbs, 2) prolatives and transitives both used with nouns and 3) transitive used as the only path-coding case.

In Permian Komi, we encounter types 1 and 3. In the Permian written language, only the prolativ form appears in the noun paradigm, which stands in contrast to the Zyrian written standard [Лыткин 1962: 192–193; Цыпанов 1999: 45]. The variant *-öm'* is attested in individual southern Permian dialects, while at Upper Kama, the variant *-mu* is typical [Баталова 1982: 117; Batalova 1975: 142–143, 155]. Finally, in the Permian dialects, adpositions and adverbs that use transitive *-mu* are considered historical relics with a narrow distribution [Баталова 1975: 156; Баталова 1982: 117].

¹ In this study, we use the Cyrillic transcription system commonly used in Permic studies while discussing dialect examples.

Yazva Komi is described as functioning similarly to Permian Komi, so that only the prolicative is part of the case paradigm, although with a different vowel than in other Komi varieties [Лыткин 1961: 44; Баталова 1982: 117]. A recent text collection in Yazva Komi published by Паршакова [2008] contains examples of proliatives with both nouns and adpositions, with *бөрму* as the only adposition where transitive is used. Due to the small size of this collection, we have not included it in the later comparison. We can establish, however, that Yazva Komi belongs to type 1 in our classification.

The second type can be found in the Zyrian Komi written standard. There, prolicative and transitive are both used in very similar contexts in the noun paradigm, with the prolicative occurring in the forms *-öð* or *-eð*, and transitive occurring as *-mu*. According to Баталова [1982: 117], proliatives and transitives are used in this manner in the Komi dialects of Upper Sysola, Middle Sysola, Syktyvkar, Upper Vychegda, Pechora and Vym. In Upper Sysola, however, the prolicative is described as rare [Попова, Сажина 2014: 123]. The map in Баталова [1982: 118] shows the geographical spread of this feature. In the dialects that expanded along the Vychegda river at a late stage, the situation follows that observed along the Sysola river: the Syktyvkar dialect [Жилина, Бараксанов 1971: 59–61], Upper Vychegda dialect [Сорвачева 1966: 93] and Pechora dialect [Сахарова 1976: 24] are described as using both cases.

The third type can be seen in the Komi dialects where the transitive is described as the predominant path-coding case. Сажина [2012: 192] states that this is the case for the Permian Komi dialect of Upper Kama, and the Zyrian Komi dialect of Upper Sysola is also reported to use the transitive in the noun paradigm [Жилина 1975: 62]. This appears to be a very important and specific shared isogloss between these two dialects. The current literature also indicates small differences between these varieties in this respect. One of the typical uses of the prolicative is to express a point of interaction. Сажина [2012: 192] provides an example from Upper Kama in which the transitive is used

to mark a point of interaction, which shows that in this dialect the transitive covers the whole domain of the prolativ as it occurs in other Komi varieties. The monograph on the Upper Sysola dialect contains examples of the prolativ used in this function [Жилина 1975: 71], so there appears to be at least some difference in how the two dialects use these cases. Another possibility is that there is variation in the use of the cases within the Upper Sysola dialect itself, as the map provided by Баталова [1982: 118] would suggest. Попова and Сажина [2014: 123] also provide a comparable point of interaction example from Upper Sysola.

This leaves Luza-Letka [Жилина 1985: 40], apparently Udora [Сорвачева, Безносилова 1990: 37], and possibly Lower Vychegda and Izhma (according to [ССКЗД: 466], not according to [Попова and Сажина 2014: 247]) as Zyrian dialects where the prolativ has been described as the predominant path-coding case used with nouns. What this means is that the geographically non-adjacent dialects do not show the variation characteristic of type 2 in our classification. The inclusion of Vym in this category is not necessarily obvious. The transitive in Vym and Izhma has also been described as occurring mainly with adpositions [Некрасова 2019: 53; Сахарова, Сельков 1976: 44; Жилина 1998: 56; Попова, Сажина 2014: 123]. The distribution of these cases in Vym and Izhma should therefore be investigated further, but we do not currently have access to a sufficient body of data from Vym. Izhma also deserves further attention, as Попова and Сажина's [2014: 247] summary table of all Zyrian dialects presents only the variant *-mu* for Izhma, which differs from previous presentations.

2.2. *Prolatives in Udmurt*

In the Udmurt literary language, the prolativ case has the variants *-эту*, *-йэту*, *-ыту* and *-ту*, with the last one occurring particularly in the plural [Некрасова 2020: 26]. In dialects, however, the variation is more complicated, and additional areal variants are attested [Csúcs

2005: 187]. In the Southern Udmurt dialects, the variants we encounter are *-mu*, *-əmu* and *-йəmu*, with areal variation in their distribution. The variants with *-m'*- and *-к-* in the place of *-m-*, which we find in the Northern dialects, do not seem to appear in Southern Udmurt. Among the Northern dialects, Beserman and certain others prefer the form *-Vmu* with varying vowels [Кельмаков 1998: 123]. A recent treatment of the Beserman prolatives does not include such a variant with a vowel, and the examples occur exclusively in the form *-mu* [Бирюк, Усачева 2010], with the exception of *om'* 'this way'. According to Кельмаков [1998: 122–123], the form *-mu* is generally predominant in the plural and with adpositions in the Southern dialects.

Кельмаков [1998: 122–123] goes on to state that in some Southern, peripheral Southern and Central Udmurt dialects, the variant *-mu* has been generalized to occur in all environments. This means that these Udmurt dialects, along with the Upper Kama and Upper Sysola dialects of Komi, would have generalized these multiple allomorphs into a system with only one path-case variant in a similar manner. Кельмаков [1998: 123] also states that some northern Udmurt dialects and Beserman tend to use the form with a vowel in plurals, too.

What this shows is that the existence of allomorphy in the path-coding case is a shared feature of both Udmurt and Komi, with different dialects of both languages having found various ways to generalize and simplify the variation. Next, we will discuss our findings concerning these processes in individual Komi dialects.

2.3. Prolatives and transitives in individual dialect corpora

When conducting this study, the authors had access to electronic corpora of three Komi dialects: Izhma, Udora and the Northern Permian varieties. The first corpus was compiled in a language documentation project funded by the Kone Foundation and is accessible

through a dedicated website². These materials are also currently being archived in the Language Bank of Finland (Blokland et. al. forthcoming). To control the sample better we used only recordings done in 2014–2016, although the corpus also contains archival materials. The Udora materials were collected by Partanen in 2012 and 2013 and combined with various older materials, principally *Образцы коми-зырянской речи* [Тимушев 1971], *Syrjänische Texte* Bd. III (Uotila 1989) and parts of *Syrjaenica: Narratives, Folklore and Folk Poetry from eight dialects of Komi* [Vászolyi 1999]. We have also used materials collected by Erkki Itkonen [Itkonen 1958], Günter Stipa [1962] and Muusa Vahros-Pertamo [1963], which are archived in the Institute for the Languages of Finland. For Permian Komi, we used a text collection of Northern Permian Komi dialects published by Пономарева [2016]. The Izhma corpus sample contained approximately 210,000 tokens, the Udora corpus 42,000 tokens, and the Northern Permian Komi corpus 55,000 tokens. We are working to make these electronic materials available to other researchers of Komi.

We searched for all prolatives and transitives in these corpora and classified the occurrences by the relevant parts of speech, which were noun, adverb and adposition. The utterances of the interviewers were excluded from the analysis. For the Izhma dialect, we performed a more detailed, location-based analysis. The picture that arises upon analysing the occurrences is that Udora and Permian Komi follow the expected distributions, lending further evidence to the idea that prolatives occur only rarely with nouns in Udora. In Udora, the distribution of the prolative and transitive is almost perfectly split by part of speech, with only minimal overlap. Some of the Udora transitive nouns can also be explained by priming effects, where a non-native interviewer, Partanen, regularly used the transitive forms *Вашкамуй* ‘along the Vashka river’ and *йыму* ‘by the river’, which are then

² www.videocorpora.ru

repeated by the speakers in the following utterances. Among the occurrences of nouns used with transitives in Udora, there are also examples such as *увтиджык лыи* ‘I shot (at the grouse) too low’ [Vászolyi 1999: 502]. The word *ув* is usually an adposition with the meaning ‘under’, but as is often the case with Komi adpositions, it can also be used as an independent noun. Uotila [1989: 386] also provides the example *вывтиыс öскаласны йэджыд пыз'нөн* ‘Flour is sprinkled on top (of the bread)’. Such instances are counted as nouns in the figure below.

In the Permian Komi data, transitives occurring with adverbs and adpositions are much fewer and, most importantly, they do not show variation with the corresponding prolative forms. The only adposition we find that occurs with transitive is *с'öpmi*. This division also shows that it is possible to distinguish Permian Komi adverbs and adpositions from one another by their case, i.e. *вылöд* ‘along (adp.)’ and *вылти* ‘too much (adv.)’, as in expressions *вö-рöт'м'ис важ туй вы-лöт мунам* ‘We go through the forest **along** the old road’ [Пономарева 2016: 101] and *кор мэ с'öд йунка нас'та-ла, сэк и мэ-ным вы-лти шог* ‘When I put on a black skirt, then I feel **very** sad’ [Пономарева 2016: 340].

Found examples are presented in the Table 1 and Figure 1 below:

Dialect	pro adv	pro adp	pro noun	tra adv	tra adp	tra noun
Izhma (kpv)	0	4	3	123	70	16
Udora (kpv)	0	3	46	115	48	9
Northern Permian (koi)	1	5	21	23	11	0

Table 1: Occurrences of prolative and transitive in the studied materials

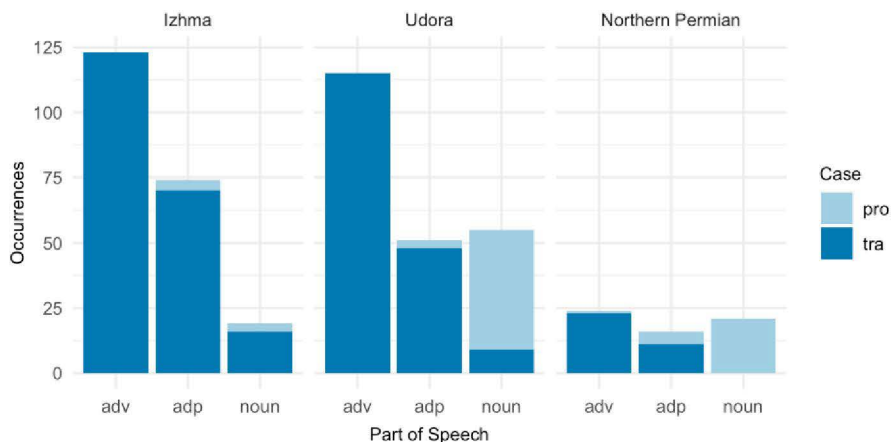

Figure 1: Occurrences visualized by part of speech

The situation with the Izhma dialect is much more complicated and unexpected. Since the Izhma corpus is much larger than the Udora corpus, we assumed we would find a much larger number of both prolative and transitives. What we found, however, was that prolative is extremely rare. At least for the Izhma dialect, the observation that the transitive occurs more commonly with adpositions than with nouns [Сахарова, Сельков 1976: 44; Попова, Сажина 2014: 122] appears to be entirely correct, but to our knowledge, the fact that prolative is extremely rare in Izhma, almost on the verge of not being used at all, has not been thoroughly discussed before. As mentioned, in a concluding table, Попова and Сажина [2014: 247] do report transitive *-mu* as the only path case in Izhma, a finding that is also strongly supported by our analysis. However, our study suggests that both prolative and transitive are rather marginal cases in Izhma. The prolative does occur with individual forms, such as in the adposition *бӧрс'ан'эд* ‘from behind’³. The corresponding Standard Zyrian form, *бӧрсяньӧд*,

³ <http://videocorpora.ru/ru/content/терентьева-феонила-алексеевна?mode=searchком|бӧрсянед>

also currently occurs 12 times in the National Komi Corpus⁴ and three times in our Izhma corpus. Our entire Izhma sample contains only a handful of nouns that use prolative or transitive. When we examine these occurrences, a clear areal delineation emerges: almost all of the examples are produced by speakers who were born in the Izhma or Upper Izhma region, both within the boundaries of the Komi Republic. The fact that this phenomena occurs in Pozhnya is particularly interesting, as this area has already been in closer contact with Upper Vychegda dialect.

That said, we cannot yet draw conclusions about the significance of this distribution, as there are numerous other factors involved. Among the prolatives in the Izhma and Pozhnya regions, several occur in songs and plays, such as *вэс'кыд кизэдыс бос'ны* 'to grab the left hand'⁵, which may have been learned from literary Komi sources, although many such texts have their origins in local traditions. Analysing the occurrence of the forms in distinct genres and text types is beyond the scope of this study, and the materials used would need to be larger, as songs and other recited texts such as poems are relatively rare in our corpora. In a corpus of contemporary speech, the participants also have complex backgrounds: they may have lived in different areas over the course of their lives and may not have been born in the dialect area under investigation. However, it seems clear that these kinds of texts are one way through which speakers of different dialects are exposed to standard language forms, perhaps particularly strongly so in the areas inside the Komi Republic, given the presence of Komi in the media and education.

We can thus conclude that the Udora and Permian Komi dialects follow the expected patterns, while Izhma deviates from them in a variety of ways. Izhma seems to have undergone a similar generaliza-

⁴ <http://komicorpora.ru>

⁵ <http://videocorpora.ru/ru/content/песни-и-частушки-0?mode=searchkomi|киэдыс>

tion of path-coding cases as has occurred in the Upper Sysola and Upper Kama dialects, in that the transitive has been analysed as the primary path-coding case. However, this has not resulted in the introduction of the transitive into the noun paradigm, as such occurrences are still extremely rare, and at the moment we expect that expressions with other adpositions are preferred for this function. We do not find the adposition *ныр* ‘through’ used widely in this context, but *кыз’а* ‘along’ occurs regularly, and also *выытти* ‘along a surface’ is used in expressions of path. Further research is needed on the devices used in Izhma dialect for this function.

3. Historical development of prolatives and transitives

As our analysis shows, these case variants show a similar distribution across word classes in both Komi varieties and Udmurt. In the Zyrian Komi written standard, this distribution has been obscured by a process wherein the transitive has been introduced into the noun paradigm alongside the prolate. In terms of the geographical distribution, the use of transitive in the noun paradigm appears to be an innovation that is particularly constrained to the Upper Kama and Upper Sysola dialects. In these dialects, the change seems to be that the transitive has been generalized into all functions of path-coding cases, including those where the prolate is normally always used. This development, the generalization of the variant without a vowel to all functions, also appears to have taken place independently in some Southern Udmurt dialects, and the generalization of two allomorphs into one is not an unexpected morphological change. In the peripheral variants of the Izhma dialect, we find a similar change, where the prolate forms have largely disappeared from the noun paradigm, but without being actively replaced by transitives. This kind of analogical leveling can be expected in more peripheral linguistic elements, like path-coding cases, because their frequency in language use is not very high. One can see two possible competing motivations here:

1. The transitive is generalized over the prolative because it is observed more often in expressions of path, namely in the more frequent path-coding with postpositions.
2. The prolative is generalized over transitive because it is conceived as the (nominal) case coding path.

The first possibility can be seen as an instance of constructional contamination (cf. Pijpops et. al. 2018), where two constructions that are (almost) synonymous but differ morphosyntactically from each other yield a new construction with properties of both of the original constructions, in this case a path-coding nominal case that is originally used as a path-coding postpositional case. In the second case, the transitive suffix appearing only in closed-class forms such as pronouns and postpositions is reanalysed as something other than a case. In this case, the prolative as the productive path-coding case of the nominal paradigm is chosen as the default path-coding case in all instances. A parallel could be the Finnish forms *taka-na* ‘(in) behind’, *taka-a* ‘from behind’ and *taa-kse* ‘(in)to behind’, where the old case forms essive *-na*, partitive (functioning as a separative) *-a*, and translative *-kse* are not recognized as cases by contemporary speakers (cf. VISK §690). The dialects that use both cases could be exhibiting an ongoing grammaticalization process affecting the distribution and functions of path-coding cases.

We postulate that the innovation has spread from the Upper Sysola dialect into the neighbouring Central Sysola dialect, and onward along the Sysola river, not replacing the prolative, but having been interpreted as a secondary path-coding case. This explains why the phenomenon is not present in the geographically discontinuous Luza-Letka, Lower Vychegda or Udora dialects, and may be present in geographically adjacent Vym. Having reached the dialect of the Syktyvkar area, which later became the basis for the Zyrian Komi written language, the distinct use of prolative and transitive is currently established in the Zyrian Komi written norm as well. This proposal is entirely tenta-

tive and should be verified by further research. Further studies could investigate the Central Sysola dialect in minute detail and see if the transitive use in the noun paradigm has a geographical distribution there that indicates contact with Upper Sysola. Additionally, the question of how exactly the distribution we have described for the Izhma dialect fits into the history of Komi dialects requires more research.

The main implication for historical morphology is that we can assume that the way to use the case variants that contain a vowel, *-əmu*, *-öm* or *-öd*, with nouns is a shared Permian feature. The form *-mu* is predominantly used in adpositions and adverbs, the majority of which also have a monosyllabic stem. Thereby the distribution could also have originally been determined by phonotactics. We also must then assume that in Permian Komi, the prolativ has shifted more to the adpositional use, and that the current instances, regularly described as relics, would have earlier had a wider distribution. From this point of view, the most straightforward explanation appears to be that Proto-Permian also had a similar complementary distribution of path-coding case forms.

4. Conclusions

Our study provides an overview of the recent descriptions of path-coding cases in different Permian varieties, with a focus in Komi dialects. We note that different generalizations and changes in this allomorphy are reported across Permian dialects. We have accompanied this with an analysis conducted using three transcribed speech corpora from different Komi varieties, and have contextualized the results against the historical background of this phenomenon given in different descriptions.

In the Udora dialect of Zyrian Komi and the Northern Permian Komi dialects, we can report that prolatives and transitives are split clearly by parts of speech. The materials on the Izhma dialect show a very different distribution, where especially prolatives are very rare.

We propose that Izhma has also undergone a process wherein the path-coding case system has been simplified to use only one variant, but in such a way that the transitive has not entered the noun paradigm as it has in the dialects along Sysola and Vychegda rivers. Due to the geographic distribution of the use of prolatives and transitives in nouns, we propose that this must be an innovation that has spread along a geographically continuous and expanding Komi dialect continuum, not including the more remote varieties.

More research is needed on the distribution of these cases in Lower Vychegda, Vym and Izhma, since the existing descriptions are not entirely conclusive as to which categories these dialects belong to, and our research has found an unexpected system in Izhma as well. We hope that as more Komi dialect materials are digitized, the research into their features, particularities and exact developments will continue to flourish.

Список использованной литературы и источников

Bartens R. Permiläiskielten rakenne ja kehitys (=VSFOu 238) / R. Bartens. – Helsinki, 2000. – 372 s.

Blokland R., Chuprov V., Fedina Maria, Fedina Marina, Levchenko D., Partanen N., Rießler M. Spoken Komi Corpus. The Language Bank of Finland [Электронный ресурс] / R. Blokland, V. Chuprov, Maria Fedina, Marina Fedina, D. Levchenko, N. Partanen, M. Rießler. – URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2019121603> (дата обращения: 20.01.2018).

Creissels D. Spatial cases / D. Creissels // *The Oxford handbook of case*. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 607–625.

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache / Csúcs S. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. – 410 s.

Itkonen E. Komin tasavallan kielitieteeseen tutustumassa / E. Itkonen // *Virittäjä* 62. – (Helsinki) 1958. – P. 66–71.

Luraghi S. Plotting diachronic semantic maps. The role of metaphors / S. Luraghi // *Perspectives on semantic roles. Typological studies in language* 106. – Amsterdam: John Benjamins. 2014. – P. 99–150.

Pijpops D., De Smet I., Van de Velde F. Constructional contamination in morphology and syntax. Four case studies / D. Pijpops, I. De Smet, F. Van de Velde // *Constructions and frames* 10(2). – 2018. – P. 269–305.

Stipa G. J. Käynti syrjäänien tieteen tyyssijassa / G. J. Stipa // *Virittäjä* 66. – (Helsinki) 1962. – P. 61–68.

Uotila T. E., Kokkonen P. Syrjänische Texte III. Komi-Syrjänisch: Luza-Letka-, Ober-Sysola-, Mittel-Sysola, Prisyktyvkar-, Unter-Vyčegda- und Udora-Dialekte / T. E. Uotila, P. Kokkonen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 202. – Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1989. – 212 p.

Vahros-Pertamo M. Syrjäänien asuinseuduilla / M. Vahros-Pertamo // *Virittäjä* 67. – (Helsinki) 1963. – P. 77–85.

Vászolyi-Vasse E. Syrjaenica. Narratives, Folklore and Folk Poetry from eight dialects of Komi. Upper Izhma, Lower Ob, Kanin Peninsula, Upper Jusva, Middle Inva, Udora / E. Vászolyi-Vasse. – Szombathely: Savariae, 1999. – 577 p.

VISK = Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T. R., Alho I. Iso suomen kielioppi [Электронный ресурс] / A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. R. Heinonen, I. Alho. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. – URL: <http://scripta.kotus.fi/visk>. (дата обращения 16.10.2020).

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. – М.: Наука, 1975. – 252 с.

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки) / Р. М. Баталова. – М.: Наука, 1982. – 167 с.

Бирюк О. Л., Усачева М. Н. Конкуренция в зоне пролатива в языке бесермян: морфосинтаксические и дискурсивные аспекты / О. Л. Бирюк, Усачева М. Н. // *Acta Linguistica Petropolitana: труды института лингвистических исследований*. – 2010. – Т. 6. – С. 15–19.

Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – М.: Наука, 1975. – 268 с.

Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – М.: Наука, 1985. – 274 с.

Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – Сыктывкар: Пролог, 1998. – 438 с.

Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктивкарский диалект и коми литературный язык / Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов. – М.: Наука, 1971. – 276 с.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Учебное пособие для высших учебных заведений / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесыольский диалект коми языка / Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов. – М.: Наука, 1980. – 226 с.

Лыткин В. И. Современный коми язык. Часть первая. Фонетика, лексика, морфология / В. И. Лыткин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955. – 312 с.

Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. – 228 с.

Лыткин В. И. Коми-пермяцкий язык: введение, фонетика, лексика и морфология / В. И. Лыткин. – Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное изд-во, 1962. – 340 с.

Некрасова Г. А. Конкуренция пролативных суффиксов в коми языке: опыт корпусного исследования / Г. А. Некрасова // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания: труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – 2019. – Вып. 77. – С. 53–63.

Некрасова Г. А. Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке / Г. А. Некрасова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2020. – Т. 14. № 1. – С. 25–33.

Паршакова А. Л. Лөддьетан книга = Книга для чтения: хрестоматия на коми-язьвинском языке / А. Л. Паршакова. – Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2008. – 203 с.

Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования) / Р. П. Попова, С. А. Сажина. – Сыктывкар: Издательство СыктГУ, 2014. – 272 с.

Пономарева Л. Г. Ойвывся коми-пермяккезлön сёрни = Речь северных коми-пермяков / Л. Г. Пономарева. – М.: Языки Народов Мира, 2016. – 514 с.

Сажина С. А. Падежная система верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка / С. А. Сажина // Пермистика 13: Вопросы пермского

языкознания. Сборник статей на материалах XIII Международного симпозиума. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2012. – С. 189–196.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А. Печорский диалект коми языка / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976. – 154 с.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976. – 288 с.

Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. Удорский диалект коми языка / В. А. Сорвачева, Безносикова Л. М. – М.: Наука, 1990. – 280 с.

Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневьчегодский диалект коми языка / В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1966. – 258 с.

ССКЗД = Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / В. А. Сорвачева. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1961. – 490 с.

Тимушев Д. А. Образцы коми-зырянской речи / Д. А. Тимушев. – Сыктывкар: Академия наук СССР, 1971. – 310 с.

ОКК = Федюнёва Г. В. Ёнія коми кыв: морфология / Г. В. Федюнёва. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2000. – 544 лб.

Цыпанов Е. А. Перым-коми гижӧд кыв / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар: Пролог, 1999. – 178 лб.

Пономарева Лариса Геннадьевна
Финляндия, г. Хельсинки,
Общественная организация «Живой язык»,
Гайдамашко Роман Валентинович
Россия, г. Санкт-Петербург,
Институт лингвистических исследований РАН

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД НАЗВАНИЯМИ ЯГОД
В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVIII ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСЕЙ АНТОНИЯ ПОПОВА)***

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые названия ягод, бытующие в коми-пермяцком языке в конце XVIII века. Источником материала послужили два рукописных коми-пермяцких словаря 1785 года протоиерея Антония Попова. Наименования ягод из словарей А. Попова сравниваются с материалом других более поздних источников по коми-пермяцкому языку, а также сопоставляются с данными коми-пермяцкого литературного языка и современных диалектов двух коми языков. Приведены версии о происхождении всех рассмотренных коми-пермяцких слов.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, рукописи XVIII века, рукописные словари, лексика, семантика, этимология, названия ягод.

Собирательство было одним из основных способов пропитания коми-пермяков, поэтому большинство слов, относящихся к этой области, по своему происхождению являются древними и представляют большой интерес для исторических и лингвистических исследований.

В данной статье рассмотрены некоторые названия ягод, бытующие в коми-пермяцком языке в конце XVIII века. Источником

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00774а.

материала послужили два относительно объемных рукописных словаря протоиерея Антония Попова, датируемые 1785 годом, хранящиеся в Эрмитажном собрании Российской национальной библиотеки и по-прежнему не введенные в научный оборот [Попов 1785а; 1785б].

В круг нашего анализа вошли только те из зафиксированных в словарях Антония Попова наименования ягод, которые в современном коми-пермяцком языке имеют особенности в употреблении.

Отметим, что при пермяцких существительных в алфавитном словаре А. Попова приведено указание на окончание родительного падежа *-лэнъ* (совр. *-лөн*), которое опущено в настоящей публикации. Формы слов и толкования из всех источников процитированы без изменений. Французские кавычки («») указывают на сохранение орфографии и пунктуации источника (включая описки).

(1) *жѳ* «калина» [Попов 1785а: л. 15об.; 1785б: л. 18]. Более поздними источниками отмечены следующие варианты: усол. *жу* «калина (дерево)» [Волегов 1833: л. 28; Rédei 1968: 38], куд.-иньв. *жо*, *жов*, нердв. *жол* 'калина' [Рогов 1869: 50, 261], черд. *жов* 'калина' [Учебник 1906: 23], совр. литер. *жѳвпу* 'калина (ягоды и кустарник)' [КПСР: 142] (но ср. *жовпу* 'калина (куст)' и *жов* 'калина (ягоды)' [ССПЯ: 100]), а также коми-зыр. вв., нв. *жов* 'калина' [КСК 1: 520]. На основании сравнения с удмуртскими данными возводится к допермской праформе, см. [КЭСКЯ: 102]. Сегодня в языке коми-пермяков слово *жо* ~ *жов* ~ *жол* и его дериват *жовпу* (при коми-перм. *пу* 'дерево' [КПСР: 382]) входят в разряд пассивной лексики, а понятие 'калина' выражается, как правило, русским заимствованием *калина*. Е. Н. Федосеевой слова *жо* 'калина' и *жѳйагѳд* 'ягоды калины' зафиксированы в севернопермяцких говорах [Федосеева 2015: 135]. В [КПОС: 253] приведен еще один вариант названия калины – *туричерпу* (при коми-перм. *тури* 'журавль' [КПСР: 495] и *черпу* 'топорище' [там же: 533]).

(2) *мы́рпoнь* «морошка» [Попов 1785а: л. 28об.; 1785б: л. 18]. Лексема *мы́рпoн* в указанном значении употребляется в севернопермских диалектах [КПРС: 261], при этом в мысовском диалекте это слово имеет семантику ‘костяника’ [Федосеева 2015: 145]. В южнопермских диалектах в этом значении может употребляться исконная лексема *вежсьягöд* (*веж* ‘желтый’ и *ягöд* ‘ягода’), а также заимствование из русского языка *морошка*. Е. Н. Федосеевой лексема *вежсьягöд* зафиксирована и в севернопермском наречии [там же: 130]. Как следует из [КПОС: 248], в коми-пермяцком языке возможен также вариант лексемы *мы́рпoн* ‘морошка’ с финальным согласным -м: *мы́рпoм*. Оба варианта бытуют и в коми-зырянском языке, причем изоглоссы их ареалов в говорах, судя по диалектному словарю, не пересекаются: вв., вым., иж., нв., печ., уд. *мы́рпoм* и вс., лл., скр., сс. *мы́рпoн* ‘морошка’ [КСК 1: 958]. Слово *мы́рпoн* ~ *мы́рпoм* состоит из двух корней: корень *мы́р* является общепермским наследием и сопоставляется с фин. *tuigain*, кар. *tuuroi*, вепс. *turt*, манс. *морах* и др. ‘морошка’ [КЭСКЯ: 183–184], а второй компонент *пoн* ~ *пoм* означает ‘конец’ (также ‘плод’) и возводится к допермской праформе, см. [там же: 224].

(3) *на́мырь* «костеника /ягода/» [Попов 1785а: л. 29об.], «костеница» [Попов 1785б: л. 18]. В различных источниках по коми-пермяцкому языку зафиксированы следующие слова с общим значением ‘костяника’: куд. *намурь* «костеница» [Чечулин 1823: л. 75об.], южн. *н́ямыр* «костеника ягода» [Рогов 1869: 104], совр. литер. *ня́мыр* ‘костяника (ягоды и растение)’ [КПРС: 284], *нямыр*, *нюмыр-нямыр* ‘костяника каменистая’ [КПОС: 251], мыс. *мы́рпoн* ‘костяника’ [Федосеева 2015: 145]. Последняя лексема в других севернопермских диалектах имеет значение ‘морошка’, см. выше *мы́рпoнь*. Из приведенных примеров видно, что коми-пермяцкое слово *нямыр* во всех источниках кроме самых ранних (словарей А. Попова и Г. Чечулина) употребляется с начальным мягким согласным *н’*-. С велярным начальным согласным *н*- это слово зафиксировано в коми-язьвинском языке и некоторых коми-

зырянских диалектах, см.: коми-язьв. *на́мер* (также *ма́мер йа́гөд*) ‘костяника’ [Лыткин 1961: 150], коми-зыр. вс., лл., нв., печ., скр., сс. *намыр* ‘костяника’ [КСК 1: 971]. Имеет соответствие в удмуртском языке – *намер* ‘костяника’, на основании чего возводится к общепермской праформе, см. [КЭСКЯ: 185]. Представленный материал из разных источников дает основание полагать, что в прошлом эта ягода была хорошо знакома коми-пермякам, хотя в настоящее время, по нашим наблюдениям, в Коми-Пермяцком округе костяника растет в малом количестве, поэтому коми-пермяки ее не собирают для приготовления варенья и других заготовок. Ввиду этого сейчас слово *намыр* ~ *нямыр* не входит в активный словарный запас коми-пермяков.

(4) *о́зь* «земляника /ягода/» [Попов 1785а: л. 32], «земляника» [Попов 1785б: л. 18]. Присутствует во всех крупных коми-пермяцких словарях XIX в.: куд. *о́зь* «земляника» [Чечулин 1823: л. 83], усол. *о́зь (ягэдь)* «земляника /ягоды/» [Волегов 1833: л. 25; Rédei 1968: 66], южн. *оз* ‘земляника’, *оз jaгөд* «земляника ягода» [Рогов 1869: 109, 255]. В современном коми-пермяцком языке понятие ‘земляника’ выражается, как правило, сложным по составу словом *о́зьягөд* (*оз* ‘земляника’ и *ягөд* ‘ягода’) [КПРС: 290], а также может передаваться словами *гөрдъягөд* (при *гөрд* ‘красный’) и *муягөд* (при *му* ‘земля’) [КПОС: 251]. Слово *оз* повсеместно распространено и в коми-зырянских диалектах, см.: вв., лл., печ., скр., сс., уд. *оз* ‘земляника’ [КСК 1: 1063]. Коми слово *оз* вместе с удм. *узы* ‘земляника’ является общепермским наследием [КЭСКЯ: 203]. В настоящее время в коми-пермяцком языке для обозначения этой ягоды могут использоваться не только вышеназванные исконные слова, но и заимствования из русского языка, например: кос.-кам. *з’эмл’ан’и’ка* [Пономарева 2016: 139], коч. *з’эмл’а’нка* [там же: 95].

(5) *пу́ль* «брусника /ягода/» [Попов 1785а: 37об.], «брусница» [Попов 1785б: л. 18об.]. В более поздних источниках см.: куд. *пу-уль ягэдь* «брусница» [Чечулин 1823: л. 99], усол. *пу́ль-ягэдь* ‘брусника’ [Волегов 1833: л. 6об.] (ср. *пу́ль ягодь* [Rédei 1968: 73]),

куд.-иньв. *пув*, нердв. *пул* ‘брусника, брусничник’, куд.-иньв. *пув жагöд* ‘ягода брусника’ [Рогов 1869: 134], черд. *пул-ягöд* ‘брусника’ [Учебник 1906: 23]. В КПРС со значением ‘брусника’ даны следующие коми-пермяцкие слова: *пуягöд* (без помет) [КПРС: 592], коч. *мырьягöд* [там же: 261], диал. *турипу* (без указания конкретного диалекта) [там же: 495]. В [КПОС: 251] представлен также вариант *пульягöд*. Вариант *пул* считается диалектным [ССПЯ: 17]. См. также коми-язьв. *пул*, *пулягöд* ‘брусника’ [Лыткин 1961: 171]. В современных говорах северного наречия представлены различные варианты: кос.-кам., мыс. *пуйагöд* [Пономарева 2016: 146, 166, 273], кос.-кам. *пуйагöд* [там же: 221], мыс. *пулягöд* [там же: 317], лупьин. *пуйагöд*, *пуйагöд* ‘брусника’ [там же: 329, 354]. Чаще этих названий в разных вариантах отмечается русское заимствование: *брусн’ика* [там же: 51, 114, 166, 170, 354], *брус’н’ика* [там же: 221, 317, 318, 348]. Примечательно сосуществование в отдельных идиолектах исконного и заимствованного названий: мыс. *пулягöд* vs. *брус’н’ика* [там же: 317], лупьин. *пуйагöд* vs. *брусн’ика* [там же: 354]. Коми-зырянским диалектам известны и «взовый», и «эловый» варианты: вв., лл., нв., скр., уд. *пув* и вв., вс., лл., печ., сс. *пул* [КСК 2: 222, 231]. Коми слово *пул* относится к финно-угорскому наследию [КЭСКЯ: 230].

(б) *тури моль* «клюква /ягода/» [Попов 1785а: л. 45об.], *тури-моль* «клюква» [Попов 1785б: л. 18]. Лексема *туримоль* в значении ‘клюква’ была отмечена некоторыми словарями XIX в.: *туримоль* [Волегов 1833: л. 29; Rédei 1968: 87], *туримол’* [Рогов 1869: 164]. Для понятия ‘клюква’ в коми-пермяцком языке существует несколько слов: *туримоль*, *турипув* (сев. *турипул*) [КПРС: 495], мыс. *турипу*, *н’урмол’* [Пономарева 2016: 317], коч. *нюрмоль* ~ *нюрмоль* [КПРС: 283], юрл.¹ *жаровика* [там же: 140], сев. *жава-риха* [Федосеева 2015: 135]. Их употребление варьирует по диа-

¹ В списке условных сокращений словаря такое сокращение не раскрыто [КПРС: 13], но, скорее всего, здесь имеется в виду юрлинский говор, бытующий в с. Юрла Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа.

лектам. А. Поповым для обозначения этой ягоды зафиксировано то слово (*туримоль*), которое сегодня в коми-пермяцком языке имеет более широкое употребление, чем другие вышеприведенные лексемы: это слово встречается в литературном коми-пермяцком языке, в южнопермяцких и в некоторых севернопермяцких диалектах (например, кос.-кам. *туримо-л'* [Пономарева 2016: 222]), а также в коми-язьвинском языке (*төрмүл'и*, *трөмүл'и*, *турі мүл'и* [Лыткин 1961: 187]). Слово *туримоль* в значении 'клюква' употребляется и в говоре д. Острово удорского диалекта коми-зырянского языка [КСК 2: 589]. По своему составу лексема *туримоль* представляет собой сложное образование, состоящее из двух корней: *тури* 'журавль' и *моль* 'пуговка, косточка'; оба компонента являются допермскими по происхождению, см. [КЭСЯ: 173–174, 287]. Для обозначения этой ягоды сегодня коми-пермяки используют также заимствование из русского языка, например: коч., кос.-кам., мыс. *кл'у-ква* [Пономарева 2016: 114, 129, 317].

(7) *эмидзь* «малина ягода» [Попов 1785а: л. 53], «малина» [Попов 1785б: л. 18]. Лексема *эмидзь* фиксировалась и в коми-пермяцких словарях XIX века, например: куд. *эмичжсь*² «малина» [Чечулин 1823: л. 38об.], усол. *эмичжсь* «малина (ягоды)» [Волегов 1833: л. 35об.] (ср. *эмичжсь* [Rédei 1968: 100]), южн. *эмидзj*³ 'малина' [Рогов 1869: 115]. Сегодня слово *эмидз* знакомо не каждому коми-пермяку, большинство вместо этой исконной лексемы употребляет в речи русское заимствование *малина*. В КПРС указано, что *эмидз* имеет ограниченное употребление – встречается в двух говорах – белоевском говоре южнопермяцкого наречия и чураковском говоре северного наречия [КПРС: 305]. Следует отметить, что сегодня производятся попытки возврата этой исконной

² При цитировании материала из Словаря Г. Чечулина [Чечулин 1823] особый диграф из букв *ч* и *жс*, обозначающий звонкую альвеоло-палатальную аффрикату [dʒ], передается через *чжс*.

³ При цитировании материала из Словаря Н. А. Рогова [Рогов 1869] особая графема, обозначающая звонкую альвеоло-палатальную аффрикату [dʒ], передается через *дз*.

лексемы в литературный коми-пермяцкий язык. К примеру, ее активно включают в школьные учебники, см. [КПК4 2010: 113]. Далее в коми языковом континууме см.: вв., вс., вым., лл., печ., скр., сс., уд. *õмидз* ‘малина’ [КСК 2: 23]. Слово *õмидз* восходит к допермской эпохе, см. [КЭСКЯ: 211].

Таким образом, все рассмотренные нами ягоды в коми-пермяцком языке имеют не одно название, при этом среди них преобладают исконные наименования. Это говорит о том, что все эти ягоды играли важную роль в жизни коми-пермяков. В большинстве случаев наличие вариантов наименований ягод обусловлено территориальным варьированием коми-пермяцкого языка. Следует также отметить, что в настоящее время некоторые исконные названия ягод переходят в разряд пассивной лексики, а их место занимают заимствования из русского языка. Анализ названий ягод, зафиксированных в словарях протоиерея Антония Попова, в сравнении с материалом других более поздних коми источников дает возможность проследить путь развития этих лексем в коми-пермяцком языке. Исследование может быть полезно при составлении сравнительного словаря коми-пермяцких диалектов, который до сих пор отсутствует.

Сокращения

вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка; вепс. – вепсский язык; вс. – верхнесысольский диалект коми-зырянского языка; вым. – вымский диалект коми-зырянского языка; диал. – диалектное; иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка; иньв. – иньвенский говор кудымкарско-иньвенского диалекта южного наречия коми-пермяцкого языка; истор. – историческое; кар. – карельский язык; коми-зыр. – коми-зырянский язык; коми-перм. – коми-пермяцкий язык; коми-язьв. – коми-язьвинский язык; кос.-кам. – косинско-камский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка; коч. – кочёвский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка; куд. – кудымкарский говор кудымкарско-иньвенского диалекта южного наречия коми-пермяцкого языка; куд.-иньв. – кудымкарско-иньвенский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка; литер. – литературное; лл. – лузско-летский

диалект коми-зырянского языка; лупьин. – лупьинский говор мысовско-лупьинского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка; манс. – мансийский язык; мыс. – мысовский говор мысовско-лупьинского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка; нв. – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка; нердв. – нердвинский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка; печ. – печорский диалект коми-зырянского языка; рус. – русский язык; сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка; скр. – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка; совр. – современное; сс. – среднесыольский диалект коми-зырянского языка; уд. – удорский диалект коми-зырянского языка; удм. – удмуртский язык; усол. – усольский говор коми-пермяцкого языка [Волегов 1833]; фин. – финский язык; черд. – коми-пермяцкие говоры в Чердынском уезде Пермской губернии [Учебник 1906]; южн. – южное наречие коми-пермяцкого языка.

Список использованной литературы и источников

Волегов 1833 – [Волегов Ф. А.] Словарь русско-пермяцкий [г. Усолье, 1833] / [Ф. А. Волегов] // Библиотека Академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей. – № 34.7.32. – 93 л.

КПК4 – Коми-пермяцкӧй кыв. 4 класс понда велӧтчан небӧг. – Кудымкар: Коми-Пермяцкӧй этнокультурнӧй центр, 2010. – 119 с.

КПОС – Коми-пермяцкӧй орфографическӧй словарь: 20000 кыв гӧгӧр / авторрез-составителлез Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. 2-е изд., испр. и доп. – Кудымкар: Издательство «Пермская книга». Коми-пермяцкӧй отделеннӧ, 1992. – 279 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / [сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман]. – М.: Русский язык, 1985. – 620 с.

КСК – Безноси́кова Л. М., Айба́бина Е. А., Забо́ева Н. К., Косны́рева Р. И. Коми сёрнисикас кывчукӧр = Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах / под ред. Л. М. Безносиковой. – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012. – Т. 1. – 1096 с.; 2014. – Т. 2. – 888 с.

КЭСКЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / [сост.] В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев; под ред. В. И. Лыткина. Переиздание с дополнением. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. – 430 с.

Лыткин 1961 – Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 228 с.

Пономарева 2016 – *Пономарева Л. Г.* Речь северных коми-пермяков. Монография / Л. Г. Пономарева. – М.: Языки Народов Мира, 2016. – 514 с.

Попов 1785а – Краткой пермской словарь с російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрмитажное собр. – № 206. – 81 л.

Попов 1785б – Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрмитажное собр. – № 207. – 29 л.

Рогов 1869 – *Рогов Н. А.* Пермско-русский и русско-пермязкий словарь / Н. А. Рогов. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. – VI + 415 с.

ССПЯ – Сравнительный словарь пермских языков / сост. Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, Е. А. Игушев, О. П. Аксёнова. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004. – 258 с.

Учебник 1906 – Первоначальный учебник русского языка для чердынских пермяков. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1906 (обл. 1907). – 77 с.

Федосеева 2015 – *Федосеева Е. Н.* Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка / Е. Н. Федосеева. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015. – 196 с.

Чечулин 1823 – Лексикон пермского языка, кратко выбранный и по алфавиту расположенный села Кудымкарского бывшим священником Иереем Георгием Чечулиным (подаренный А. М. Шёгрёну Львом Ослоповским, в с. Ильинском, 18 ноября 1823 года) // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 94. Оп. 1. – № 219. – 136 л.

Rédei 1968 – *Rédei K.* Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F. A. Wolegows / K. Rédei. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. – 139 s.

*Рысаев Игорь Иванович,
Булычева Елена Александровна
Россия, г. Ижевск,
Удмуртский государственный университет*

РОЛЬ ПЕРЕВОДА ПСАЛТИРИ НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье рассмотрена лексика современного перевода Псалтири (одной из книг Библии) на удмуртский язык с точки зрения неологии – науки о новых лексических единицах. В качестве методики изучения текста была применена конкретно-историческая теория советского лингвиста Н. З. Котеловой. Среди новых лексических единиц (новых для удмуртского литературного языка), найденных в тексте Псалтири, были выделены собственно неологизмы, окказионализмы, внешние и внутренние заимствования. Данной работой авторы стремились показать, какой вклад в словарный состав удмуртского языка был сделан, благодаря переводу Библии.

Ключевые слова: неологизмы, неология, удмуртский язык, перевод Библии на удмуртский язык, Библия, Псалтирь, Библия на удмуртском языке, религиозная лексика, библейская терминология, заимствования, диалектизмы.

Библия – главная вероучительная книга для всех христиан – имеет не только религиозное значение, но и колоссальное культурное значение, а потому может являться богатым материалом для исследований филологов.

На удмуртском языке первые библейские тексты начали выходить еще в XIX веке, но полный перевод всех книг Библии удмуртский народ получил только в начале XXI века благодаря трудам доктора филологических наук, профессора М. Г. Атаманова.

Перевод такого сложного и разнообразного текста как Библия, несомненно, обогатил словарный запас удмуртского языка, ведь в процессе работы переводчику приходилось либо заимствовать слова в удмуртский язык, либо создавать новые. Поэтому, чтобы оценить роль перевода Библии на удмуртский язык, на наш взгляд, необходимо изучить лексику этого текста с точки зрения неологии – науки, изучающей новые явления в языке.

Лексику современного перевода Библии на удмуртский язык мы изучали на примере одной из ее книг, поскольку весь текст Священного Писания объёмен, а многообразие новых слов в нем весьма велико. Для исследования нами была выбрана Псалтирь – наиболее часто употребляемая за христианскими богослужениями книга.

На удмуртском языке Псалтирь отдельной книгой впервые была опубликована в 1994 году. До этого отдельные псалмы можно было найти только в переведенной богослужебной литературе [Последование обручения... 1918; Последование Пасхи 1895; Часослов 1908]. Перевод на удмуртский язык был сделан с русского текста Синодального перевода с ориентировкой на церковнославянский, греческий и еврейский тексты [Атаманов 2003].

Актуальность изучения лексики текста обусловлена двумя фактами. С одной стороны, подробно этот вопрос ранее не изучался. (Частично вопрос лексики переведенных М. Г. Атамановым тех или иных библейских текстов рассматривался в разных статьях самим переводчиком [Атаманов 2002, 2015], а также Т. Р. Душениковой [2014], Н. В. Кондратьевой [2015], Ж. Богданом [2015]).

С другой стороны, такая книга, как Псалтирь, активно употребляется за христианским богослужением, то есть ее тексты постоянно прочитываются, а значит, ее лексику можно рассматривать как активную, имеющую свою сферы бытования. Обна-

руженные в данном тексте новые языковые явления имеют потенциал к закреплению в языке.

Предметом изучения неологии являются новые лексические единицы языка. Существуют различные подходы и теории к их пониманию, поскольку спорным является вопрос разграничения новых и узуальных слов. В рамках данной статьи мы не будем углубляться в различные теории, отметим лишь, что в своей работе мы опирались на так называемую конкретно-историческую теорию советского лингвиста-неолога Н. З. Котеловой [2015: 11]. Данный подход позволяет сформировать четкую методику разграничения новых и узуальных лексических единиц и на основе этого анализировать текст.

«Неологизмы – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз («окаzionaliальные» слова) в каком-либо тексте или акте речи. Определения неологизмов по денотативному признаку (как обозначающих новые реалии) или стилистическому (сопровождающихся эффектом новизны) не охватывают всех неологизмов, а определение неологизмов как слов, отсутствующих в словарях, не опирается на присущие неологизмам особенности», – пишет Н. З. Котелова [2015: 331].

Согласно конкретно-исторической теории, эффект новизны, который несомненно присущ неологизмам и является определяющим признаком, нуждается в конкретизации. Н. З. Котелова выделяет четыре определителя, конкретизирующих понятие неологизма [Котелова 2015: 189–199].

Основной определитель – это время. Слово является новым в определённом временном периоде по отношению к предыдущему временному периоду. Эти временные рамки всегда условны, но их необходимо установить в методологических целях. В нашей ситуации мы можем установить условные временные рамки, опираясь на существующие наиболее полные словари удмуртского

языка. Словарь 1983 года [УРС 1983] вышел раньше, чем начался перевод библейских текстов, и его условно можно считать той точкой во времени, когда слово уже считается узואальным. С учетом некоторых недостатков этого словаря, в ходе исследования использовалась и масса других источников, прежде всего – дореволюционные переводы религиозных книг на удмуртский язык и дореволюционные словари.

Второй определитель – это языковое пространство, по отношению к которому слово является новым. Он помогает включить в разряд неологизмов заимствования (внутренние и внешние), а также восстановленную лексику.

Третий определитель – это тип новизны. Он помогает включить в разряд неологизмов узואальные слова, приобретшие новые значения, а также неразложимые сочетания слов (лексикализованные сочетания).

Четвертый определитель связан со структурными признаками нового слова. Неологизмы чаще всего образуются по известным и доступным законам языка, являются “ожидаемыми”, легко образуемыми (некоторые теории не включают так называемые потенциальные слова в разряд неологизмов).

Нами была проанализирована лексика современного перевода Псалтири на удмуртский язык и, опираясь на конкретно-историческую теорию, были отобраны те лексемы, которые можно считать новыми. Рассмотрим их по группам и приведем некоторые примеры.

Первая группа – это собственно неологизмы. Всего в тексте Псалтири на удмуртском языке нами найдено 140 неологизмов. Все они образованы согласно принципам словообразования удмуртского языка: 1) способ суффиксации; 2) способ словосложения (сложения корней); 3) способ расширения лексического значения слова; 4) способ превращения словосочетаний в единый

термин (лексикализация словосочетаний); 5) сочетанием русских заимствований с удмуртскими корнями [Тараканов 1992: 98–101].

Рассмотрим некоторые примеры неологизмов по семантическим группам. В каждой группе приведено лишь несколько примеров с соответствиями из Синодального перевода:

1) религиозные понятия: *Кузё-Инмар* ‘Господь’, *тодмет* ‘знамение’, *ад пыдэс* ‘преисподняя’, *вёлыса лэсьтэм сульдэр* ‘идол’ / ‘истукан’, *Дунне Кутись* ‘Вседержитель’.

2) нравственные и этические понятия: *бышкись чурят дйсян (дйсь)* ‘вретище’, *сьёлыкъёслэсь кышкасьтэм / сьёлыклэсь кышкасьтэм* ‘нечестивый’;

3) бытовые понятия: *четлык* ‘чертог’, *ужаны-тырышыны* ‘служить’, *кивалтэт боды* ‘жезл’, *жилььет* ‘узы’ / ‘оковы’, *лык-тэм мурт* ‘пришелец’;

4) названия природных явлений, деревьев и животных: *вёйпу* ‘маслина’, *ву нюртон* ‘потоп’, *кыр дунне* ‘пустыня’, *югыт сётись* ‘светило’;

5) социально-политические, административные понятия: *калык выжы* ‘племена’, *кужымлык* ‘могущество’, *изкар* ‘крепость’ / ‘город’;

6) названия мифических существ: *лобась кый* ‘дракон’, *лек кый* ‘василиск’;

7) различные поэтические выражения и абстрактные понятия: *сюй-тузон* ‘персть’, *пыдул суй* ‘прах’, *удыс* ‘поприще’.

Вторая группа – это окказионализмы. Изучая неологизмы текста Псалтири на удмуртском языке, нами были обнаружены такие новые слова и лексикализованные словосочетания, которые употребляются лишь один раз в тексте (не встречаются они и в других книгах Библии), но при этом обозначают такие понятия, которые в иных местах переводятся по-другому. Эти слова и словосочетания нами были определены как окказионализмы (по определению Н. З. Котеловой, а также современного лингвиста

Т. В. Поповой, ключевым признаком окказионализма является единичность употребления [Попова 2005: 17–18]).

Вопрос о том, почему переводчик для передачи какого-либо понятия в одном случае создает «одноразовое» слово, а в другом месте систематически пользуется другим словом, требует отдельного изучения. Вероятно, причину нужно искать в тех смысловых оттенках, которые содержатся в оригинальных текстах, ведь текст хоть и переводился с русского, но с оглядкой на оригиналы: еврейский Танах и греческий текст Септуагинты. Например, в Пс. 110:10 читаем: *«Визьлыкэн кутсконэз – Кузё-Инмарлэсь кышка-нэн улон; ваньмызлэн, Солэсь курон-косонъёссэ быдэсьясъёслэн, визьзы-валанзы шонерлыко»*. В Синодальном переводе: *«Начало мудрости – страх Господень; разум верный у всех, исполняющих заповеди Его»*. Здесь слово ‘разум’ переведено словом *визь-валан*, которое больше в других местах Библии не встречается. В иных местах переводчик предпочитает использовать созданный им же неологизм *визьлык* (например: Пс. 50: 8; Пс. 146: 5). При этом в греческом оригинале стоит слово *σύνεσις*, которое обозначает не только ‘ум’, но и ‘рассудок’, ‘знание’, ‘понимание’ и ‘благо-разумие’.

Всего подобных окказионализмов в тексте Псалтири на удмуртском языке найдено 58. С точки зрения словообразования, все они образованы по уже описанным нами словообразовательным моделям удмуртского языка.

Тематически их можно разделить на следующие группы (в каждой группе приведено лишь несколько примеров):

1) обозначение чувств, эмоций и состояний; *бёрдон-выкышъян* ‘сетование’, *выкышъян-вужон* ‘воплъ’, *катьтэммыны-жадъыны* ‘изнемогать’, *куаныса-шумпотыса (улыны)* ‘утешаться’, *курек-тон-лулзылон* ‘воздыхание’, *лулмыя-мылкыдмыя* ‘по душе’, *куа-лектонэ луыны* ‘поколебаться’, *чигиськись-тэрытскись* ‘дух’ (дух) сокрушенный’;

2) нравственные и этические понятия: *валасътэм-тодйсь-тэм* ‘невежда’, *жугиськон-керетон* ‘брань’, *курлан-веран* ‘поношение’, *лек-урод* ‘жестокое’, *улясь-сантэмаь* ‘гонитель’, *яран-тэм-шакиы* ‘непотребное’, *ярантэм уж* ‘тщетное’;

3) религиозные понятия: *вераны-валэкъяны* ‘толковать’, *моз-мытйсь-утись* ‘избавляющий’, *кулон вайись арбери* ‘(сосуды) смерти’, *курбон сётон гурезь* ‘высоты (то есть возвышенные места для принесения жертв)’, *сйзьыськем пунэм* ‘обет’, *ушъяса ивортыны* ‘возвещать’;

4) абстрактные понятия: *визь-валан* ‘разум’, *данъяськон-шумпотон* ‘слава’;

5) бытовые понятия: *керттыны-биньяны* ‘сплетать’, *кошкыны-лобыны* ‘пролетать’, *лэг-гон* ‘глыба’, *тиштон-чилян* ‘блеск’, *пуктыны-кылдытыны* ‘основать’, *возьмаськон боды* ‘посох’, *куашкам из люкьёс* ‘развалины’, *кышкатъян маке* ‘страшилище’;

6) названия природных явлений: *кыр бусыос* ‘пустынные пажити’, *мертаны луонтэм мурдалаос* ‘бездны’.

Третья большая группа – это новые заимствования. Они разделены на внутренние и внешние. Среди внешних заимствований выделено два типа – это собственно новые заимствования и повторные заимствования, то есть те, которые встречались в более ранних текстах, но позднее либо вышли из употребления, либо находились в сфере пассивной лексики (отмечались в словарях как историзмы, архаизмы или устаревшие слова).

Среди последних слова, обозначающие религиозные и исторические понятия, а также названия деревьев: *храм, святой, язычник, херувим, иудей, псалтирь, псалом, священник, тимпан, кимвал, алтарь, риза, идол, смоква* (в составе неологизма *смок-вану*), *ковчег, манна, фараон, лампада, смирна, аминь, аллилуиа*. Эти слова употреблялись при дореволюционных переводах, но словарь 1983 года их либо не содержит вовсе, либо относит в раз-

ряд устаревшей пассивной лексики, а значит, в области активной лексики их можно условно отнести к новым лексемам.

Стоит отметить, что среди них есть слова нерусского происхождения. Например, *псалтирь*, *псалом*, *тимпан*, *кимвал*, *риза*, *идол*, *лампада* и *фараон* в самом русском тексте являются гречизмами, поэтому их можно считать опосредованными заимствованиями из древнегреческого языка. Слова *аминь*, *аллилуия*, *манна*, *иудей*, *херувим* можно назвать опосредованными гебраизмами.

Собственно новых заимствований в исследуемом тексте не так много. Поделим их на семантические группы:

1) названия музыкальных инструментов: *геф шудон* ‘гефское орудие’, *шошан шудон* ‘шошан’, *шушан-эдуф шудон* ‘шушан-эдуф’, *шошанним шудон* ‘шошанним’, *аламоф шудон* ‘музыкальный инструмент аламоф’, *махалаф шудон* ‘махалаф’;

2) названия растений: *кассия*, *иссоп*, *тростник*, *тёрн* (в составе неологизма *тёрнпу*), *сикомор* (в составе неологизма *сикоморпу*), *дрок* (в составе неологизма *дрокпу*). Интересно, что в дореволюционных переводах библейских текстов слова *терн* и *иссоп* заимствованы, а переведены описательно. Например, ‘терн’, ‘терновник’ переведен как *венё пу*, а ‘иссоп’ как *пазьгон* ‘кропило’ (в иудейском обряде очищения практиковалось окропление пучком иссопа) [Часослов 1908: 127];

3) этнонимы и топонимы, а также производные от них: *филистим* (*мурт* / *музьем*) ‘филистимлянин’ / ‘филистимская земля’, *арамей* ‘арамей’ / ‘арамейский’, *идумей* ‘идумей’ / ‘идумейский’, *измаил калык* ‘измаильтяне’, *агарян мурт* ‘агарянин’, *моав калык* ‘моавитяне’, *ханаан калык* ‘хананей’, *офир* (*зарни*) ‘офирское (золото)’, происходящее от наименования страны Офир.

Не вошли в семантические группы два слова – *левиафан* и *фимиам*.

Новые внешние заимствования также можно разделить на прямые из русского и опосредованные из греческого и древнееврейского. К гебраизмам относятся названия музыкальных еврейских инструментов и этнонимы. К грецизмам относятся *кассия*, *иссон*, *сикомор*, *фимиа*. К славянизмам – *тёрн*, *тростник*, *дрок*.

Вторая подгруппа заимствований – это внутренние заимствования. Эти типы также определены благодаря конкретно исторической теории, согласно которой одним из определяющих факторов является языковое пространство (для какой области языка это слово новое). Внутренние заимствования также бывают двух типов: заимствования из диалектов и восстановленная лексика.

В исследуемом тексте нами найдено всего 8 диалектных лексем: *бакель* ‘благословение’, *йыран* ‘межа’, *мыльккиськыны* ‘смотреть в упор, впериться, уставиться’, *кускинь* ‘перждевременно’, *сьодчер* ‘холера, чума’, *тутэктон* ‘дудка’, *ранзыны* ‘мучиться, обессилеть’, *узыгумы* ‘флейта’ [Атаманов: 2005: 208].

Восстановленные слова, то есть взятые из пассивной лексики, приведем с некоторыми пояснениями.

Лексема *кыл-ым* со значением ‘уста’. В словаре 1983 года это слово есть, но с другим значением. Впервые значение, близкое к тому, которое мы имеем в исследуемом тексте, было предложено еще К. Гердом в его научных трудах: *кыл-ым*, *кылысь ымысь* ‘с устной передачи’ [Герд 2004: 247].

Займствованное слово *палаш* употребляется в исследуемом тексте в значении ‘меч’. Словарь 1983 года дает только одно значение – ‘палаш’ [УРС 1983: 329], то есть конкретный вид холодного оружия, а не собирательное наименование боевых холодных оружий, что подразумевается под словом *меч* в Псалтири. Со значением ‘меч’ это займствованное слово отмечено в дореволюционных переводах Евангелий, а также в Вотско-русском словаре Г. Е. Верещагина [Верещагин 2011: 87].

Сеныс в исследуемом тексте употребляется дважды: в значении ‘мех’, то есть кожаный мешок или бутыл, а также в составе лексикализованного сочетания *нбӧл нуллон сеныс* ‘колчан’. В словаре 1983 года лексема *сеныс* дана только с одним значением – ‘кошелёк’, однако у этого слова было гораздо больше значений. Г. Е. Верещагин в своем словаре дает значения ‘кожаная сумка, кisa’ [Верещагин 2011: 96]. В словаре З. Кротова даны следующие значения: ‘корзина, кожаная сума, кошница, сума, чемодан, мешок кожаный’ [Кротов 1995: 194].

Лексема *шырыт* чаще всего употребляется в исследуемом тексте в составе лексикализованного сочетания *шырыт сям* ‘щедрость’. Словарь 1983 года дает совсем иное значение ‘экономный, бережливый’. То, что у этого слова существовали иные значения, свидетельствуют словарь Г. Е. Верещагина (‘нескупой’) [Верещагин 2011: 123] и словарь Т. К. Борисова (‘щедрый, небережливый, нежалеющий свое’) [УК 1991: 355].

Две лексемы *курбон* ‘жертвоприношение’, *кабыл* ‘благосклонность’ словарь 1983 года отмечает пометой “устаревшее слово”.

Лексемы *пукыч* ‘лук’, *нбӧл* ‘стрела’, *сьӧлтэт* ‘стренога’ и *вись* ‘пядь’ можно отнести к историзмам, так как те реалии, которые обозначены данными лексемами, неактуальны в наши дни. Отметим также, что слово *сьӧлтэт* в современных переводах Библейских текстов приобрело новое, расширенное значение ‘узы’.

Таким образом, анализ текста Псалтири с точки зрения неологии показал нам, как перевод Библии обогатил удмуртский язык. В литературный язык вошли лексемы из русского, древнееврейского и древнегреческого языков, были восстановлены некоторые утраченные значения исконно удмуртских слов. Кроме того, литературный язык пополнился рядом диалектных лексем. Наконец, переводчиком была создана масса новых слов и лексикализованных сочетаний, добавлены новые значения уже суще-

ствующим словам. Таким образом, данный перевод не только обогатил язык, но и позволил максимально раскрыть внутренний потенциал словарного запаса удмуртского языка.

Список использованной литературы и источников

Атаманов М. Г. Библейская терминология в удмуртском переводе «Нового Завета» / М. Г. Атаманов // Первой удмуртской грамматике 225 лет. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – С. 85–92.

Атаманов М. Г. К выходу канонической Библии на удмуртском языке / М. Г. Атаманов // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2015. – № 4. – С. 68–76.

Атаманов М. Г. О некоторых ключевых понятиях Библии в удмуртском литературном языке / М. Г. Атаманов, М. Картанов // *Linguistica Uralica*. – 2003. – XXXIX. – С. 258–265.

Атаманов М. Г. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера / М. Г. Атаманов-Эграпи. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 245 с.

Библия удмурт кылын [берыктӥз Михаил Атаманов]. – Хельсинки: Библиез берыктонъя Институт, 2013. – 1696 б.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. – 1376 с.

Богдан Ж. Удмуртские переводы Библии и языковой стандарт / Ж. Богдан // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2015. – № 4. – С. 38–42.

Верецагин Г. Е. Собрание сочинений в 6 томах; Т. 6, кн. 3: Вотско-русский словарь / Г. Е. Верецагин; под ред. В. М. Ванюшева; сост., отв. за вып., авт. предисл., коммент.: Л. М. Ившин]. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. – 150 с.

Герд К. Люкам сочинениос: куать томен; [Т.] 3: Веросьёс, повесть, пьесаос, статьяос, научной ужьёс, гожтэтьёс / Кузёбай Герд; люказ, азыкыл гожтӥз но валэктоньёс сётӥз Ф. К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 326 б.

Душенкова Т. Р. Библейская терминология в переводческих трудах Михаила Атаманова / Т. Р. Душенкова // *Linguistica Uralica*. – 2014. – L. – С. 212–219.

Кондратьева Н. В. Дорогу осилит идущий: к 70-летию удмуртского ученого М. Г. Атаманова / Н. В. Кондратьева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2015. – № 4. – С. 9–18.

Котелова Н. З. Избранные работы / Н. З. Котелова; Российская акад. наук, Ин-т лингвистических исслед. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. – 275 с.

Кротов З. Удмуртско-русский словарь: около 5000 слов / З. Кротов; авт. предисл. Тепляшина Т. И. – Ижевск: Удмурт. институт истории, языка и литературы, 1995. – 308 с.

Попова Т. В. Неология и неография современного русского языка: Учебное электронное текстовое издание [Электронный ресурс] / Т. В. Попова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. – URL: <http://window.edu.ru/resource/514/28514/files/ustul21.pdf> (дата обращения: 14.05.2019).

Последование обручения... – Последование обручения и венчания, на вотском языке Глазовского наречия. – 1-е изд. – Вятка: Издание Глазовской инородческой переводческой комиссии Вятской епархии, 1918. – 41 с.

Последование Пасхи – Последование Пасхи = Быд́зым нунал вöсьёс: на вотском языке. – Казань: Изд. Православ. миссионер. о-ва, 1895. – 87 с.

Тараканов И. В. Туала удмурт кыл лексикология: дышетйсьёслы но вузьёсысь студентъёслы учебной пособие / И. В. Тараканов. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. – 137 с.

УК – Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов / Т. К. Борисов. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит УрО АН СССР, 1991. – 384 с.

УРС – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / [А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина]; Под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Рус. яз., 1983. – 591 с.

Часослов – Часослов: на вотском языке. – Казань: Изд. Вят. Ком. Православ. Миссионер. О-ва, 1908. – 157 с.

*Сабанова София Андреевна,
Краснова Татьяна Александровна
Россия, г. Ижевск,
Удмуртский государственный университет*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ И УДМУРТСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматривают словообразовательные модели английского и удмуртского языков, особое внимание уделяется словосложению как основному типу образования неологизмов.

Ключевые слова: удмуртский язык, английский язык, неологизм, словообразование, словообразовательные модели, словосложение.

Словари лингвистических терминов определяют неологизм (новое слово – англ. *neologism*, фр. *neologisme*, нем. *Neologismus*, *Neubildung*, исп. *neologismo*) как 1. Слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия; 2. Новое слово или выражение, не получившее прав гражданства в общенародном языке и потому воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи [Ахманова 1966: 261].

Как отмечают многие современные лексикологи, в настоящее время языки переживают неологический бум. Ежегодно в каждом языке появляется около 800 неологизмов, необходимость регистрации и описания которых вызвала появление нового раздела лексикологии – неологии – науки о новых словах. Для обретения «законного» статуса неологизм должен пройти стадии социализации (закрепления в обществе) и лексикализации (закрепления в языке). Э. М. Дубенец отмечает, что появившись, неологизм

распространяется, как правило, работниками той сферы или области, к которой относится неологизм. Например, если новое слово относится к сфере биологии или медицины, то оно и внедряется в общество с помощью медиков или биологов. Затем неологизм фиксируется в печати [Дубенец 1991: 197].

Находясь в постоянном движении, язык непрерывно развивается, совершенствуется, имея свое настоящее, прошлое и будущее. Обогащение словаря – это один из важнейших факторов развития языка, свидетельство его динамического характера. Лексика языка находится в состоянии непрерывного изменения, в соответствии с языковыми законами. С развитием общества появляются новые предметы, явления, они запечатлеваются в новых словах и новых значениях.

Лингвистов всегда интересовала проблема возникновения и употребления новых слов, особенно в нашу эпоху, отличительной чертой которой стала раскрепощенность языка и, как в следствие, – обилие всевозможных новообразований как в удмуртском языке, так и в современном английском.

Словосложение является одним из древних, универсальных и распространенных способов образования слов. Сложение основ (часто в сочетании с суффиксацией) – один из способов словообразования, состоящий в морфологическом соединении двух или более корней (основ). В результате словосложения образуется сложное слово. Словосложение занимает промежуточное положение между морфологическим и синтаксическим способами сочетания единиц языка, обладая чертами того и другого [Арбекова 1977: 57]. В английском и удмуртском языках этот способ словообразования не утратил своей актуальности и в настоящее время.

Словосложение характерно для языков любого строя, но преобладающие его типы в разных языках различны. В английском языке существует 10 словообразовательных моделей слож-

ных слов, в которые включаются разные части речи и морфологические показатели, как, например, окончания прошедшего времени или обозначающие деятеля и т. д.

Например, **Модель N + V + er = N:** человек, профессионально занимающийся тем, на что указывает производящая основа: *man-catcher* ‘агент по найму’, *iron-burner* ‘кузнец’;

Модель N + V + ed = A: прототипическое словообразовательное значение, характеризующийся тем признаком или свойством, на которые указывает производящая основа: *tangle-footed* ‘пьяный’, *dad-blustered* ‘проклятый’.

Модели словосложения четко прослеживаются, в первую очередь, в неологизмах, поскольку за счет сложения основ, в большинстве своем образуются новые слова. В статье мы остановимся на более часто встречающихся моделях, по которым образуются неологизмы. Основными моделями продолжают оставаться модели:

1. Noun + Noun = Noun: *chat + show = chat show* ‘интервью со знаменитостью’;

2. Adjective + Noun = Noun: *short-staker* ‘мигрирующий рабочий’;

3. Слова-слитки: *dramedy (drama comedy)*, *Medicare (medical care)*, *slanguist (slang linguist)*.

В английском языке среди неологизмов в целом преобладают двухкомпонентные единицы, поскольку они заложены самими моделями словообразования.

Процесс словосложения представляет собой соположение двух основ, как правило, омонимичных словоформ. Например: *carry + back = carryback* ‘перенос убытков на более ранний период’; *saucer + man = saucerman* ‘инопланетянин’.

Поскольку нормы современного английского языка позволяют наличие сочетание слов, обладающих теми же лексико-грамматическими характеристиками, что и соединяемые при слово-

сложении основы, то определить, в каких случаях мы имеем дело со сложным словом, а в каких со словосочетанием, представляется довольно трудным. Например: *closing bank* ‘банк, завершающий сделку, в котором участвовало несколько банков’ (сложное слово), *closing bank* – ‘закрывающийся банк’ (словосочетание).

В случаях, когда соединяют слова, оканчивающиеся и начинающиеся на одн и ту же гласную или согласную, одна из них опускается. Однако это не всегда является правилом. Например: *net + etiquette = netiquette* ‘неписанные общепринятые правила общения или размещение информации в Интернете’, *cyber + rest = cyberrest* ‘отдых вместе с современными технологиями’.

Помимо привычных двухкомпонентных сложных слов существуют и многокомпонентные комбинации. Так, например, в языке часто встречаются трехкомпонентные единицы: *point-in-time* ‘конкретное время’, *middle-of-the-road* ‘умеренный (в политике)’, *ball-park figure* ‘приблизительные данные’.

Одной из самых употребительных многокомпонентных моделей стала в последнее время модель со словами *line* и *ware*, которые находятся на грани сложных слов и словосочетаний. Например: *straight-line responsibility* ‘прямая ответственность’, *dotted-line responsibility* ‘ответственность, поделенная на двоих’, *software* ‘программа компьютера’, *bogus-ware* ‘программа-вирус’.

В целом, многокомпонентные единицы, которые чаще употребляются в неформальном общении, более характерны для американского варианта английского языка, например: *to nickel-and-dime* ‘уделять большое внимание мелочам’, *meat-and-potatoes* ‘основной’.

В современном удмуртском языке широкое распространение получили слова, образованные путем словосложения. О данном лингвистическом факте свидетельствует словарный материал. Нами были проанализированы словарные статьи таких источников, как: орфографический словарь «Удмурт кылын шонер гожь-

яськонъя кыллюкам» (2002) и Бюллетени термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку по УР, а также специальные словари: «Кылтодон нимкыльёсын удмурт-зуч но зуч-удмурт кыллюкам = Удмуртско-русский словарь лингвистических терминов» (2006). Большей частью это атрибутивные сложные слова подчинительного типа.

Большинство слов, образованных путем словосложения, являются двучленными композитами. Сложные слова, состоящие из трех и более основ, единичны, например, *юньюрткар* ‘крепость’, *йылпумкыл* ‘вывод’.

Словосложение в удмуртском языке в большинстве случаев осуществляется путем простого сложения компонентов, которые в отдельности представляют самостоятельные слова и при образовании нового слова не претерпевают никаких изменений, в отличие от английского примеров слов-слитков. (*вусуран* ‘смеситель’ (*ву* ‘вода’ + *суран* – сущ. от глаг. *сураны* ‘смешать’); *йырсикуасьтон* ‘фен’ (*йырси* ‘волосы’ + *куасьтон* – сущ. от глаг. *куасьтыны* ‘сушить’); *сийнвекчиятон* ‘блендер’ (*сийн* ‘еда’ + *векчиятон* – сущ. от глаг. *векчиятыны* ‘измельчать’); *тусчеберъян* ‘косметика’ (*тус* ‘вид, облик’ + *чеберъян* – сущ. от глаг. *чеберъяны* ‘украшать’).

Сложные слова делятся, в свою очередь, на 2 подгруппы: а) на сложные слова, образованные при помощи подчинительной связи: *куннус* ‘букв. государство + знак’, т. е. ‘герб’, *мутус* ‘карта’, *муиз* ‘минерал’, *пумкыл* ‘приговор’, *ужсьюрт* ‘учреждение’; б) сложные слова, образованные при помощи сочинительной связи: *ымныр* ‘букв. рот-нос’, т. е. ‘лицо’, *лыдьян-чотан* ‘букв. считать счет’, т. е. ‘смета’.

Каждая из этих подгрупп имеет свои подразделы. Так, например, словосложение сочинительного типа может быть классифицировано на: 1) сложные слова, выражающие обобщенные понятия: *ымныр* ‘букв. рот-нос’, т. е. ‘лицо’, *нылти* ‘букв. дочь-

сын', т. е. 'дети'; 2) сложные слова, выражающие родовое понятие или целое (хотя составные части обозначают видовые понятия): *чо́ж-за́зег* 'букв. утка-гусь', т. е. 'все домашние птицы'; 3) сложные слова, выражающие в современном языке переносное значение: *синпель* 'букв. глаз-нос', т. е. 'память', *йыртэм-ныдтэм (нуэ тубе)* 'букв. без головы-без ног (на дерево лезет)'; 4) сложные слова, составные части которых синонимичны: *сэрттыны-пертчыны* 'развязывать-распутывать', *улыны-вылыны* 'жить-быть'; 5) сложные слова, составные части которых по значению противоположны: *уй-нунал* 'букв. день-ночь', т. е. 'целые сутки'; 6) сложные слова типа *тылобурдо* 'букв. пернатое-крылатое', т. е. 'птица'; 7) сложные слова типа *кутэс-ти́рлык* 'букв. цепорудие', т. е. 'инвентарь, связанный с молотьбой'.

Также в процессе анализа языкового материала нами были обнаружены несколько примеров слов-слитков. Их не так много, но мы все-таки упомянем о них. Например: *куншет* 'флаг' (*кун* 'страна' + *кышет* 'платок'); *шимучыр* 'бедствие' (*шимес* 'ужасный, страшный' + *учыр* 'событие'); *чильзор* 'дождь (ёлочное украшение)' (*чилясь* 'блестящий' + *зор* 'дождь').

В удмуртском языке слова-слитки частично усечены. Усечению подвергается лишь один из компонентов, либо начальный, либо конечный, в отличие от английского языка, где усечению подвергаются все компоненты, и они утрачивают лексическое значение.

В удмуртском языке, как и во многих финно-угорских языках, словосложение, наряду с аффиксацией, лексико-семантическим и лексико-синтаксическим способом образования, занимает ведущее место в образовании новых слов, в обогащении словарного состава языка.

Анализ наиболее характерных словообразовательных моделей в английском и удмуртском языках показал, что наиболее часто употребляемыми моделями в обоих языках являются модели

сущ.+сущ., прил.+сущ., а также наличие слов-слитков, что свидетельствует об универсальности словообразования в разносистемных языках. Однако в удмуртском языке мы обнаружили более специфичные модели, типа **прил.+прил.** (*йыртэм-пыдтэм*) и **глагол.+глагол.** (*сэрттыны-пертыны*), что свидетельствует о возможности существования в отдельно взятом языке особых словообразовательных моделей.

Список использованной литературы и источников

Арбекова Т. И. Лексикология английского языка: практический курс / Т. И. Арбекова. – М.: Высшая школа, 1977. – 286 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 267 с.

Бюллетень № 1 = 1-й бичет / Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. – Ижевск, 1998. – 64 с.

Бюллетень № 2 = 2-й бичет / Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. – Ижевск, 2008. – 64 с.

Дубенец Э. М. Неологизмы в английском языке / Э. М. Дубенец // Иностранные языки в школе. – 1991. – № 6. – С. 195–206.

Кылтодон нимкыльёсын удмурт-зуч но зуч-удмурт кыллюкам = Удмуртско-русский словарь лингвистических терминов / Дасязы Т. Р. Зверева, А. А. Шибанов. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 56 с.

Удмурт кылын шонер гожъяськонъя кыллюкам (Шонер гожъяськон но пусъёс пуктылон правилоосын). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – 416 с.

Szabó Ditta (Szabó Ditta)

Венгрия, г. Будапешт,

Университет имени Лоранда Этвёша

EVIDENCIALITÁS AZ UDMURT NYELVBEN EGY GRAMMATIKAI FUNKCIÓ DIAKRÓN VIZSGÁLATA*

Аннотация: В данной статье рассматривается система прошедшего времени удмуртского языка с исторической точки зрения. Уделяется внимание появлению эвиденциальности в форме второго прошедшего времени. Статья является частью продолжающегося лингвистического исследования, определяющее понятие эвиденциальности в языковой типологии, и как эта категория выражается в удмуртском языке.

Ключевые слова: эвиденциальность, удмуртский язык, второе прошедшее время, языковая типология.

1. Bevezetés

Jelen dolgozatban történeti szemszögből vizsgálom a múlt idő rendszert az udmurt nyelvben, ezen belül az evidencialitás mint funkció megjelenését a második múlt idő alakján. Elsősorban azokra a kérdésekre keresem a választ, hogy mikor kerülhetett az evidenciális funkció az udmurtba, illetve meglétét alapnyelvi örökségnek, belső innovációnak vagy külső hatásnak köszönhetjük-e. A cikk egy folyamatban lévő nyelvészeti kutatás részét képezi, a továbbiakban a kutatás alapjául szolgáló feldolgozott szakirodalom bemutatására

* Jelen tanulmányt a Nemzeti Kutatási, Fejlesztési és Innovációs Hivatal támogatta. Projektszám: NKFI K 125282; A Volga-vidéki finnugor nyelvek tipológiai adatbázisa projekt.

kerül sor, definiálva nyelvtipológiaiilag az evidencialitás fogalmát, majd bemutatva a jelenséget az udmurt nyelvben.

2. Az udmurt nyelvről

Az udmurt nyelv az uráli nyelvcsaládon belül a finnugor nyelvek finn-permi ágához tartozó permi nyelvek csoportjában található. Legközelebbi rokonnyelvei a komi-zürjén és komi-permják nyelvek¹. A 2010-es népszámlálási adatok szerint 554 000 fő vallotta magát udmurtnak, míg ebből az anyanyelvi beszélők száma mindössze 340 000 fő [Rosstat 2011]. Az udmurt nyelvnek számos dialektusa ismert, melyek földrajzilag öt nagyobb csoportba oszthatók: északi, középső, déli, beszermán² és peremnyelvjárások. Az udmurt nyelv rendelkezik irodalmi nyelvvel, melynek megalkotásához az északi és a déli nyelvváltozatokat is alapul vették.

3. Az evidencialitás fogalma

Az evidencialitás mint nyelvészeti kategória arról ad számot, hogy a beszélő által birtokolt információ milyen forrásból származik. Az evidencialitás ezzel ellentétben nem jelöli a bizonyosságot, továbbá a beszélő mondanivalójának létjogosultságát sem érinti. Az információ forrását minden nyelv képes kifejezni valamilyen módon, de nem minden nyelv rendelkezik grammatikai jelölőkkel, vagy teljes evidenciális rendszerrel [Aikhenvald 2018: 4].

Bizonyos nyelvek az információ forrását lexikai jelölőkkel fejezik ki a beszéd során (1), ilyen nyelv például a magyar, az orosz, vagy az angol is [de Haan 2013a].

(1) Magyar

Éjjel állítólag egy egerészölyv szállt be a templom ablakán.

¹ Máig vita tárgyát képezi a kérdés, hogy a komi-permják vajon a komi egyik nyelvjárása, vagy önálló nyelvként tarthatjuk számon.

² A beszermán egy napjainkra eludmurtosodott törökségi nép Észak-Udmurtiában, mely kultúrájában és nyelvében is számos török és tatár elemet őrzött meg.

Evidencialitásról mint grammatikai kategóriáról egy nyelvben csak akkor beszélhetünk, ha az adott nyelv az információ forrását grammatikai jelölőkkel, például affixumokkal, segédigékkel vagy partikulákkal fejezi ki [Havas 2015]. Ilyen típusú nyelvek például a török, az udmurt vagy a komi is, ahol az evidencialitást az igeragozás kódolja (2).

(2) Török

Ahmet gel-di.

Ahmet megérkezik-PST2.DIR.EVID

‘(Úgy látszik) Ahmet megérkezett.’ [de Haan 2013b]

Számos grammatikai evidencialitással rendelkező nyelvben az evidencialitás hatásköre egy mondat, tagmondat vagy főnévi frázis. Más nyelvi kategóriához hasonlóan, egy olyan evidenciálisnak, melynek hatóköre a tagmondatra terjed ki, létezhet egy speciális jelölője más jelentésárnyalatok nélkül, tehát az evidencialitás egyedi eszközzel van kifejezve. Emellett az evidencialitás megjelenhet fúzióban más nyelvi kategóriákkal egyazon alakon, általában az igeidő vagy az aspektus kategóriáival [Aikhenvald 2018: 8–9].

A nyelvek különböznek az evidenciális rendszereken belül való szemantikai elemek csoportosításában. Az evidenciális rendszerek különbözhetnek komplexitásukban és struktúrájukban is egymástól. A két- vagy háromsztatú rendszereket kis evidenciális rendszereknek nevezzük, míg a nagy rendszerekben négy vagy annál több evidenciális jelölővel találkozhatunk. Az 1., Aikhenvald-féle [2018: 17–18] táblázatban az evidenciális rendszerek kategorizálása látható. Ez esetben az ötosztatú rendszer a legnagyobb, de hat, hét vagy akár nyolc jelölővel rendelkező evidenciális rendszerek is előfordulnak. Ezek nagyon komplexek az információ forrásának részletes és aprólékos jelölésének köszönhetően, de nincs olyan ismert nyelv, melyben külön evidenciális jelölő létezne csak a szaglásra, az ízlelésre vagy kizárólag a tapintásra.

		I. Látás	II. Egyéb érzékelés	III. Eredmény	IV. Feltevés	V. Hallomás	VI. Kvotatív
2 elemű	A1	első kézből		nem első kézből			
	A1	első kézből	nem első kézből				
	A2	nincs		nem első kézből			
	A3	nincs				értesülés	
	A4	nincs	hallás	nincs			
3 elemű	B1	közvetlen		inferencia		értesülés	
	B2	látás	nem látási	inferencia			
	B3	látás	nem látási	nincs		értesülés	
	B4	nincs	nem látási	inferencia		értesülés	
	B5	nincs				hallomás	kvotatív
4 elemű	B6	nincs	nem látási	nincs		értesülés	
	C1	látási	nem látási	inferencia		értesülés	
	C2	közvetlen (vagy tapasztalati)		eredmény	feltevés	értesülés	
	C3	közvetlen (vagy tapasztalati)		inferencia		hallomás	kvotatív
	C4	látás	nem látási	inferencia		nincs	
	C5	közvet	eredmény	feltevés		nincs	

5 elemű		len					
	C6	nincs		inferencia		hallomás	kvotatív
	D1	látás	nem látási	eredmény	feltevés	értésülés	

1. táblázat: Evidenciális rendszerek [Aikhenvald 2018:17–18].

4. Evidencialitás az udmurtban

Az udmurt nyelvben, kijelentő módban az evidencialitás három-féleképpen jelölhető. Az evidencialitás kifejezhető analitikus és szintetikus múlt időkkal állító és tagadó mondatban. A harmadik egy lexikai jelölő, a *pe* partikula, melynek jelentése 'Úgy hallottam; azt mondták; stb.

- (3) *Vumurt nomyr važy-mte, vu pydes-y vašk-em.*
 Vumurt semmi válaszol-PST2.NEG víz alj-ILL lemerül-3SG.PST2
 'A vumurt [a vízi szellem] nem válaszolt semmit, lemerült a víz alá'
 [Самарова, Стрелкова 2013: 153]

- (4) *Mon ta kino-jez učki-škem vylem iñi.*
 én ez film-ACC lát-PST2.1SG AUX.PST2 már
 '(Úgy látszik) én már láttam ezt a filmet' [Nazarova 2014: 237]

- (5) *Pinal-jos tunne övöl koški-l'l'am, avtobus-e*
 gyerek-PL ma NEG elmegy-PST2.3PL busz-ILL
vui-l'l'amte.
 megérkezik-PST2.3SG.NEG
 'Állítólag a gyerekek ma nem mentek el, nem jött a busz'
 [Назарова 2014: 235]

- (6) *Ta vyllem jubo Sankt-Peterburg-yn gine kyldyt-emyn, pe.*
 ez hasonló oszlop Szentpétervár-INCESS csak állít-PTCP.PASS PTCL
 'Állítólag egy ilyen oszlopot csak Szentpéterváron állítottak'
 (Удмурт дунне)

Az udmurt nyelvben négy tempuszt különböztetünk meg: jelen idő, jövő idő, első múlt és második múlt. Mindegyikkel lehetséges az analitikus szerkezetek konstituálása a létige első és második múlt idejű alakjai (*val* és *vylem*) segítségével. Jelenlegi udmurt grammatikák a *val* segédigét tartalmazó szerkezeteket szemtanúsági kifejezéseként azonosítják, míg a *vylem* bármely ragozott igével alkotott szerkezete nem-szemtanúságot fejez ki. Nazarova [2014: 236–237] udmurt grammatikája a következő formákat tárgyalja.

- 1, Első múlt + *val*: szemtanúság
- 2, Első múlt + *vylem*: nem-szemtanúság
- 3, Második múlt + *val*: a beszélő lehet, hogy szemtanú volt
- 4, Második múlt + *vylem*: a beszélő nem volt szemtanú
- 5, Jelen idő + *val*: hosszantartó cselekvés; szemtanúság
- 6, Jelen idő + *vylem*: nem-szemtanúság
- 7, Jövő idő + *val*: előidejűség; szemtanúság
- 8, Jövő idő + *vylem*: előidejűség; nem-szemtanúság

A második múlt időnek morfológiailag két fő típusát tudjuk megkülönböztetni, melyek területi, illetve nyelvjárási elterjedtségük alapján kapták elnevezéseiket. A bavlí³ típus a kevésbé elterjedtebb, mégis ez az egyszerűbb a ragozási paradigmát tekintve. A kыркмасзи⁴ típus már bonyolultabb, itt az ige ragozási töve sem megegyező minden esetben. A 2–5. táblázatok az *ül* ige szintetikus ragozását mutatják be [Kozmács 2001: 20–21; Петрова, Тимерханова 2014: 271]. Megjegyzendő, hogy első múlt időben a tagadó paradigma analitikus alakokat tartalmaz, és a második múlt idejű tagadó paradigmának is van analitikus változata a szintetikus mellett. Szintén

³ Az udmurt nyelv egyik peremnyelvjárása a bavlí, melyet Délkelet-Udmurtiában és Tatársztán Udmurtfölddel határos részein beszélnek.

⁴ A kыркмасзи nyelvjárás az alnasi, a grahi, a kiznyeri és mozgjai nyelvjárásokkal együtt a déli nyelvjárási területhez tartozik.

megjegyzendő, hogy az udmurt nyelvben az *-a* ragozási tövű igék konjugációja eltér az itt bemutatott *-y* tövű igékétől.

	Igető	Időjel	Személyjel
E/1	<i>puk</i>	<i>i</i>	-
E/2	<i>puk</i>	<i>i</i>	<i>d</i>
E/3	<i>puk</i>	<i>i</i>	<i>z</i>
T/1	<i>puk</i>	<i>i</i>	<i>m(y)</i>
T/2	<i>puk</i>	<i>i</i>	<i>dy</i>
T/3	<i>puk</i>	<i>i</i>	<i>zy</i>

2. táblázat. A pukyny 'ülni' ige ragozása. Első múlt idő, állító.

	Igető	Koaffixum	Időjel	Személyjel
E/1	<i>puk</i>	<i>ške</i>	<i>m</i>	<i>e</i>
E/2	<i>puk</i>	<i>e</i>	<i>m</i>	<i>ed</i>
E/3	<i>puk</i>	<i>e</i>	<i>m</i>	<i>(ez)</i>
T/1	<i>puk</i>	<i>e</i>	<i>m</i>	<i>my</i>
T/2	<i>puk</i>	<i>e</i>	<i>m</i>	<i>dy</i>
T/3	<i>puk</i>	<i>e</i>	<i>m</i>	<i>(zy)</i>

3. táblázat. A pukyny 'ülni' ige ragozása. Második múlt idő, állító. Bavli típus.

	Igető	Koaffixum	Időjel	Személyjel
E/1	<i>puki</i>	<i>ške</i>	<i>m</i>	-
E/2	<i>puke</i>	-	<i>m</i>	<i>ed</i>
E/3	<i>puke</i>	-	<i>m</i>	-
T/1	<i>puki</i>	<i>ške</i>	<i>m</i>	<i>my</i>
T/2	<i>puki</i>	<i>l'l'a</i>	<i>m</i>	<i>dy</i>
T/3	<i>puki</i>	<i>l'l'a</i>	<i>m</i>	<i>(zy)</i>

4. táblázat. A pukyny 'ülni' ige ragozása. Második múlt idő, állító. Kyrkmaszi típus.

	Igető	Koaffixum	Időjel	Személyjel
E/1	<i>puki</i>	<i>šky</i>	<i>mte</i>	<i>je</i>
E/2	<i>puky</i>	-	<i>mte</i>	<i>jed</i>
E/3	<i>puky</i>	-	<i>mte</i>	-
T/1	<i>puki</i>	<i>šky</i>	<i>mte</i>	<i>my</i>
T/2	<i>puki</i>	<i>l'l'a</i>	<i>mte</i>	<i>dy</i>
T/3	<i>puki</i>	<i>l'l'a</i>	<i>mte</i>	<i>zy</i>

5. táblázat. A pukyny 'ülni' ige ragozása. Második múlt idő, tagadó, szintetikus.

Az első és második múlt idejű alakok között egyértelmű morfológiai különbség figyelhető meg. Az evidenciális jelentéssel kapcsolatban mindenképpen további kutatások szükségesek, hiszen máig nem tisztázott, hogy az első múlt idő kimondottan szemtanúságot vagy indirekt evidencialitást fejez-e ki, vagy a forma az információ forrásának jelölése tekintetében neutrális. Siegl [2004: 151] szerint az első múlt idő az udmurtban kizárólag múlt időt fejez ki, evidenciálisan semleges alak, míg Kubitsch [2018: 88] úgy fogalmaz, hogy az első múlt idejű igealak az evidencialitás szempontjából már kezd neutrálissá válni, de még mindig nem jelenthető ki, hogy a forma csupán múlt időt fejezne ki.

A második múlt idejű igealakokon a particípiumi eredetű *-(e)m* szuffixum fejez ki az evidencialitást. Ezt az elemet a személyjel előzi meg, de ennek használata többes szám harmadik személyben opcionális. Az igei személyjelek opcionálitása (és az igei forma különböző funkcióinak használata is) dialektusfüggő [Csúcs 1990: 50–51].

A (7) és (8) példánál látható a különbség az első és második múlt idő használatával kapcsolatban. A (8) példában a beszélő nem látta, hogy Kolja tegnap megérkezett, csak másod- illetve harmadkézből jutott az információhoz. Ezzel szemben a (7) példában az első múlt idő használata azt jelzi, hogy a beszélő akár szemtanúja is lehetett Kolja megérkezésének, ám ez nem feltétlenül van így; az első múlt idő nem jelöli kötelezően a szemtanúságot.

- (7) evidenciális/nem evidenciális
Kolja tolon lykt-i-z.
 kolja tegnap megérkezik-PST1-3SG
 ‘Kolja tegnap megérkezett’
- (8) evidenciális
Kolja tolon lykte-m.
 kolja tegnap megérkezik-PST2.3SG
 ‘(Úgy látszik/úgy hallottam, hogy) Kolja tegnap megérkezett’
 [Siegl 2004: 29].

Összegezve, az udmurtban az evidencialitás grammatikai kategória, hiszen egy grammatikalizálódott forma, egy evidenciális jelölő fejezi ki az információ forrását. A marker az igeidőrendszerrel fuzionálva jelenik meg; pontosabban a második múlt idő alakja teszi lehetővé az evidencialitás kifejezését is több más nyelvi funkció mellett. Bár az udmurt evidenciálisok a bináris oppozíció miatt az úgynevezett ‘kis rendszerek’ kategóriájába tartoznak, az udmurtban mégsem beszélhetünk önmagában evidenciális rendszerről, hiszen a második múlt idő nem kizárólag az evidencialitás kifejezésére szolgál [Siegl 2004: 162]. Ha egy nyelvben ugyanazon alak az evidenciálissal együtt kifejezhet feltételes módot, perfektivitást vagy más nyelvi funkciót, akkor azt a jelenséget evidenciális stratégiának nevezzük [Aikhenvald 2018: 4]; ez tapasztalható az udmurt nyelvben is.

5. Az *-(e)m* szuffixumról és evidenciális funkcióinak fejlődéséről

Bár az uráli nyelvekben megjelenő grammatikai evidencialitást nem tekinthetjük sem a proto-uráliból, sem a proto-finnugorból származó alapnyelvi örökségnek, az evidenciális rendszerek mégis számos pontban hasonlítanak vagy megegyeznek ezekben a nyelvekben, nemcsak az evidencialitás kódolásának típusában, hanem az eviden-

ciális értékeket tekintve is [Skribnik, Kehayov 2018: 1]. Sok esetben nem tisztázott, hogy az uráli nyelvek mikor és miként kezdtek el az evidencialitás kategóriájával rendelkezni, így az udmurt esetében is számos kérdés vetődik fel. Aikhenvald [2004: 288–289] és Bereczki [2003: 91] szerint a második múlt idő használata a nem-szemtanúság jelölésére egy funkcionális kölcsönzés a török nyelvekből. Az elmélettel nem minden kutató ért egyet, így például Серебренников [1963] amellett érvel, hogy a második múlt idő evidenciális használata egy belső nyelvi innováció eredménye a permi nyelvekben, a máig szoros török nyelvkapcsolatok pedig az új funkció megmaradásához és megerősödéséhez járultak hozzá. A következőkben e két teóriát taglaló szakirodalom feldolgozására és bemutatására kerül sor.

Ismeretes, hogy úgynevezett anteriorok vagy előalakok evidenciálisokká fejlődhetnek, de ez a fejlődés nem érhető tetten közvetlenül. Az előalakok először általában rezultatívokká vagy perfektívekké fejlődnek, majd evidenciális jelentéssel bővülnek [Siegl 2004: 163]. Ez a fajta fejlődési tendencia valószínű az udmurt nyelvben is. Szintén tendenciálisan megfigyelhető, hogy egy forma szemantikai kiterjesztései közül az információ forrásának kifejezése válik az alak fő jelentésévé; így egy evidenciális stratégia képes evidenciális rendszerré alakulni [Aikhenvald 2018: 5].

6. A második múlt idő funkciói

A második múlt idő az udmurtban ma számos funkciót kifejezhet. Ezen funkciók kategorizálásához problémát jelenthet, hogy az evidencialitás fogalma függ maguktól a nyelvészekről, és függ a szakirodalomban tapasztalt csoportosításoktól is. Egyes nyelvészek nem sorolják az inferencialitást az evidenciális kategóriák közé [Kugler 2015: 49–53], míg mások úgy gondolják, hogy a mirativitás nem része az evidenciális rendszereknek [Aikhenvald 2018: 1]. Siegl [2004] MA szakdolgozatában kísérelte meg összegyűjteni a második múlt idő által kifejezett funkciókat. Siegl szerint a második múlt idő használatos a folklór szövegek esetén (ideértve a mitikus és rituális

szövegeket, elbeszéléseket is), illetve a másod- vagy harmadkézből származó információ kifejezésére. Az inferencialitás és mirativitás kifejezésére is ez az igei forma használatos. Emellett az alak elsődleges vagy eredeti funkciói (perfektivitás vagy előidejűség, illetve rezultativitás) szintén megjelennek [Siegl 2004: 128–142], habár az elsődleges funkciók használata elmarad a nem-szemtanúsági funkció elterjedt használatától. Egyes és többes szám első személyben a második múlt idejű igei forma a kontrol, a tudatosság és szándékosság hiányát is kifejezheti. A jelenség több, grammatikai evidencialitással rendelkező nyelvben is ismert, az udmurtban viszont az előbb említett funkciók mellett az első személyű alakok használatának oka nemcsak a kontrol, a tudatosság hiánya, hanem egy olyan cselekvés kifejezése, melyet a beszélő nem tud befolyásolni [Kubitsch 2018: 95–96].

Jelenleg azt mondhatjuk, hogy a második múlt idejű alakok elsődleges funkciója a nem-szemtanúság kifejezése, de emellett perfektív, rezultatív, miratív használata és az inferencialitás kifejezése, valamint az álmok elbeszélésének esetében is elterjedt. Az egyes alakok pontos jelentése és használatának oka kizárólag a kontextus vagy a teljes szöveg ismeretében állapítható meg.

7. Az evidenciális funkció eredetének tudománytörténeti áttekintése

A második múlt idő használatával kapcsolatban az tapasztalható, hogy a paradigma kezdetben nem volt teljes. A 20. század elejéig az *-em* szuffixummal ellátott alakokat még nem tartották verbumoknak. Egy 1927-es munkában ugyan már igeként szerepel, de a paradigmából hiányzik az egyes és többes szám első személyű alak. A komi nyelvvel kapcsolatban is hasonló jelenséggel találkozhatunk: itt Rogov 1860-as munkájában már mint igékről ír az *-em* szuffixumos alakokról, de megállapítása szerint ezek csak harmadik személyben használatosak [Siegl 2004: 51, 54]. Másrésről az alak jelentésével, funkcióival kapcsolatban is változás figyelhető meg. Jelenleg az alak fő funkciója az információ forrásának jelölése, de valószínűleg ez

egy későbbi fejlemény. A második múlt idő eleinte csak régmúltat, perfektivitást, illetve rezultativitást fejezett ki. Ezek a fogalmak nagyon közel állnak egymáshoz, de annyira mégsem, hogy ne tegyünk különbséget köztük. A perfektivitást és a rezultativitást is mindenképpen két külön funkciónak kell tekintenünk. Míg az előbbi feltételez egy időben előbbi cselekvést, történést, addig a rezultatív csupán az eredményre koncentrál [de Haan 2013b: 371].

Az udmurt nyelvben az evidenciális funkció megléte már 60 éve dokumentálható, de teljesen átfogó tanulmány nem született erről a témáról. Először Serebrennikov [1960] foglalkozott a jelenséggel, az ezredforduló után pedig Leinonen [2000] és Leinonen & Vilkuna [2000], majd pedig udmurt grammatikájában Winkler [2001] tárgyalta részletesebben a jelenséget [Siegl 2004: 30]. Szinkrón és tipológiai szemszögből Siegl MA szakdolgozatában [2004] vizsgálta részletesebben a második múlt idő alakjait és annak funkcióit a permi nyelvekben.

Az evidenciális funkció történetét illetően több hipotézis is született már. Ahogyan fentebb már szó volt róla, máig vitatott dolog, hogy ez a funkció (és emellett az alak) mikor és hogyan alakulhatott ki az udmurt nyelvben. Egyesek török hatást vélnek felfedezni a háttérben, míg más nyelvészek belső nyelvi fejlődés eredményének, megint mások alapnyelvi örökségnek tartják azt. Ez a fejezet az ehhez köthető szakirodalmat dolgozza fel.

7.1. A törökségi hatás

Az evidencialitás kategóriájának megjelenése egy nyelvben gyakran nyelvi kontaktushatás eredménye, amely tipikus jelenség több nyelvi areában ('sprachbund') is.⁵ A jelenséggel rendelkezők közül az egyik legismertebb a Balkán. Klasszikus balkáni nyelvek

⁵ Nyelvi érintkezés hatására egy, már létező evidenciális rendszer akár el is tűnhet egy adott nyelvből, vagy a rendszer struktúrája, használati köre erősen lecsökkenhet a külső hatás következtében [Aikhenvald 2004: 296].

közé tartoznak a bolgár, a macedón, a szerb, az albán, a román és a görög nyelvek. A görög kivételével mindegyikben kis evidenciális rendszert találhatunk. A területet török nyelvű népek határolják, és az Oszmán Birodalom megjelenésével a 16. században komoly nyelvi érintkezés alakult ki a török és a balkáni népek között. Aikhenvald úgy véli, hogy a balkáni nyelvekben fellelhető evidencialitás mint funkció török hatásra alakulhatott ki, ahogyan egyes finnugor nyelvekben vagy az irániiban is, hiszen a török nyelv volt az evidencialitás közép-ázsiai elterjedésének epicentruma [Aikhenvald 2004: 288–289].

Megfigyelhető egy úgynevezett „evidencialitási öv” (‘evidentiality belt’) a Balkántól egészen Szibériáig, érintve a Kaukázust és Közép-Ázsiát. Az evidenciális markerek ezen a területen változatos képet mutatnak, akár a nyelveket, akár csak az egyes nyelvi csoportokat tekintve, de maga az evidenciális rendszer és a jelölők használati jellemzői nagyon hasonlóak a terület nyelvei között [Aikhenvald 2004: 290]. Aikhenvald az előbb említett terület egyes evidenciális rendszereit összevetve egy összefüggő (evidenciális) területet lát a Balkántól Ázsiáig. Ezt az evidenciális rendszerek méretére és használati körére alapozza [Aikhenvald 2004: 290]. Ebből az szűrhető le, hogy ezen az „evidencialitási övön” belül egyértelműen areális kapcsolat eredménye az, hogy a nyelvek nagy százalékában⁶ találkozunk kisebb vagy nagyobb evidenciális rendszerrel, és ebbe a sávba a permi nyelvek is beletartoznak.

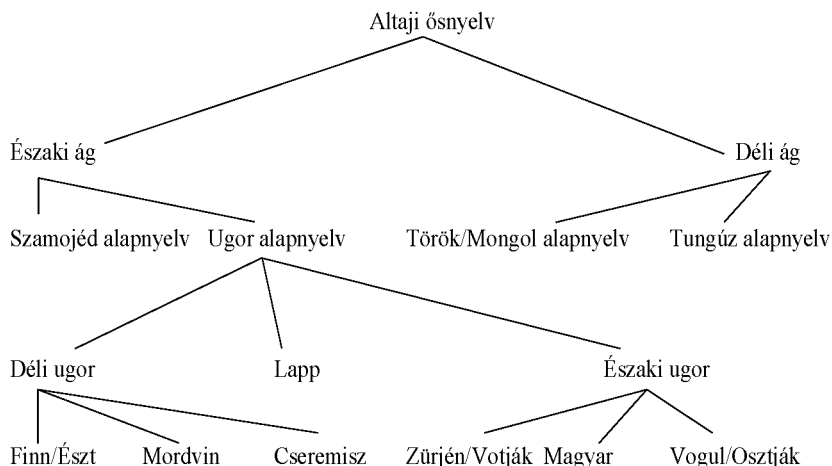
Több magyar nyelvész, köztük Bereczki Gábor is török hatást lát mind a magyar, a mari, mind pedig a permi nyelvekben. A magyar *-(t)* múlt idő jel alakilag megegyezik a befejezett melléknévi igenév képzőjével, akárcsak az udmurt nyelvben az *-(e)m* szuffixum jelöli a particípium perfektumot valamint a második múlt időt is. Bereczki szerint akár az is elképzelhető, hogy a melléknévi igenévképző

⁶ Csak néhány nyelv nem fejez ki egyáltalán, vagy csak nagyon kis mértékben evidencialitást ebben a térségben, ezek közé a nyelvek közé tartozik például a csukotko-kamcsatkai, a ket vagy a nivk is [Aikhenvald 2004: 290].

múltidő-jellé válása belső innováció eredménye, de tágabban megvizsgálva a régi magyar múltidőrendszert, más megállapításra juthatunk. A szerző a gazdag magyar múltidőrendszerre több funkciót is feltételez, hiszen a múlt idők számos alaki változata nem véletlenül fejlődhetett ki, csak nyelvi funkciókat megkülönböztető célzattal. A magyar összetett múlt idejű alakokat (*megy vala – megy volt, ment vala – ment volt*) az udmurt összetett igeidő alakokkal (*myne val – myne vylem; mynem val – mynem vylem*) hozza összefüggésbe, miszerint mindegyik alakpár második tagjában megtaláljuk a participium perfektum képzőjét, s így amellet, hogy múltbéli cselekvést fejeznek ki, azt a jelentést is magukban hordozzák, hogy a beszélő nem volt szemtanúja a cselekvésnek. Hipotézisét Simonyi Zsigmond, Horváth Károly és B. A. Serebrennikov állításaira alapozza, akik szintén hasonlóságokat véltek felfedezni a permi nyelvek és a magyar között, vagy a török, a magyar és a permi nyelvekben [Bereczki 2003: 91]. A következőkben e három szerző művét vizsgálom meg.

Simonyi Zsigmond 1889-es munkájában néhány példán szemlélteti, hogy az udmurt és a régi magyar múlt idők sok hasonlóságot mutatnak, s foglalkozik mind a szintetikus, mind az analitikus formákkal [Simonyi 1889: 255]. Megemlíti az igeragozás „újdonságait”, például a *-tt* jellel ellátott befejezett igealakot, valamint a számos összetett igealakot. Ez utóbbiak létrejöttét úgy véli, még alapnyelvi korszakra tehetjük, hiszen más rokonnyelvünkben is megtalálhatók [Simonyi 1889: 77]. „De a vogul-osztják kivételével az összes ugor nyelvekben meglegljük a mi elbeszélő időalakunk pontos megfelelőjét” [Simonyi 1889: 254]. Ha megnézzük a műben szereplő nyelvcsaládfát, láthatjuk az adott kor általános felfogását a nyelvrokonságunkat illetően, illetve, hogy pontosan mit is ért a szerző ’ugor’ nyelveken. Eszerint „pontos megfelelőt” kell találnunk a finn, észt, mordvin, mari, komi és udmurt nyelvekben is. Simonyinál még nem találunk utalást a török nyelvekkel való szerkezeti hasonlóságokra.

1. ábra: Nyelvcsaládfa, 19. század

[Simonyi 1889: 80]

Horváth Károly cikkében az összetett igealakokra koncentrált, és példákon keresztül szemlélteti, hogy a magyar összetett múlt idő nagyban megegyezik az udmurt, a komi és a mari múlt időekkel. Ezek az alakok perfektivitást jelölnek, a mari egyes nyelvjárásaiban viszont ez deziderativitást is kifejezhet, de elmondása szerint ezen szemantikai alternáció problémás számára, emellett pedig ugyanez a jelenség egyes keleti magyar nyelvjárásokban is fellelhető [Horváth 1944].

Serebrennikov 1963-as munkájában amellett érvel, hogy a közpermi korban (a 10. századdal bezárólag) még nyoma sem volt a második múlt időnek. A jelenséget a mari, illetve a permi nyelvekben önálló nyelvi fejlődés eredményének gondolja, de leszögezi, hogy mindenképpen – ha nem is közvetlenül – külső hatás is befolyásolta kialakulásukat és megmaradásukat (például a török nyelvekkel való szoros areális kapcsolatok). A közpermi korban, ha nincs is kimondottan második múlt idő, vannak viszont úgynevezett Px-ekkel ellátott főnevesült igék, melyek akár egy külön szóosztályt is

alkothattak, hiszen ezek csak olyan jelenségekre utalhattak, melyek eleve magukban foglalták a befejezettséget (például *meghal*, *kiszárad*, *elesik*), és eredményük a jelenben érzékelhető. Idővel ezek a főnevesült igék elkezdtek predikatív pozícióban is szerepelni, de kezdetben csak egyes szám harmadik személyben. Ebből alakulhatott ki a ma perfektumnak nevezett forma, de paradigmája hiányos maradt. Azt Serebrennikov is felismerte, hogy a világ nyelveiben számos példa található a perfektív alapra épülő, evidenciális vagy nem-szemtanúsági jelentésárnyalatra, és hogy nyelvek képesek egy-egy alakot újabb funkciókkal felruházni. Példaként többek között a török, mari, manysi, nyenyec, bolgár, finn, albán és grúz nyelveket hozza [Серебренников 1963: 266]. A perfekt alakok rezultativitást és befejezettséget jelentettek alapvetően. A szerző a nem-szemtanúsági funkciót a modalitásba sorolja, és úgy látja, hogy ezen 'modális jelentésárnyalat' perfektumi igeidőre való ráépülésének folyamata nem követel bonyolult vizsgálatot. A perfekt alakok tipológiailag is számos nyelvben viselkednek így világszerte, nem egyedülálló jelenség, hogy a befejezettséget és/vagy rezultativitást kifejező alakok evidenciális jelentésárnyalatokat is magukra vesznek.

Tovább gondolva Serebrennikov elméletét, lehetséges, hogy később ez a szemantikai kötöttség, mely miatt csak perfektivitást jelentő fogalmak vehették fel ezt az alakot, meglazulhatott, és már olyan – nevezzük itt – igék is felvehették, melyek nem jelentettek befejezettséget (például *fut*, *alszik*, *eszik*). Ezzel lehetőség adódott arra, hogy a paradigma kiegészüljön, és további számra és személyre is kiterjedjen. Ez a kiegészülés adhatta az alapot ahhoz, hogy újabb funkciókkal, szemantikai árnyalatokkal bővüljön az új ragozási paradigma.

Az egyes szám első személy esete különleges, erre Serebrennikov külön kitér 1963-as művében. Az evidencialitás elterjedésekor (de legalábbis a funkció megjelenése után) a perfektum elkezdett eltűnni az egyes szám első személyből, helyére pedig az *-sk-* jelenidő jel

került⁷. Ez a gondolat egyébként logikus lenne, hiszen első szám első személyben beszélni olyanról, aminek nem voltunk szemtanúi, logikailag lehetetlen⁸. Ugyancsak tovább gondolva ezt a szálát is (tehát ha elképzelhetőnek tartjuk ezt a fejlődési folyamatot), lehetséges, hogy kezdett eltűnni egyes szám első személyből a perfektum (itt kimondottan a befejezettséget és rezultativitást jelentő funkciók), de még mielőtt az udmurt nyelvterület teljes egészéből kiveszett volna, megjelentek azok a jelentésárnyalatok, melyeket szintén a második múlt idővel fejeznek ki ezután, viszont kifejezésükhöz szükségeltetik az egyes szám első személy, ilyen például a mirativitás, a kontrol és tudatosság hiánya, valamint az álmok elbeszélése is. Ezután a perfektum újra elterjedhetett minden személyben.

Ha ennek ismeretében, és az eddig kifejtetteket elfogadva még egyszer megnézzük a két ragozási típust, a bavli és kirykmaszi típusokat, akár az is lehetséges, hogy a bavli volt az, melyből még el sem kezdett eltűnni a perfektum, a már meglévő alakon megjelentek a további funkciók. A kirykmaszi típusból már elkezdett eltűnni, vagy el is tűnt, mire az új funkciók megjelentek. Így magyarázható lenne a többféle ragozási paradigma létezése és a kirykmaszi típus alaki összetettsége, s nem utolsósorban a két paradigma areális megosztottsága.

Bereczki Gábor szerint a vizsgálatok után egyértelmű, hogy a mariban és a permi nyelvekben megjelenő múltidőrendszer török eredetű, „amiből az következik, hogy a velük formailag megegyező magyar is az, de a török hatás megszűntével a magyarból kiveszett a szemtanúsági és nem-szemtanúsági árnyalat megkülönböztetése” [Bereczki 2003: 91]. A következtetést annak ellenére vonja le, hogy

⁷ Az itt jelenidőjelnek titulált, eredetileg frekventatív képző *-sk-* morfémaról lásd: Kozmács 2007.

⁸ És hasonlóképpen 'logikusnak' gondolják a komi-zürjén és komi-permják leíró nyelvészeti szakirodalomban, hiszen ezekben a nyelvekben a második múlt idő paradigmájában az első személyű alakok nem ismeretesek [Kozmács 2007: 129].

egyik szerző sem mondta ki egyértelműen, hogy akár a mari, a magyar vagy a permi nyelvekben török hatásra alakultak ki az evidenciális funkciók. Bereczki szerint Serebrennikov túl óvatosan fogalmaz írásában, ahol nem jelenti ki egyértelműen, hogy ezek az igeidőalakok török hatás eredményei lennének, hiszen ennyi közös tulajdonság nem fejlődhet ki egymástól teljesen függetlenül [Bereczki 1998a: 212; 1998b: 191].

Fontosnak tartom szétválasztani az analitikus és szintetikus formákat funkcióiktól. A magyarban a nem-szemtanúsági vagy elbeszélő múltat mindenképpen analitikus múlt idők fejezték ki, míg az udmurt és a komi nyelvekben ez a funkció elsősorban a szintetikus alakokon él, bár egyes esetekben analitikus formák is kifejezhetnek evidencialitást.

Tagadhatatlan, hogy a permi népek már igen korán kapcsolatba kerültek török népekkel. Az udmurt nyelvben és kultúrában egyaránt jelentős tatár hatás érezhető. Már a permi népek szétválása idején, tehát a 8-10. század között megérkeznek a területre a bolgár-törökök és a 9. század elejére megalakul a volgai-bolgár birodalom. A korra tehető udmurt-török érintkezésekre bizonyítékkul szolgál a körülbelül két tucatnyi közép-bolgár jövevényszó az ősspermi nyelvben [Csúcs 1979: 366]. Csúcs Sándor az analitikus igealakokkal kapcsolatban megjegyzi, hogy kicsi a valószínűsége annak, hogy török hatásra alakultak volna ki, hiszen az ősspermiben mindösszesen az előbb említett néhány jövevényszó maradt fenn a bolgár-török érintkezésekből. Az ősspermi kor után már nem számolhatunk török hatással a komiban, és véleménye szerint, ha az udmurtban mégis török hatás eredményei lennének az analitikus alakok, a komiban mindenképpen kizárhatjuk ezt a lehetőséget. Csúcs itt csak az alaki egyezésről, illetve nem egyezésről beszél, az alak funkcióiról nem esik szó [Csúcs 2007: 96].

Az udmurtoknál ezzel szemben továbbra is számolhatunk török nyelvi kontaktussal, hiszen ezidőben, a 9. századtól kezdve bolgár csoportok költöznek udmurt lakta területekre, akiket ma beszermánok-

nak hívunk. A 13. század első felében a mongolok elfoglalták a volgai bolgárok birodalmát, s így az udmurtok és marik lakóhelyét is. Ezután ezen a területen alakult meg a kipszak kánság, melyet ma Arany Horda néven ismerünk. Az Arany Horda lakosságának legnagyobb része török volt, az uralkodó nyelv pedig a kipszak (török) lehetett. Már ezekben az időkben elindulhatott a jövevényszavak átvétele az udmurtba. Az igazán intenzív udmurt-tatár érintkezés a 14–15. században kezdődött meg, hiszen a 14. századra került az egész udmurtság tatár uralom alá, amikor megkezdődött a tatárok⁹ udmurt és mari területekre való beköltözése [Csúcs 1979: 366–368].

Csúcs a történelmi adatokra alapozza hipotézisét, mely szerint a komi nyelv(ek)ben nem lehetséges, hogy a második múlt idő akár alakilag, akár funkcióit tekintve török nyelvi hatás eredménye legyen. Az udmurt nyelvben nem veti el a törökségi hatás lehetőségét, mivel az udmurt nyelvű csoportok sokkal később is érintkeztek még török nyelvű népekkel, olyannyira, hogy egyik csoportjuk, a beszermánok valójában mára eludmurtosodott, eredetileg török népcsoport.

Rédei Károly *Vannak-e az előmagyar – permi érintkezésnek nyelvi nyomai?* [1964] című cikkében arra a következtetésre jut, hogy a magyar és a permi nyelvekben meglévő analitikus igealakok vagy párhuzamos fejlődés eredményei, vagy pedig külső, török hatásra jöttek létre, azonban sem a magyarban, sem a permi nyelvekben nem lehet kölcsönös egymásra hatást feltételezni. Erre bizonyítékként a mindösszesen 2-3 permi jövevényszót hozza fel a magyar nyelvben. Az ilyen kis számú kölcsönzés miatt feltételezhetjük, hogy a kapcsolat az előmagyarok és a permiek között nagyon laza lehetett, s ezért az egyes hangtani egyezéseket sem vehetjük permi eredetűnek nyelvünkben [Rédei 1964: 259]. Rédei többek között Zsirai Miklós, Ligeti Lajos, Bárczi Géza, Moór Elemér, Pais Dezső, Hajdú Péter és

⁹ A *tatár* elnevezés sok tekintetben problémás, manapság több törökségi népet is tatárokként emleget a szakirodalom, pedig eredetileg egy mongol törzs elnevezése volt [Johanson, Á. Csató 1998: 6].

B. A. Serebrennikov gondolataira alapozza elméletét. Ligeti Lajos szerint az előmagyar – permi érintkezéseknek i. e. 1000 körül kellett bekövetkezniük, amikor a finnugor nyelvcsalád többi tagja már elszakadt a permi népektől. A későbbi magyarokká alakult ugor csoport még sokáig közeli, de ugyanakkor laza kapcsolatot ápolhatott a permi népekkel [Rédei 1964: 253]. Moór a magyar és permi nyelvek hangrendszerében és morfológiájában mutatkozó hasonlóságokat szoros kapcsolat eredményeinek véli, s a szerző Serebrennikovot emeli ki, mint egyetlen külföldi tudóst, aki egyetért a korai magyar – permi érintkezések meglétével, és a magyar összetett igeidők kialakulását is permi hatásnak gondolja [Rédei 1964: 254].

Rédei 1964-es megjelenésű cikke írásakor már ismerhette Serebrennikov 1956-os és 1963-as munkáját is. Ebben Serebrennikov nem állít olyat, hogy a magyar nyelvben az összetett igeidők permi kölcsönzések lennének. Fejlődésükben közös vonásokat felismer ugyan, és későbbi cikkében nem veti el a külső nyelvi hatások befolyását sem, de egyértelmű kijelentést nem tesz a magyar és permi összetett igeidők kapcsolatát illetően. Az idézett cikkben Serebrennikov így fogalmaz: „A magyar nyelv és a permi nyelvek számos rokon szókincsbeli és szerkezeti sajátága, továbbá a hangcsoportok fejlődésének néhány közös vonása, valamint a magyar nyelv és a baskír nyelv bizonyos rokon hangtani tulajdonságai *arra engednek következtetni*, hogy a gyakorító vagy tartós cselekvést jelentő múlt idő a magyarban még abban az időben keletkezett, amikor a magyarság elődei az Urál vidékén, a permi népek szomszédságában éltek.”

Pais Dezső szintén intenzív kapcsolatot feltételez, és lehetségesnek tartja, hogy a magyarság egyrészt ugor, másrészt permi elemekből alakult ki [Rédei 1964: 254].

Egy érdekes és elgondolkodtató kérdést fogalmaz meg Hajdú Péter a témával kapcsolatban: „önmagában véve semmi különös nincsen abban, hogy az ugorok és a finn-permiektől, majd később az ugorok és a permiektől kapcsolataik nem szakadtak meg teljesen. Csupán az vitatható,

hogy lehettek-e ezek a kapcsolatok annyira mélyek, hogy egyező nyelvfejlődési mozzanatok okozzanak?” [Rédei 1964: 255].

Rédei Károly 2007-es cikkében nem veszi fel a második múlt időt az udmurt igeidők közé: „A mai votják nyelvben három igeidő van: jelen idő (...), múlt idő (...), jövő idő (...)”. Ezek tagadó alakját nem ismerteti, csupán a kijelentő alakokat, de megjegyzi, hogy a tagadást „olykor” az *-mte/-amte* tagadóalakos igenévképzővel képzik. Ez az alak a mai udmurt grammatikák és nyelvkönyvek szerint [Samarova, Strelkova 2013: 154] a második múlt idő szintetikus tagadó formája. Ennek a szintetikus alaknak a képzését viszont bolgár-török, tatár minta másolásának tartja [Rédei 2007: 164–165]. A szerző megjegyzi, hogy itt a szemtanúsági és nem-szemtanúsági múltakkal nem foglalkozik, ehhez Rédei 1978, Bereczki 1983 és 1984 hivatkozásait ajánlja [Rédei 2007: 165]. Ebből megtudhatjuk, hogy a komi-zürjén nyelvben Rédei az első múlt időt egyértelműen szemtanúsági múltnak nevezi, de használatára vonatkozólag úgy fogalmaz: „Nagyon gyakran olyan cselekvést vagy történést fejez ki, amelynél a beszélő valóságban vagy képzeletben jelen volt” [Rédei 1978: 79].

Pomozi is egyértelműnek tartja a török hatást a Volga-Káma vidéki nyelvekben, de szerinte óvatosan kell kijelentéseket tennünk a grammatikai vagy lexikai kölcsönzéseket illetően, hiszen a történeti-tipológiai vizsgálatok mindössze arra adnak választ vagy akár bizonyítékot, hogy egyes nyelvek érintkeztek-e egymással a múltban, de a kölcsönzések irányát nem tudhatjuk meg belőlük [Pomozi 2011: 94]. A szerző munkájában a magyar, illetve a mari analitikus múlt időkre, emellett pedig az evidencialitás funkcióra koncentrált, és kiemeli, hogy sok hasonlóságot mutat a magyar a mari, a permi és a török nyelvekkel, ezért az areális hatást véli valószínűnek az evidenciális funkció és az analitikus igeidőformák kialakulásában. Így fogalmaz: „Ennyire kiterjedt szerkezeti egyezések sora ugyanis nem lehet véletlen...”. A Volga-Káma vidéki nyelvekben fellelhető párhuzammal kapcsolatban szerkezeti párhuzamról beszél, mely

kialakulásának oka a török nyelvekben létező evidenciális kétpólusú rendszer megléte [Pomozi 2011: 96].

7.2. Belső nyelvi innováció és alapnyelvi örökség

Tipológiaiilag elképzelhető, hogy saját nyelvi fejlődés eredményeképp jön létre egy adott nyelvben az evidencialitás mint nyelvi funkció, mely aztán olyan más nyelvekkel kerül kontaktusba, ahol az evidencialitás szintén létező kategória, s ez erősíti annak megmaradását az adott nyelvben. Emellett pedig találunk példát olyan jelenségre is, hogy az evidencialitás kialakulását többszörös nyelvi kontaktusnak köszönheti egy nyelv, tehát akár több nyelv is hozzájárul a kategória kifejlődéséhez [Aikhenvald 2004: 289].

Serebrennikov 1956-os cikkében felhívja a figyelmet a régi magyar és a permi igeidőalakok hasonlóságára, ahol az analitikus alakokat ezekben a nyelvekben [főige + létige múlt idejű alakja] módszerrel képzik. Ezeknél az alakoknál a főigét ragozzuk számban és személyben, a létige alakja változatlan minden esetben. A magyarban megkülönbözteti a tartós vagy duratív funkciójú múlt időt (főige jelen idejű alakja + *vala*) és a befejezett múlt béli cselekvést jelölő múlt időt (főige múlt idejű alakja + *vala*). Az ilyen képzési módra nem találunk példát a minket körülvevő indoeurópai nyelvekben, és legközelebbi nyelvrokonainknál, a hantiban és a manysiban sem. Megjegyzi, hogy egyes török nyelvekben, például a tatárban vannak ugyan analitikus alakok, de képzésük eltér a magyar és permi képzésmódtól, ezért a szerző nem külső, török hatás eredményének gondolja az ilyen analitikus alakok kifejlődését, sokkal inkább magunkkal hozott örökségnek látja. Nem véletlen, hogy ezek az analitikus szerkesztésmódú alakok a magyarban, a permi nyelvekben és a mariban vannak meg: még abból az időből hozhattuk magunkkal, amikor a magyarok és a permi népek ősei egymás szomszédságában éltek az Urál vidékén [Serebrennikov 1956: 199–200].

Mint azt már fentebb említettem, Serebrennikov 1963-as művében szintén a közös nyelvi örökséget tartja valószínűnek, de itt már nem zárja ki, hogy a török hatás hozzájárulhatott az alak megőrződéséhez a mari és a permi nyelvekben [Serebrennikov 1963: 266]. Talán enyhe ellentmondás érezhető az 1956-os és az 1963-as cikkek között. Míg az előbbi cikkben úgy látja, hogy a török múlt idők képzési gyakorlata nem egyezik meg sem a magyar, sem a permi nyelvek múlt idejű alakjaival, így nem tartja valószínűnek a török minta kölcsönzését ezekben a nyelvekben, a későbbi cikkében viszont (bár óvatosan fogalmazva) nem zárja ki a török befolyást a paradigma kifejlődésében. Későbbi cikkében a szerző azt mondja, hogy a perfekt igeidőnek még nyoma sincs a közpermi korban. Tudjuk, hogy később erre épül rá az evidenciális funkció. Igaz, korábbi cikkében az analitikus alakokkal foglalkozik, de ez esetben szintén nincs elválasztva egymástól az alak és a funkció, ugyanis az analitikus alakok nem (vagy nem teljes mértékben) egyeznek meg funkciójukat tekintve a magyar, a mari és permi nyelvekben.

Honti 2001-es cikkében összegzi, hogy az általános vélekedés szerint a permi nyelvek és a mari az analitikus igeidőket török hatásra kezdték el kialakítani saját nyelvükben, míg a finnugri nyelvek és a számi nyelvek germán vagy balti hatás következtében ismerik ma nyelvükben az összetett formákat. Továbbá hozzáteszi, hogy ez a kérdés a magyar nyelvvel kapcsolatban is megfogalmazódott már, és ez esetben is bolgár-török külső hatást vélnek felfedezni a nyelvészek. A szerző helyesen látja, hogy ezen alakok vizsgálata során nem elég morfológiai kutatásokat végezni, hanem az alak funkcióit, ez esetben az alanynak az eseményhez fűződő viszonyát is szemügyre kell vennünk. E viszony lefedi a cselekményben való részvételt, vagy

szemtanúságot és ennek ellenkezőjét, a cselekményhez kötődő közvetett viszonyt. Ez utóbbit Honti auditívuszi funkciónak nevezi¹⁰.

Honti szerint az összetett alakú igeidőket és az auditívuszi funkció megjelenését nem kell idegen hatásnak vélni sem a magyar, sem más finnugor nyelvben. Mivel az alapnyelvben is voltak már particípiumok, az esély mindenképpen megvolt, hogy ezek tempuszokká fejlődjenek, hogy analitikus alakok részei legyenek, és auditív funkciót kapjanak [Honti 2001: 245].

Kozmács Istvánnál olvashatjuk, hogy az általa 'narratívának' nevezett paradigma (amit ebben a munkában végig második múlt időnek jelöltem) kifejlődése már az ősermi korban kezdetét vehette, ezért találunk nagyon hasonló szerkezeteket a komi-zürjénben és a komi-permjákban is, az udmurt két legközelebbi nyelvrokonában. Kozmács 2007-es cikkében a szintetikus alakokkal foglalkozik, és azon belül is a kerykmaszi típust tárgyalja részletesen, részben az *-šk-* elem története miatt. A cikkben nem cáfolja, de nem is áll egyértelműen a török hatást valószínűsítő elmélet mellé, de megjegyzi, hogy érdemes elgondolkodni Csúcs érvein (lásd fentebb) [Kozmács 2007: 129–130].

Kozmács az *-šk-* képző megjelenését az udmurtban már a nyelv saját korára teszi. Az eredetileg intranszitiváló *-šk-* képző elveszíthette eredeti jelentését, és így kerülhetett a jelen idejű ragozási paradigmába, amiben ma jelenidő jelként jelenik meg. A képző időjelle fejlődésének analógiájára jelenhetett meg a *-l'l'a* multiplikatív képző a többes

¹⁰ Honti hibázik, amikor azt állítja cikkében, hogy „A permiben, a cseremiszenben, a tatárban és a csuvasban az analitikus múlt idők egy részének van auditív funkciójuk (míg a szintetikus múlt időknek és a többi analitikus múlt időnek nincs)...” [Honti 2001: 242]. A permi nyelvek esetében főleg a szintetikus (második) múlt időt használják az itt auditívusznak nevezett, nem-szemtanúsági funkció kifejezésére. Emellett viszont igaz, hogy az analitikus alakok egy részének van ilyen, vagy hasonló funkciója, legalábbis ami az udmurt nyelvet illeti, hiszen például a komi-permják nyelv egyáltalán nem használja az információ forrásának kifejezésére az analitikus alakokat.

szám második és harmadik személyű alakjaiban. Ennek oka, hogy az egyes és többes szám első személyű alakokon megjelent a sajátos funkciót morfológiailag is hordozó elem, és így lehetőség nyílt más funkciók, például a többesség morfológiai kódolására [Kozmács 2007: 132–133].

Az *-(e)m* participiumi eredetű második múltidő-jel viszont egyértelműen mutatja a térség nyelvei közötti areális kontaktust. Legközelebbi rokon nyelveiben, a komi-zürjénben és komi-permjákban is a szintén participiumi eredetű *-öm-* morféma használatos a második múlt idő jeleként.

Mint láttuk, a második múlt idő bavli típusú ragozása nem tartalmazza az *-šk-* képzőt, de formailag ugyanakkor pontosan megfelel a tatár régmúlt igeidő struktúrájának. A bonyolultabb igealakok megjelenését a folyamatos tatár kontaktus gátolhatta [Kozmács 2007: 132].

8. Konklúzió és további vizsgálatok

A kérdés eldöntéséhez, t.i. hogy az evidencialitás az udmurt nyelvben honnan és milyen módon alakult ki, további vizsgálatok szükségesek. Az elmúlt évtizedek témával foglalkozó szakirodalmának feldolgozása után egy empirikus történeti-tipológiai vizsgálat szükségeltetik a világ nyelveinek evidenciális rendszereiről. Az udmurt evidenciálisok kérdésében is segítséget nyújtana egy átfogó kutatás, melyben az evidenciálisok fejlődési tendenciája állna fókuszban. Ha az egyes nyelvek között elkülöníthetők lennének fejlődési sémák aszerint, hogy az evidencialitás a nyelvben külső hatás, vagy belső nyelvi innováció (esetleg alapnyelvi örökség) eredményeként létezik, az udmurtban is feltárható lenne az evidenciális funkció eredete. A mai, szinkrón állapot feltérképezését az alakhoz és annak használatához a 2020. márciusában megkezdett (és azóta is folyamatban levő) nyelvészeti kutatás eredményei adják. Az evidencialitás jelenleg egy felkapott terület a nyelvészetben, így ma már számos és egyre több

munka, dolgozat, tanulmány jelenik meg a témában, melyek mind segítséggül szolgálhatnak az evidencialitás szinkrón és diakrón vizsgálatához a jövőben.

Список использованной литературы и источников

Назарова Е. В. Удмурт кыл: дышетскон книга / Е. В. Назарова. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2012. – 428 с.

Петрова А. В., Тимерханова Н. Н. Удмурт-мадяр-žуч вераськон кылбугор = Udmurt-magyar-orosz társalgási szótár = Удмуртско-венгерско-русский разговорник / А. В. Петрова, Н. Н. Тимерханова. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2014. – 283 с.

Росстат. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. 2011. [Электронный ресурс]. – URL: (www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/) (дата обращения: 05.06.2020).

Самарова М. А., Стрелкова О. Б. Лабыр-лабыр лабиртом! Поговорим от души: учебное пособие для студентов филологических и нефилологических факультетов / М. А. Самарова, О. Б. Стрелкова. – Ижкар: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 244 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / Б. А. Серебренников. – М.: Издательство академии наук СССР, 1963. – 392 с.

Удмурт дунне. – 2007-тй ар. – № 7.

Aikhenvald A. Evidentiality / A. Aikhenvald. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 452 p.

Aikhenvald A. Evidentiality. The framework / A. Aikhenvald // The Oxford Handbook of Evidentiality / Edited by A. Aikhenvald. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 1–43.

Bereczki 1998 a – *Bereczki G.* A török nyelvek hatása a magyarra / G. Bereczki // *Urálisztikai Tanulmányok 8: Ünnepi könyv Bereczki Gábor 70. születésnapjának tiszteletére.* – Budapest, 1998. – P. 207–217.

Bereczki 1998 b – *Bereczki G.* A Volga-Káma-vidék nyelveinek areális / G. Bereczki // *Urálisztikai Tanulmányok 8: Ünnepi könyv Bereczki Gábor 70. születésnapjának tiszteletére.* – Budapest, 1998. – P. 179–207.

Bereczki G. A magyar nyelv finnugor alapjai / G. Bereczki. – Budapest: Universitas Könyvkiadó, 2003. – 82 old.

Csúcs S. A votják-tatár nyelvi kapcsolatok és történeti háttérük / S. Csúcs // *Nyelvtudományi Közlemények* 81./1. – Budapest, 1979.

Csúcs S. Chrestomathia Votiacica / S. Csúcs. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1990. – 223 old.

Csúcs S. A permi-magyar nyelvtörténeti párhuzamok / S. Csúcs // *Nyelvtudományi Közlemények* 104. – Budapest, 2007.

de Haan 2013a – *de Haan F. Coding of Evidentiality* / F. de Haan // *The World Atlas of Language Structures Online* [Электронный ресурс]. – Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. – URL: <http://wals.info/chapter/1> (дата обращения 17.03.2019).

de Haan 2013 b – *de Haan F. Semantic Distinctions of Evidentiality* / F. de Haan // *The World Atlas of Language Structures Online* [Электронный ресурс]. – Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. – URL: <http://wals.info/chapter/1> (дата обращения 17.03.2019).

Havas F. Evidencialitás kódolása / F. Havas // Havas F., Csepregi M., F. Gulyás N., Németh Sz. *Az ugor nyelvek tipológiai adatbázis*. – Budapest: ELTE Finnugor Tanszék, 2015.

Honti L. Idegen minták tükrözői-e a magyar és más uráli összetett tempusok? / L. Honti // *Folia Uralica Debreceniensia* 8. Ünnepi könyv Keresztes László tiszteletére. – Debrecen, 2001.

Horváth K. A vala, volt, volna elemű igealakjaink / K. Horváth // *Magyar Nyelv* 40., Magyar Nyelvtudományi Társaság. – Budapest, 1944.

Johanson L., Csató É. The Turkic languages / L. Johanson, É. Csató. – London, New York, 1998.

Kozmács I. Az udmurt (votják) nyelv alapjai / I. Kozmács. – Budapest, 2001. – 94 old.

Kozmács I. Az udmurt nem láthatósági múlt paradigmájának történetéhez / I. Kozmács // *A nyelvtörténeti kutatások újabb eredményei* 5. – Szeged, 2007. – P. 127–136.

Kubitsch R. Az evidencialitás és az első személy kapcsolata az udmurt nyelvben / R. Kubitsch // Nyelvtudományi Közlemények 115. – 2018. – P. 85–108.

Kugler N. Megfigyelés és következtetés a nyelvi tevékenységben / N. Kugler. – Budapest, 2015. – 282 old.

Pomozi P. A magyar múltidőrendszer térben és időben az evidencialitás tükrében / P. Pomozi // Tér, idő, társadalom és kultúra metszéspontjai a magyar nyelvben. A 7. Nemzetközi Hungarológiai Kongresszus két szimpóziumának előadásai. – Kolozsvár, 2011.

Rédei K. Vannak-e az előmagyar-permi érintkezésnek nyelvi nyomai? / K. Rédei // Nyelvtudományi közlemények 66/1. – Budapest, 1964.

Rédei K. Chrestomathia syrjaenica / K. Rédei. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1978. – 197 old.

Rédei K. Belső és külső innovációk a votják nyelvben / K. Rédei // Nyelvtudományi Közlemények 104. – Budapest, 2007. – P. 153–168.

Serebrennikov B. A. A finnugor nyelvek történetének néhány kérdése / B. A. Serebrennikov // Nyelvtudományi Közlemények 58. – Budapest, 1956.

Siegl F. The 2nd past in the Permic languages. Form, function and a comparative analysis from a typological perspective: MA thesis / F. Siegl. – Tartu, 2004. – 189 p.

Simonyi Z. A magyar nyelv / Z. Simonyi. – Budapest, 1889. – 298 old.

Skribnik E., Kehayov P. Evidentials in the Uralic languages / E. Skribnik, P. Kehayov // The Oxford Handbook of Evidentiality / Edited by A. Aikhenvald. – Oxford: Oxford University Press, 2018. –P. 525–553.

Стрелкова Ольга Борисовна

Россия, г. Ижевск,

Удмуртский государственный университет

«БОЛЬШОЙ УДМУРТСКИЙ ДИКТАНТ»: ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИИ И ПУНКТУАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы орфографии и пунктуации, выявленные в ходе проведения межрегиональной образовательной акции «Бадžым Удмурт Диктант».

Ключевые слова: удмуртский язык, Бадžым Удмурт Диктант, орфография, пунктуация.

С 2012 года организуется Бадžым Удмурт Диктант (БУД) – тотальный удмуртский диктант, межрегиональная образовательная акция, которая проводится по радио, все желающие из любой географической точки могут проверить свои знания по удмуртскому языку. Количество участников год от года растет. География участников данной акции достаточно широка: кроме жителей республики к диктанту присоединяются удмурты из Москвы, Санкт-Петербурга, Эстонии, Финляндии, Венгрии...

Организаторами Диктанта являются Государственное унитарное предприятие Удмуртской Республики «Телерадиовещательная компания «Удмуртия», Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Министерство национальной политики Удмуртской Республики, Межрегиональная общественная организация «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт Кенеш».

Как известно, в настоящее время в удмуртском правописании нет единых правил. После выхода в свет орфографического словаря 2002 года [УКШГК 2002] наметились спорные моменты как в орфографии, так и в пунктуации. Люди старшего поколения пишут по старым правилам 1984 года [УОС 1984], молодое поколение находится в некотором смятении и пишет по своим, понятным лишь себе, законам. Но, так или иначе, ощущается конфликт между старыми нормами и новыми тенденциями, что еще раз подтверждает необходимость систематизации, стандартизации, унифицирования правил правописания в удмуртском языке.

В связи со сложившейся ситуацией, авторские тексты диктантов, которые пишутся специально для данной акции известными писателями, научными деятелями, редактируются оргкомитетом таким образом, чтобы и по старым, и по новым нормам было единое написание, не наблюдалось расхождений и двусмысленности. Из текста удаляются фрагменты, в которых по старым нормам должно быть одно написание, а по новым – другое.

Как показывают наблюдения, большинство участников диктанта – это старшее поколение, те, кому за 50 лет. Молодежь, к сожалению, участвует с меньшим желанием.

Анализируя итоги написания диктантов, выясняются типичные ошибки, большинство из которых пунктуационного характера. Среди них можно отметить следующие:

1. Оформление прямой речи. Как оказалось, выделение прямой речи кавычками для большинства участников диктанта является проблемой. Наблюдаются ошибки в выделении знаками препинания слов автора.

2. Обособление деепричастных оборотов. В большинстве случаев узнаваемыми оказываются деепричастные обороты с деепричастиями, образованными с помощью наиболее часто используемых суффиксов *-ку*, *-са*, другие деепричастия, по-види-

мому, не идентифицируются в тексте в качестве таковых, отсюда и ошибки в пунктуации. Другой типичный случай – обособление деепричастного оборота, входящего в состав других (причастных, отглагольных) оборотов.

3. Правописание *э/е, й/и*. Как известно, *э* и *й* пишутся только после твердых *д, з, л, н, с, т*. В иных случаях идет написание *е* и *и*.

4. Правописание сложных слов. Данный вопрос оказывается весьма актуальным – оформление слов как составной термин или как сложное слово... В последнее время в удмуртском языке весьма ощутима тенденция к слитному написанию сложных слов.

5. Использование диалектных форм типа *виль* вместо *выль*, *мыддоринь* вместо *мыддорин*, *мыныкы* вместо *мыныку*. Безусловно, это обусловлено тем, что литературный удмуртский язык до сих пор имеет ограниченную сферу использования и находится на стадии становления, даже в официальной обстановке каждый удмурт использует свой родной диалект, иными словами, речь каждого удмурта имеет определенную диалектную окрашенность.

6. Обособление вводных слов. Вводные конструкции типа *не, вылды, лэся* редко идентифицируются в качестве обособляемых слов.

7. Обособление уточнений. Очень часто в качестве уточнений воспринимаются такие конструкции, которые являются обстоятельством времени при обстоятельстве места и наоборот.

8. Правописание составных собственных имен. Вызывает трудности выбор слов с заглавной буквы, наблюдается употребление кавычек в ненужных случаях.

9. Знаки препинания в бессоюзном сложном предложении (тире, точка с запятой или двоеточие). Примечательно, что наиболее используемым участниками диктанта знаком препинания в таких предложениях является тире.

Проведение подобной акции стало регулярным в Удмуртской Республике. Основная цель – популяризация удмуртского языка, формирование бережного отношения к родному языку. Задачами Диктанта являются:

- получение объективной информации об уровне знания населением удмуртского языка с учетом его возрастной и социальной структуры;

- предоставление возможности участникам Диктанта получить независимую оценку своих знаний в области удмуртского языка;

- привлечение внимания средств массовой информации к проблеме сохранения и развития удмуртского языка.

Стоит подчеркнуть, что интерес к удмуртскому языку заметен и среди русскоязычного населения: из года в год растет количество русских участников данного мероприятия. Кроме того, буквально в каждом втором письме мы находим отзывы о мероприятии, истории из жизни жителей республики, рассказы о месте родного языка в их судьбах. Слова благодарности в адрес организаторов – подтверждение того, что цель оправдана.

Список использованной литературы и источников

УКШГК – Удмурт кылъя шонер гождяськонъя кыллюкам (Шонер гождяськон но пусъёс пуктылон правилоосын). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – 416 с. = Удмуртский орфографический словарь: Справочное издание.

УОС – Удмурт орфографической словарь / Отв. ред. В. М. Вахрушев. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 352 с.

Ева Тулуз (Eva Toulouze)

Эстония, г. Тарту,

Тартуский университет

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИЕЙ ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ

Аннотация. В статье рассмотрена современная языковая ситуация закамских удмуртов. Автор анализирует опыт собственных полевых экспедиций в Республику Башкортостан к закамским удмуртам, поднимает проблему витальности удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, закамские удмурты, диалекты удмуртского языка.

Когда я в первый раз попала к закамским удмуртам в 2011 г. и начала там работать в 2013 г., мне казалось, что я попала в такую Удмуртию, о которой я давно мечтала. Место, где коммуникация, главным образом, осуществляется на удмуртском!

Первые впечатления: удмуртский язык в удмуртских деревнях Татышлинского района используется везде.

Во время первой полевой экспедиции и еще несколько лет после, пока не появились свои друзья, мы жили в д. Малая Бальзуга у деревенской женщины, Флюры Нуриевой, работницы фермы. Она осталась вдовой. Все трое ее детей уехали из деревни: одна дочь в райцентр, другая – в с. Вязовка, сын с семьей поселился недалеко от Екатеринбурга. Так что у нее был большой дом, и она жила одна, поэтому была рада нашей компании. Флюра недавно вышла на пенсию, и она плохо говорила по-русски. Справлялась на бытовом уровне, но свободно разговаривать не могла и информацию передавала лишь самую элементарную. Но на родном языке она разговаривала подолгу и с удовольствием.

Она много знает о деревне и деревенских жителях, об их истории и об удмуртских традициях.

Есть и другие случаи незнания или недостаточного знания русского языка. Представитель более молодого поколения, деревенский жрец, музыкант Фридман уехал в молодости учиться в Ижевск. Он хотел бы обучиться технической специальности, но недостаточное знание русского языка стало препятствием для получения высшего образования. Поэтому он остановился на музыке, менее требовательной к русскому языку.

Это был первый факт, который нас удивил, потому что мы никогда с этим раньше не сталкивались. Факт, что человек намного лучше и свободнее пользуется родным языком, чем русским. Захотелось понять, каким образом сложилась эта оригинальная ситуация.

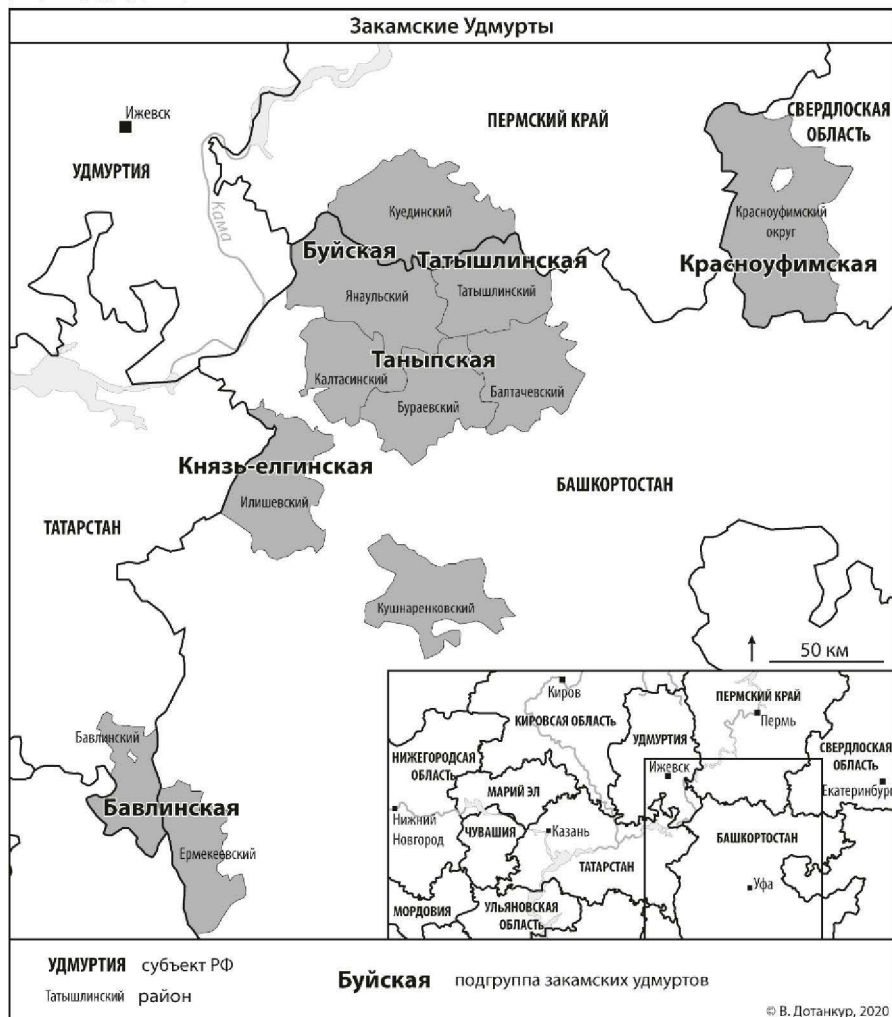
Эти замечания являются результатом длительного и регулярного наблюдения. В начале наших исследований и в 2018 г. я проводила по целому месяцу у закамских удмуртов, и с 2016 г. бывала там по несколько раз в год. Участвовала в разных обрядах, в праздниках и мероприятиях. Жила у местных жителей. Общение со мной осуществлялось, главным образом, на русском языке, но разговоры вокруг меня велись в основном на удмуртском. Часто я проводила видеосъемку разговоров, которые можно было потом расшифровать. Сегодня я уже лучше понимаю удмуртскую речь, но еще недостаточно, чтобы воспринимать ее свободно, особенно диалектную.

Но для начала необходимо представить эту этническую группу.

Закамские удмурты

Закамские удмурты – это этническая группа удмуртов, которая расселена за пределами Удмуртской Республики восточнее реки Кама. Таким образом, они живут на территории других административных образований, в Пермском крае, в Республике

Башкортостан и, дисперсно, в Республике Татарстан и Свердловской области.

О закамских удмуртах недавно были опубликованы новые работы [Toulouze, Anisimov 2020; Sadikov 2020], которые обобщают сегодняшние знания об этой этнической группе. Поэтому приведу здесь лишь ту информацию, которая важна для характеристики языковой ситуации.

Формирование группы

Удмурты в этом регионе появились в результате миграций с исконных территорий заселения после завоевания Казанского ханства московским войском и объединения его земель под властью русского государства в 1552 г. [Minniyahmetova 1995: 331–334]. Естественно, это был сложный процесс, поскольку необходимо было включить в относительно однородную единицу огромные территории с иноверным населением – частично мусульман, частично придерживающихся своих аграрных анимистических религий. О сложности этого процесса для централизованного государства свидетельствует нестабильная ситуация в приволжском регионе, сохранявшаяся до конца XVIII в. (черемисские войны, крестьянские восстания и т. д.). Чтобы интегрировать новое население, государство принимало некоторые меры, одной из них стало обращение иноверцев в господствующую религию, христианство. Имея дело с недогматическими инородцами, было легче получить результаты в этом направлении, чем при взаимодействии с мусульманским населением. И это быстро стало понятно. Попытки христианизации, хотя и спорадические по началу, вкупе с последствиями военного давления, привели к миграциям частей населения в более благоприятные регионы. Вряд ли угроза привычному образу жизни и мировоззрению предков была единственной причиной миграций. Но это та причина, которую население помнит и на которой акцентирует [Sadikov 2020: 129; Toulouze, Anisimov 2020: 91]; об этом же у марийцев [см. Jamurzina 2013: 115–118].

Когда пути передвижения были установлены, массовые миграции продолжались до конца XVIII в. После этого времени фиксировались только единичные случаи переселений в Закамье. Так что в настоящее время группа состоит из потомков тех давних мигрантов.

Окружение

Закамские удмурты живут в совсем других условиях, чем их соплеменники в Удмуртии, где преобладает русское население. В Пермском крае ситуация аналогичная. Однако в большинстве районов Республики Башкортостан, где расселяются удмурты, преобладает тюркское¹ население. Это значит, что культурное пространство определяют тюркские культуры [Nikitina 2011: 6; Toulouze, Anisimov 2020: 101]. Здесь русское население составляет небольшой процент (в зависимости от района, с 1,5 % в Татышлинском до 17 % в Калтасинском районе), и православие почти не представлено в конфессиональной палитре. Храм в райцентре начали строить только в последние годы, и он пока выглядит скромно. В 2013 г. молодая русская женщина из г. Уфы, работавшая в местной прокуратуре, рассказывала нам, что она чувствует себя здесь «как за границей». И эта женщина объяснила нам, что многие люди здесь говорят на плохом русском языке, и поэтому она невероятно обрадовалась, что смогла пообщаться с нашей исследовательской группой.

Меня, поскольку я не разговариваю по-удмуртски, иногда принимают за татарку, особенно пожилые удмурты, и автоматически обращаются ко мне по-татарски. У них свои ясные призна-

¹ Пишу «тюркское», потому что о национальной принадлежности этого населения идут споры (например, см. [Габдрафиков 2007, Беляев 2011, Габдрафиков 2001]), и их решение не является нашей задачей. Татары они или башкиры? Здесь я понимаю под ним тюркское население, которое говорит на промежуточном диалекте с татарскими и башкирскими чертами [Коростелев 2011].

ки, которые явно сопоставляются с русскими характеристиками. Один из них – многоязычие. Для татарина, особенно для старшего поколения, знание нескольких языков и пользование ими в публичном пространстве – нормальное явление. Надо также иметь в виду, что Муртаза Рахимов, бывший президент Республики Башкортостан (с 2003 по 2010 гг.), был чрезвычайно активен в области защиты башкирского языка и проводил политику башкиризации республики. В публичном пространстве башкирский язык присутствует довольно сильно [Hirsch 2004: 135–136; Кульбачевская 2011: 49–50; Toulouze, Vallikivi 2015].

Еще несколько слов о национальном составе республики. Здесь существует баланс между тремя преобладающими этническими группами, коррелирующий с географическими особенностями (башкиры больше живут на юге республики). Самая многочисленная группа – это русские (36 %), которые явно преобладают в столице, где их 48,9 %, башкиры составляют 29,5 % и татары – 25,4 % [Toulouze 2013]. Это сбалансированное распределение населения между тремя сильными сообществами влияет на общую атмосферу республики, где никто не может позволить себе обижать соседей по этническому признаку.

Удмуртский язык в Закамье

В этой бесконфликтной в этническом плане атмосфере удмуртский язык процветает. Следует уточнить, что народ, как и везде, говорит не на литературном языке, а на своем диалекте. Закамский диалект сильно отличается от других, даже южно-удмуртских, диалектов. В нем встречаются архаизмы, не бытующие в других местах. Но главное отличие – это сильное влияние татарского языка и на фонетику, и на лексику. Закамский диалект является языком общения внутри удмуртского сообщества. Во введении я отметила, что здесь везде говорят на удмуртском языке. Приведу несколько примеров его использования в разных ситуациях, замеченных мною в 2013 г., т. е. в первый год, когда

я долгое время проживала в д. Малая Бальзуга и бывала в центре муниципального образования в с. Новые Татышлы:

- в столовой с. Новые Татышлы вся коммуникация осуществлялась на удмуртском: официантка обратилась к нам по-удмуртски, с помощью Рануса Садикова мы заказали ей блюда на этом же языке, и она, в свою очередь, отправила заказ на кухню, обратившись по-удмуртски;

- в администрации Новотатышлинского сельсовета при общении с главой и с секретаршей. По телефону глава тоже говорил по-удмуртски (хотя это, наверное, из-за того, что звонили не из районной администрации);

- в кабинете председателя СПК «Дэмен» (в народе до сих пор называемом «колхозом»), которым в то время был Рустам Ринатович Галямшин. Там находился также предыдущий председатель колхоза, его отец Ринат Биктимирович, возглавлявший Национально-культурный центр удмуртов Башкортостана. Общение между ними и разговор по телефону велись на удмуртском языке, кроме, конечно, случаев, когда они обращались к нам (из-за моего незнания удмуртского языка они вынуждены были переходить на русский язык);

- в общении с участковым. Он перешел на русский язык, только чтобы поговорить со мной. Он вместе с главой муниципального образования посетил меня в доме у Флюры, чтобы проконтролировать и выяснить, что это за иностранка с длинными волосами «как у цыганки»;

- в деревенских магазинах, на улице, в семьях [Toulouze 2013].

Как я уже упоминала во введении, нас поразило, что здесь, видимо, из-за отсутствия практики, знание русского языка оказалось слабее, чем мы ожидали, считая, что все обучались в школе на русском языке.

Этот последний пункт очень интересен. Действительно, в семьях, между соседями языком общения является удмуртский. Конечно, это легко объясняется, учитывая состав населения в деревнях. В Татышлинском районе удмурты компактно расселяются по обе стороны реки Юг. Флюру постоянно посещали соседки, родственницы, дочери с семьями. Со всеми, даже с четырьмя внуками, которые живут кто в соседней деревне, кто в райцентре, они разговаривали по-удмуртски. В первый раз за время достаточно долгого опыта полевых исследований в финно-угорских регионах центральной России и Сибири мы столкнулись с ситуацией, где неспособность работать на местном языке стала препятствием, а не преимуществом.

Как можно объяснить жизнеспособность удмуртского языка в Закамье?

Причины жизнеспособности удмуртского языка в Закамье

Однородная зона проживания

Как я писала, удмурты живут в достаточно компактной зоне. Еще важнее, что здесь пропорция удмуртов среди других жителей деревень довольно высока. Рассмотрим ситуацию в Татышлинском районе:

- д. Юда, 196 жителей, удмурты – 95 %;
- с. Старокальмиярово, 438 жителей, удмурты – 98 %;
- д. Петропавловка, 312 жителей, удмурты – 99 %;
- с. Вязовка, 613 жителей, удмурты – 87 %;
- д. Арибаш, 308 жителей, удмурты – 91 %;
- с. Нижнебалтачево, 775 жителей, удмурты – 89 %;
- д. Алга, 66 жителей, удмурты – 95 %;
- д. Бигинеево, 198 жителей, удмурты – 95 %;
- д. Верхнебалтачево, 185 жителей, удмурты – 98 %;
- д. Дубовка, 35 жителей, удмурты – 94 %;
- д. Ивановка, 144 жителя, удмурты – 98 %;
- д. Старый Кызыльяр, 211 жителей, удмурты – 97 %;
- д. Таныповка, 196 жителей, удмурты – 99 %;
- д. Утар-Эльга, 59 жителей, удмурты – 95 %;
- с. Новые Татышлы, 611 жителей, удмурты – 82 %;
- д. Майск, 96 жителей, удмурты – 97 %;
- д. Малая Бальзуга, 291 житель, удмурты – 99 %;
- с. Уразгильды, 490 жителей, удмурты – 93 %.

В деревнях лишь единицы жителей не удмурты, можно предположить, что это кто-то из супругов, неважно – муж или жена, татарского происхождения. Обычно в удмуртских деревнях даже в случае смешанных браков общим языком супругов становится удмуртский.

Это первое условие устойчивого сохранения языка: языковая среда, где у родного языка нет соперника.

Традиционное сообщество

Другая причина, также связанная с внешними, не языковыми явлениями, это деревенское, а не городское население, которое сохраняет традиционный образ жизни.

Это аграрная зона, в которой удмуртские или смешанные «колхозы» развивались экономически очень успешно. Это сформировало репутацию удмуртов как чрезвычайно работающего народа. Экономические успехи гарантировали стабильность, если не зажиточность, населения. Колхозная советская система, таким образом, поддерживала консолидацию сообщества.

Сохранение сообщества со своими обычаями и обрядами предоставило языку необходимую базу для выживания. Можно привести два примера сохранения традиционных обычаев у закамских удмуртов.

До сих пор бытует умыкание невест как обычный способ заключения брака. Все молодые, с которыми мы встречались, именно таким образом женились / вышли замуж. Только сегодня уже практически отсутствует риск, что девушку умыкнет совсем незнакомый ей парень из другой деревни, как это бывало в поколении 60-летних. Даже если будущие супруги не договариваются заранее о времени умыкания, между ними существует взаимопонимание: умыкание является просто формой, содержание же изменилось.

Другой момент, о котором упомяну лишь коротко, это сохранение, и не только сохранение, но и возрождение традиционных молений на уровне деревни и нескольких деревень. На эту тему, которой я много занималась, имеются отдельные публикации [Toulouze, Niglas 2014]. Хочу подчеркнуть, что существование и развитие этих молений поддерживает сообщество и укрепляет связи внутри него. Естественно, язык молений – удмуртский, это язык обращения к богам.

Нерусский ареал

Уже было сказано, что окружение закамских удмуртов сильно отличается от окружения других удмуртов, которые расселяются в русской среде. Исторически здесь практически не ощущалось влияния Русской православной церкви. Даже благословение на районном сабантуе здесь произносит мулла. По словам Алексея Арзамазова, в этом месте существует татаро-башкирское защищающее крыло, которое также как в XIX в. закрыло христианским миссионерам возможности приближения к удмуртам, защищает их и сегодня от влияния общепринятой русской языковой идеологии. Эта идеология не обязательно осознана или сформулирована, но она действующая. Это идеология моноязычия, когда всем необходимо перейти на язык большинства. Зачем другие языки, если все знают русский? Это объясняет, почему в России не принято в целях сохранения языков, даже имеющих государственный статус, использовать систему перевода, благодаря которой все могли бы комфортно говорить на родном языке, и все понимали бы, о чем речь. В Удмуртии еще в 1990-е годы общее пренебрежение к местному языку выражалось явственно, я сама могла регулярно наблюдать это, например, в городском транспорте. Сейчас такое отношение публично не проявляется. Но вполне законные ограничения на преподавание местных языков показывает действительную ситуацию, не слишком отличающуюся от прошлой.

Здесь, как видим, преобладают народы, языковая идеология которых приветствует многоязычие. Со стороны доминирующего местного населения не ощущается давления в языковом плане. Людям не стыдно говорить на родном языке. И это не вызывает враждебной реакции у посторонних лиц. Безусловно, это еще одни из важных факторов сохранения языка. Закамские удмурты сами это замечают и называют своих сородичей из Удмуртии *жуч удмуртьёс* ‘русские удмурты’. Даже сложились стереотипы, ко-

торые транслирует, например, Фридман, о котором шла речь раньше. Ссылаясь на собственный опыт во время учебы в Ижевске, он говорит, что если около университета студенты общаются между собой по-удмуртски, то это обязательно закамские студенты. Сегодня это уже не соответствует реальности, но в то время, примерно 20 лет тому назад, он, наверное, не был далек от действительности.

Многоязычие означает, что многие удмурты, кроме родного языка, владеют и русским, на котором они обучались в школе, и татарским [Садиков 2020: 130]. Взрослые удмурты могут общаться по-татарски с соседями и между собой, часто поют татарские песни. Я была свидетелем этого много раз в разных деревнях и разных районах: в с. Новые Татышлы Татышлинского района в 2019 г., в д. Майск Татышлинского района в 2018 г., в д. Касиярово Бураевского района в 2018 г. и т. д.

Но хотя в вышеупомянутой статье Р. Р. Садиков [2020: 130] утверждает, что большинство закамских удмуртов трехъязычны, мои наблюдения этого не подтверждают. К сожалению, молодежь чаще уже не владеет татарским языком, а татарские песни поет в удмуртском переводе. Даже, по моим наблюдениям, не все из поколения сорокалетних говорят по-татарски.

Официальные моменты

Еще мне было интересно использование удмуртского языка на мероприятиях. Естественно, на мероприятиях, направленных на поддержку удмуртской культуры, единственный язык – удмуртский. Я могу привести в качестве такого примера вечер бабушек и внучек «Шундыберган» ‘Подсолнух’. Но и другие мероприятия, цель которых не связана с удмуртской культурой, могут содержать ее аспекты в качестве сильного компонента. Это меня поразило во время официального празднования Дня Победы 9 мая 2019 г. в деревне Новые Татышлы. Если глава муниципального образования обратился к народу на русском

языке, остальные – председатель совета ветеранов, директор школы и руководитель историко-культурного центра удмуртов – выступали с приветствиями по-удмуртски.

Перспективы

Таким образом, складывается впечатление, что с языком в Закамье все нормально и что свою идеальную Удмуртию я там и нашла. Но какие перспективы на будущее?

К сожалению, эта красивая картина начала портиться.

Как и почему?

Продолжим пример с нашей хозяйкой Флюрой. Все, что написано в начале статьи, верно. Но в 2015 г., пока мы были у нее во время очередной экспедиции, ее навестил сын, который работает и живет с семьей в Свердловской области. Жена его тоже удмуртка, родом из деревни поблизости. У них есть сын. Но с сыном родители разговаривают не по-удмуртски, а по-русски. Поэтому бабушка тоже старается говорить с ним по-русски, на своем плохом русском языке. Является ли это новой тенденцией?

Уклад жизни

Жизнь меняется. СПК «Дэмен» уже не такой успешный, каким был раньше. Правление несколько раз менялось, сейчас один инвестор старается организовать в нем работу. Зарплаты не очень высокие, а значит, они не привлекательны для молодежи. Молодежь уезжает туда, где можно заработать больше денег. Это возможно в расположенных рядом городах Пермского края Чернушке, Чайковском, или в местах довольно далеко от дома. Некоторые работают на Севере вахтовым методом.

На местах обычаи тоже меняются. Все меньше и меньше людей держат коров. Старики устали, и у них нет на это сил, молодые женщины работают, и у них нет на это времени. Также и гусей перестали держать весь год, сейчас семьи берут бычка на лето и забивают его в конце осени на мясо.

Молодёжь иногда приезжает в гости к родственникам, к родителям. Но жизнь они устраивают на новом месте, и она протекает там с использованием русского языка. Внуки говорят на русском языке. И бабушки-дедушки должны приспосабливаться к ситуации, общаясь с внуками на чужом языке [Toulouze, Anisimov 2020: 109–110].

Языковая идеология

В Удмуртии, в период явного перехода на русскоязычное общение, многие смирились с ситуацией. Но в период культурного возрождения в конце 1990-х гг., когда были популярны идеи о необходимости сознательного развития родного языка, им начали пользоваться. Проводились различные акции в поддержку родного языка. Язык обогащался, иногда, как это бывает, принимались неологизмы, иногда они отвергались. Но это часть обычного процесса. Этот процесс требует сознательности. Общение с детьми на удмуртском языке требует не только сознательности, но и сильной воли: это означает явное движение против сильного течения. Кто-то идет по течению, а другие находят опору, чтобы делать более разнообразные выборы.

В Башкирии язык сохранился не на основе сильной идеологической опоры, а в силу естественной ситуации. Так было легче, у людей был свой родной язык, никто ему не угрожал, никто говорящих на нем не обижал. Удмуртский язык мог играть собственную роль: родной язык, свой язык, даже непонятно, почему они там, в Удмуртии, более нейтральны к своему языку и не говорят на нем. Все было хорошо, пока были благоприятные условия.

Но условия изменились. Молодежь уезжает, ищет работу на «большой земле», а там нет места для других языков, кроме русского. Как и Флюрин сын, интуитивно, не рефлексирруя происходящее, они приспосабливаются. Зачем их сыну удмуртский язык, он не будет жить в этой среде. Так думают его родители. Пусть с

самого начала все будет правильно. Поскольку размышления о языке никогда не были сознательными, родители не думают о духовном богатстве, о чувстве принадлежности, о преимуществах двуязычия. Скорее всего, они о таком никогда не слышали, потому что государственная, хоть и не осознаваемая, языковая идеология русская. Пусть все будет по-русски. Нельзя портить ребенка и мешать его развитию, добавляя еще один ненужный язык. Он будет лучше владеть русским языком, инструментом социального успеха, если с самого начала все вокруг него будут общаться на этом языке, тогда ничего не будет нарушать его языковую картину.

В этом есть определенная логика. Ежедневный опыт показывает сыну Флюры, что русский язык занимает большинство пространства в общественной жизни.

Но как обстоит дело в закамских деревнях, где для людей естественно выражать свои мысли на родном языке, потому что нет необходимости разговаривать иначе?

К сожалению, эта транслируемая позиция проникла и в удмуртские деревни Башкортостана. Не задумываясь, автоматически, когда рядом появляется ребенок, к нему все обращаются по-русски. В этом нет жесткой необходимости. Никто не заставляет так делать. Однако в последние годы я постоянно встречаюсь с такими случаями. Кроме некоторых бабушек, которые продолжают разговаривать с внуками «по-своему», все, особенно среднее поколение родителей, общаются с детьми по-русски. Можно заранее предвидеть, что результаты следующей переписи о владении родным языком окажутся слабыми: в десятилетний промежуток между переписями многие знающие язык умерли, их заменила молодежь, которая уже не знает родного языка.

Есть ли надежда?

Поэтому мой первоначальный оптимизм сменился грустью. Можно ли еще сделать что-то, чтобы спасти это ценное наследие, находящееся под угрозой?

Здесь нет глобальных способов решения проблемы. Русский язык и культуру никто не ничем не заменит, они глубоко укоренились в существующий образ жизни. Их позиция основательна и не изменится.

Единственный путь – это понимание утраты родного языка. Необходимо убеждать родителей в том, что лишение своих детей возможности естественным образом, с детства, говорить на двух языках важно, и это может иметь свои плоды в дальнейшем.

Как их убедить? Какие аргументы могут быть эффективными? Есть примеры в Удмуртии, когда сами дети, становясь взрослыми, упрекают родителей в том, что не говорили с ними на родном языке. О таком опыте рассказала мне, например, этнограф, покойная Галина Аркадьевна Никитина, которая признала, что они с мужем не говорили с дочерьми по-удмуртски, просто не задумываясь о последствиях. Такая была атмосфера. Взрослые дочери упрекали их за это, и она сама жалеет об упущенном. Она намеревалась иначе вести себя с внучкой, но, увы, времени ей было не дано. Можно также подчеркивать преимущества многоязычия. Я часто привожу свой собственный пример, акцентируя, что на практике я никогда не пользуюсь родными языками. Однако факт, что они у меня есть, позволяет мне общаться с удмуртами на русском языке, и, надеюсь, скоро и на удмуртском.

Распространять такие идеи – моральная задача общественных организаций и тех людей, которые имеют личный авторитет внутри своего сообщества.

Список использованной литературы и источников

Беляев Р. Ю. Перепись 2010 года в Татарстане: дискуссии и ожидаемые результаты / Р. Ю. Беляев // Экономический вестник Республики Татарстан. – Казань, 2011. – № 3. – С. 89–69.

Габдрафиков И. М. Феномен Башкортостана: от «трагической демографии» к «закономерной реконфигурации численности» / И. М. Габдрафиков // Этнографическое обозрение. – М., 2007. – № 5. – С. 116–124.

Габдрафиков И. М. Башкортостан: как готовили перепись в условиях смены власти / И. М. Габдрафиков // Этнологический мониторинг переписи населения. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 179–190.

Коростелев А. Д. Нечеткости этнической самоидентификации и перепись / А. Д. Коростелев // Этнологический мониторинг переписи населения. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 73–86.

Кульбачевская О. В. Общественные реакции на перепись / О. В. Кульбачевская // Этнологический мониторинг переписи населения. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 44–62.

Садиков Р. Р. Удмурты Башкортостана: современные тенденции национально-культурного развития / Р. Р. Садиков // Ватандаш. – Уфа, 2020. – № 11. – С. 128–139.

Hirsch F. Towards a Soviet order of things: the 1926 census and the making of the Soviet Union / F. Hirsch // Categories and Contexts: Anthropological and Historical Studies in Critical Demography. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – P. 126–147.

Jamurzina L. L'origine des Maris orientaux / L. Jamurzina // Les Maris, un peuple finno-ougrien de Russie centrale. – Paris: L'Harmattan-ADEFO, 2013. – P. 111–126.

Minniyakhmetova T. Eating of beestings as an original calendar rite of the Bashkirian Udmurts / T. Minniyakhmetova // Folk Belief Today. – Tartu 1995.

Toulouze E. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas / E. Toulouze // Études finno-ougriennes [Электронный ресурс]. – № 45. – 2013. – URL: <http://journals.openedition.org/efo/1872> (дата обращения: 28.11.2020).

Toulouze E., Anisimov N. An Ethno-Cultural Portrait of a Diaspora in Central Russia: The Formation and Culture of the Eastern Udmurt /

E. Toulouze, N. Anisimov // Folklore: Electronic journal of Folklore [Электронный ресурс]. – Tartu, 2020. – URL: https://www.folklore.ee/folklore/vol79/toulouze_anisimov.pdf (дата обращения: 28.11.2020).

Toulouze E., Niglas L. Udmurt animistic ceremonies in Bashkortostan: fieldwork ethnography / E. Toulouze, L. Niglas // Journal of Ethnology and Folkloristics [Электронный ресурс]. – 8 (1). – 2014. – URL: http://www.jef.ee/index.php/journal/article/view/176/_1 (дата обращения: 28.11.2020).

Toulouze E., Vallikivi L. Les langues dans un miroir déformant / E. Toulouze, L. Vallikivi // Études finno-ougriennes [Электронный ресурс]. – № 47. – 2015. – URL: <http://journals.openedition.org/efo/4906> (дата обращения: 28.11.2020).

УДК 811.511.132

Цыпанов Евгений Александрович

*Россия, г. Сыктывкар, Институт языка, литературы
и истории Коми научного центра УрО РАН*

ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КОМИ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье предлагается сделать краткий обзор истории коми литературного языка и остановиться подробнее на его достижениях и сложностях на современном этапе.

Ключевые слова: коми язык, литературный язык, письменный язык, периодизация.

Тема, предложенная вниманию в настоящей статье, имеет очень современное звучание и важное общественное значение. Литературный язык может быть рассмотрен с трёх позиций: во-первых, с точки зрения его законодательного статуса, изучения

правовых документов, регулирующих языковые вопросы; во-вторых, предметом рассмотрения может быть функционирование литературного языка в публичном пространстве и изменения в этой сфере; в-третьих, можно исследовать внутреннюю структуру литературного языка, уделив внимание его нормам, изменениям норм, их стабильности и вариативности.

В данной статье предлагается сделать краткий обзор истории коми литературного языка и остановиться подробнее на его достижениях и сложностях на современном этапе.

В 2018 году исполнилось 100 лет со времени создания современного коми литературного языка. Объяснить значение этого большого события двумя словами сложно. На земном шаре существует огромное количество языков. Точная цифра учеными не называется. Считается, что их число варьируется от 2500 до 6000. В России выделяют около 150 языков, в сравнении с Африкой, Индией и Индонезией это не так уж и много. По состоянию на 2002 год в Российской Федерации было 27 государственных языков, в том числе и русский язык [Нерознак 2002: 5–12].

В минувшее столетие малые языки на нашей планете по разным причинам стали исчезать. Связано это, прежде всего, с тем, что их носители перешли или переходят на другой язык. Исследователи уже давно заметили, что в первую очередь исчезновению подвергаются языки бесписьменные, ненормированные, не имеющие традиций письма. Следовательно, буквенное письмо и литературный язык играют важнейшую роль в сохранении языка как такового и несут консервирующую функцию, укрепляя национальное самосознание и культуру народа.

При этом нельзя упускать ещё одно важное обстоятельство. Необходимо четко разграничивать два понятия: **буквенный** или **письменный язык** (письменность) и **литературный язык**, язык нормированный. Первый используется для передачи любого

текста, созданного с помощью букв. Часто это первые записи на языке народа, составленные в отсутствие всяких норм. Они могут быть сделаны на каком-то из диалектов, иметь просторечный характер, подобное, например, сейчас часто встречается в русско-язычном интернете. Иную природу имеет литературный, нормированный язык.

У коми литературного языка, так же, как и у других литературных языков, выделяются следующие особенности: приверженность нормам, тщательное их формирование и отбор, многофункциональность, наличие функциональных стилей, устной и письменной форм. Обязательно нужно упомянуть еще одно свойство литературного языка – это его высокий статус, наддиалектность, без которого немыслимо поддержание авторитета нормированного языка в обществе. Важно также заметить, что в основе создания норм литературного языка всегда лежит **общественный договор**, то есть договорённость и достигнутое согласие между активными носителями языка, учёными, учителями, переводчиками. Литературный язык формируется и развивается коллективом людей, обществом, а отнюдь не отдельными, разрозненными людьми и не единолично. Именно так, путем взаимного договора коми интеллигенции в 1918 году были заложены основы современного коми литературного языка.

В историческом плане можно выделить следующие этапы развития коми буквенного письма (письменности):

1. Период древнекоми письменного литературного языка (с XIV века до XVII века).
2. Церковный коми язык XVIII века.
3. Период вариативного письменного языка (с начала XIX века до начала XX века).
4. Период современного литературного языка (с 1918 года до сегодняшнего дня).

Предложенная периодизация основана на материалах многих научных монографий и статей. Так, этапу древнекоми письменности посвящено немало выдающихся работ, в их числе и известная монография В. И. Лыткина «Древнепермский язык» [Лыткин 1952]. Автор, приводя многочисленные убедительные доводы, утверждает, что буквенный язык стефановской эпохи являлся языком с присущими ему чёткими нормами, использовался преимущественно во время церковных служб и к XVI–XVII векам постепенно вышел из употребления.

О письменном языке и текстах, словарях XIX века также опубликовано достаточно много отдельных небольших работ. А вот обобщающей монографии об этом периоде коми письменности пока ещё нет. В большинстве исследований письменная традиция XIX века считается предтечей современного нормированного языка. Лишь отдельные лингвисты придерживаются мнения, что уже в XIX веке имел место быть некий литературный коми язык. На этом явно ошибочном утверждении построен препринт Г. Г. Бараксанова, изданный в 1986 году, при этом ни о какой исследовательской работе или глубоком анализе автором текстов говорить не приходится [Бараксанов 1986: 6–8]. Эта точка зрения не подтверждается никаким языковым материалом, который бы свидетельствовал о единообразном алфавите, единой орфографии и диалектной базе. В качестве примера приведём названия двух изданий евангелия от Матфея в переводе на коми язык, иллюстрирующих отсутствие единого нормированного языка:

Міньнь Господьлѡнь Іисусъ Христослѡнь свѣтъѡй Євангеліє Матвейсянь. Донвылѡ Россійскѡй Библейскѡй Общєствовысь. – Санктпетербургъ: Типографіньынъ Ник. Грєчьлѡнь, 1823.

Miĵan Gospod'lon Jisus Kriťosl'lon Veĵa Burĵuor Matveĵs'an'.
Коми кыл ыльö ыл'ыс' пуктыс Г. С. Лыткин. – Питір: Акаде-
мија наукл'он Кис'тöма гижтаннас öктан инын, 1882.

Современный литературный коми язык имеет точный временной период зарождения. Это август 1918 года, когда в селе Усть-Вымь прошёл съезд коми учителей Усть-Сысольского и Усть-Вымского уездов, на котором после жаркой дискуссии пришли к общему мнению и единогласно утвердили для единого литературного языка алфавит, созданный В. А. Молодцовым, а присыктывкарский диалект был признан в качестве основы нормированного языка. В числе родоначальников литературного языка тогда не было ни одного учёного, но впоследствии они станут известными людьми: В. А. Молодцов, А. С. Сидоров, В. И. Лыткин, величайшие коми лингвисты XX века.

Это значимое событие произошло за три года до того, как была создана коми автономия, совместными усилиями коми интеллигенции, можно сказать, на общем порыве их энтузиазма. Отметим, что литературный язык был создан в крайне тяжёлый период, во время гражданской войны, в небольшом и экономически неразвитом тогда г. Усть-Сысольске с четырьмя тысячами населения.

Основным создателем и двигателем нового литературного языка был Василий Александрович Молодцов, чьим именем и стали именовать первый единый алфавит, объединивший народ в коми-зырянскую нацию. На то время он был самым старшим по возрасту и самым мудрым человеком в Коми комиссии (Комиссии по зырянизации). Именно В. А. Молодцов готовит и издаёт первые школьные учебники, укореняя таким образом грамматические нормы. На основе молодцовского алфавита развивается коми школа, художественная литература, театр, печать,

ведётся делопроизводство, публикуются краеведческие и иные материалы.

В 20-е годы в Стране Советов для многих языков был принят особый статус. Коми язык официально стал государственным языком наравне с русским после организации Коми автономной области, в 1924 году на IV Областном съезде Советов. После него Комиссией по зырянизации был подготовлен специальный документ – «Инструкция по введению коми языка в государственные и общественные учреждения, предприятия и организации автономной области Коми». Данный документ имел в то время силу закона о государственных языках.

Для общей характеристики развития коми литературного языка в 30-е, 40-е, 50-е, 60–70-е годы XX века приведу цитату из статьи В. И. Лыткина **«50 лет коми литературному языку»**, опубликованной 31 октября 1967 года в газете «Югид туй». Ученый справедливо отмечает: «Мы, конечно, не можем достоверно утверждать, насколько сильно была развита коми письменность до революции. Можно лишь сказать, что в то время у коми не было единого литературного языка: при письме пользовались различными алфавитами, разной орфографией, писали на различных диалектах: на верхневычегодском и нижневычегодском, ижемском и сысольском... А об орфографии и говорить нечего: кто как умел, так и писал. Единый коми литературный язык сформировался и получил развитие после Октябрьской революции. В течение 50 лет достаточно большим изменениям подвергались алфавит и графика (способ написания звуков). В меньшей степени менялась и орфография. А вот языковая норма, грамматика не изменились почти вовсе» [Лыткин 1994: 57].

Остановимся отдельно на 90-х годах прошлого века, с которых берут своё начало сегодняшние быстрые изменения коми литературного языка. В качестве отправного предлагается 1989

год, время перестройки и обновления общества. С 28 по 30 марта 1989 года в Сыктывкаре прошла научно-практическая конференция «Вопросы функционирования коми языка в современных условиях», на которой о проблемах коми языка говорили исследователи, писатели, журналисты, учителя, студенты, краеведы Коми АССР и Коми-Пермяцкого автономного округа. Тогда стало возможным в открытую говорить о проблемах, накопившихся в период «застоя», и предлагать пути их решения. Затем состоялся первый съезд коми народа, на котором был создан Комитет возрождения коми народа.

Повышен был правовой статус коми литературного языка – он определялся в качестве государственного языка законом Республики Коми от 28 мая 1992 года. Коми литературный язык был приравнен к русскому языку, однако в тот момент равенство существовало только на бумаге. Принятие закона «О государственных языках Республики Коми» многими было воспринято как надёжная гарантия для сохранения и развития коми языка, однако юридическое принятие закона автоматически ничего на тот момент не изменило.

Далее в 1994 году было создано Министерство по делам национальностей, а при нём комиссия по коми языку, главной задачей которой стала работа по систематизации орфографии и созданию новых терминов. С 1995 года заработал информационно-переводческий центр, начали переводиться на коми язык законы, распоряжения, постановления и другие правовые акты. Усилиями правительства утверждены программы по сохранению и развитию государственных языков, реализованы другие многочисленные проекты. Постепенно стало расширяться использование коми языка в общественной жизни. Самое важное изменение было в том, что в активную работу по развитию коми языка включилось большое число различных специалистов. Без объединения их уси-

лий не было бы оснований для создания и внедрения новых норм, терминотворчества, реформирования и развития литературного языка.

Здесь отметим всего лишь некоторые положительные моменты: увеличилось изучение коми языка в школах, его стали учить и русскоязычные дети, для чего было создано и издано много совершенно новой учебной литературы. В функционировавшем ещё тогда Коми книжном издательстве выходили разнообразные новые словари, впервые с 20-х годов были изданы самоучители коми языка, издана энциклопедия «Коми язык» и многое другое. В 1994 году в Сыктывкарском государственном университете был открыт финно-угорский факультет, на который в лучшие годы на первый курс поступало 50 человек на очное обучение и 25 человек на заочное. Продолжай сейчас этот факультет своё существование, он отметил бы свой 25-летний юбилей.

К каким изменениям в литературном языке привели эти перемены? Приведем некоторые из них:

1. В последние 20 лет в литературном языке идёт процесс демократизации, когда нормы модифицируются и становятся максимально приближенными к разговорному языку, поэтому в целом тексты становятся более простыми и понятными. Достаточно сравнить текст конституции автономной республики, написанной на коми языке советского времени, с текстом Конституции Республики Коми последних изданий. Или же сопоставить язык статей из газеты «Югид туй» и сегодняшней «Коми му». Одновременно наблюдается включение большого материала из диалектов коми языка и повседневной речи.

2. Лексика литературного языка стала более коми. Это изменение отмечается всеми, при этом оценка может быть как позитивной, так и негативной. За предыдущие 20 лет было предложено свыше 2000 неологизмов, ставших для многих неожиданными.

Большинство из них образованы на основе ресурсов родного языка: это и диалектизмы, и слова, употреблявшиеся в древних коми текстах, и собственно новообразования. Можно утверждать, что немалое их количество уже прочно вошло в разговорный язык, это такие, как *оланпас* ‘закон’, *енби* ‘талант’, *небӧг* ‘книга’, *кокньӧд* ‘льгота’, *вот* ‘налог’, *ӧтуввез* ‘интернет’, *айму* ‘родина, отчизна’ и т. д.

3. Получила дальнейшее развитие коми терминологическая система, образовалось множество новых слов-терминов для значительного числа отраслей. За последние 20 лет большое распространение получила общественно-политическая терминология, далее за ней следуют лингвистические и религиозные термины. Вышли в свет терминологические словари по отдельным отраслям знания. В 2011 году, при финансовой поддержке Совета Европы был осуществлён грандиозный международный проект – разработка и издание терминов по отдельным предметам для школ финно-угорских народов России. По коми языку вышли в свет отдельные небольшие словари, в которых были собраны термины по математике, химии, географии, обществознанию, языкознанию, биологии, информатике и физике.

4. Высокими темпами в литературном языке начали развиваться функциональные стили, и не только на бумаге, но и в реальной жизни. Например, дальнейшее развитие получили газетно-публицистический, деловой, церковно-служебный, научный стили, стиль художественной литературы, в том числе и в устных выступлениях, лекциях, передачах по радио и телевидению.

5. Коми литературный язык прочно обосновался в интернете, где стало доступным огромное количество комиязычных текстов, где можно найти и прочитать любую информацию, а с помощью специальных дневников-блогов делиться своими мыслями, высказывать мнение по любому вопросу, предлагать, критиковать

и т. д. Наиболее весомый вклад в эту сферу внесла Межрегиональная лаборатория информационной поддержки функционирования финно-угорских языков, созданная в 2011 году. Благодаря ее усилиям по информатизации коми языка сегодня в интернете, не выходя из дому, в любой точке земного шара, можно найти словари по коми языку, учебную литературу, художественные произведения, установить раскладки родного языка, использовать электронные продукты в целях изучения и исследования. Об этом более подробно написано в нашем препринте, см. [Цыпанов 2015].

Кроме факторов, положительно повлиявших на развитие литературного коми языка, имеют место и отрицательные явления и изменения, некоторые из них рассмотрим подробнее.

Как известно, на стыке веков в России законы всех республик стали приводиться в соответствие с федеральными законами. Это сказалось и на языковом законодательстве. Так, в изменённой редакции закона «О государственных языках Республики Коми» возможности и права литературного коми языка в значительной степени сокращены, особенно в седьмой статье раздела третьего, которая теперь закрывает путь для языка коренного народа в государственные органы (изменения внесены 16 июля 2002 года законом Республики Коми № 76-РЗ). После этого в республике использование коми языка в значительной мере сократилось. В 2004 году было закрыто Коми книжное издательство (ничего подобного в других финно-угорских республиках не случилось), в 2008 году в качестве самостоятельного подразделения Сыктывкарского государственного университета прекратил своё существование финно-угорский факультет. Сегодня специальность по коми языку и литературе на одном курсе могут получить не более 15 человек (даже в советское время группы насчитывали по 25 человек). В 2012 году все комиязычные газеты и журналы были

объединены в один так называемый холдинг с громким и многообещающим названием «Издательский дом Коми». На проверку все вышло со знаком минус: творческих работников, пишущих авторов, журналистов стало меньше, тираж большинства коми изданий сократился, а зарплаты работников холдинга, с их слов, крайне низки, как было и раньше.

Изменение тиража издаваемых коми газет и журналов в 1992–2018 годы:

год издание	1992	1997	2002	2004	2008	2018
«Коми му»	7 810	4 490	6 127	2 584	2 427	2 914
«Йӧлӧга»	7 703	1 320	2 930	1 095	727	341
«Войвыв кодзув»	4 000	1 800	1 400	947	1 000	419
«Чушканзі»	12 000	2 112	1 167	870	1 200	450
«Би кинь»	7 000	4 902	4 223	1 361	1 374	655

Естественно, позиции литературного языка в силу указанных изменений, которые никак уж не состыковываются с официальным «курсом на рост и развитие», ослабли. Это отразилось и на нормах литературного языка.

А теперь подробнее о том, как изменяется в языке его внутренняя система, прежде всего, проследим за изменениями, происходящими в его словарном составе. В глаза бросается неприятный факт – это бесчисленные отступления от нормы или отказ следовать какой-либо норме вообще. Приведем несколько примеров.

В числе первых следует назвать злоупотребление диалектизмами, доходящее до полного «произвола», это так называемая *диалектная вольница*. И чаще всего это характерно для языка художественной литературы (!) на страницах журналов «Войвыв кодзув» и «Арт» и даже в издаваемых книгах, где твёрдая редак-

торская правка требуется более всего. Можно сказать, что ни авторы, ни редакторы не придерживаются никаких критериев, что допустимо включать в конечный текст, а что не стоит. И что самое прискорбное, отступления от нормы теперь наблюдаются в авторской речи, что ранее считалось недопустимым. В этом особо проявили себя писатели с удорскими корнями, да и не только они. Приведём один пример из книги Алексея Вурдова «Сир войт» (Капля смолы): *И збыль, паськыд тупыльö юкөртчöм, дзузгысь ном юк öднама вöлі ныр-вомö инмöдчö да нөрөвитö бытшийöдлыны. Но Мить эз понды кукелясьны, а сöмын гыжсь-яльниис тийöтшиьд, дзормöм тошсö. 'И в самом деле, собравшись в массивный клубок, жужжащий комариный рой пытался подступиться к лицу с намерением укусить. Но Мить не стал надевать накомарник, просто почёсывал свою ровную, седую бороду'.*

Из-за наличия для коми, живущих в других районах, абсолютно незнакомых слов многое остается совершенно непонятным, поэтому число читателей таких изданий, естественно, крайне мало. И уже совершенно ясно, что произведения, написанные таким «литературным» языком, не станут общенациональным художественным достоянием.

На отсутствие всякого редактирования указывают также многочисленные фонетические варианты слов, которые в большинстве своём коми читателю незнакомы либо непонятны с первого раза, например, снова из книги А. Вурдова: *Вöйтти удораса йöз ёна тывъявлісны.* ‘Раньше в старину удорцы часто ловили рыбу неводом’; также: *лоз* вместо литературного *лаз* ‘охотничий лузан’, *айдлас* вместо *азьлас* ‘осторога’.

Такое нарушение норм встречается и у других писателей. Например, само название книги Е. Афанасьевой «Енкöлаö **ыбöс**» (Дверца в космос) *ыбöс* вместо *öдзöс*; *Пажун кад нин регыд воас, а сійö пыр на зулясьö таз весьтын* (Э. Тимушев). ‘Скоро уже

подойдёт время обедать, а он всё ещё копошится над тазом', *пажун* вместо *пажын*; *Ньёжйёник дёвга вадорё*... (Н. Обрезкова). 'Потихонечку бреду к реке...', *дёвга* вместо *довга*; *Морт олом-тыс вызывті моз варччё* (Е. Козлов). 'По жизни человеческой плывёт он, будто по течению', *вызывті* вместо *визувті*; *Анна... Ёна мудзис, да шуд вылё паньд воис бур морт, кёді отсьшитіс нывлы нуны куканьсё картаёдз*» (А. Ильина). 'Анна... Устала сильно, и, к счастью, навстречу попался добрый человек, кто помог девушке донести телёнка до хлева', *кёді* вместо *кодi*.

Собранный материал позволяет констатировать, что у ряда творческих работников (писателей, некоторых ученых-филологов и журналистов) сознательно или интуитивно сформировалась позиция **антинормализаторства** как ответная реакция на активное изменение, пополнение лексики коми языка. Суть этой позиции заключается в том, что в своей активной языковой практике эти работники пытаются отрицать необходимость сознательного вмешательства в языковые процессы, отрицать нормированность как таковую, выступая с субъективными оценками, узковкусовыми подходами к выбору языковых средств. Иными словами, это некий махровый традиционализм, дающий веру в то, что сам язык без каких-либо вмешательств выберет самое нужное, пропустив материал через мифические фильтры.

Такие разговорные варианты только засоряют литературный язык. К нашему счастью, коми газеты и журналы «Би кинь», «Чушканзі» эта «болезнь» пока ещё не затронула, а из-за их современной малотиражности литературные журналы не имеют большого влияния на коми читателя.

Вторая проблема касается языка средств массовой информации. Одним словом её можно назвать *небрежным, неаккуратным владением родным языком*. Недостаток этот у авторов и журналистов проявляется по двум причинам: 1) из-за плохого знания

норм коми литературного языка, 2) в силу создания устных и письменных произведений на скорую руку, особо не думая. Достаточно часто в газетах и журналах появляются и совсем не свойственные литературному языку словоупотребления или явные ошибки.

Примеры: *Сюрс ёкмыссё дас кум вося июль ёкмысод лунё, середаё, Пульхерия вайис тйёс* (В. Напалков). 'Девятого июля года тысяча девятьсот тринадцать, в среду, Пульхерия родила сына'; *Эз кё сьёлёмой муслунён тэ вёсна вись, Ме бы тэ динё сэки эг воля* (Г. Попова). 'Если бы к тебе любовью сердце не болело, Я бы никогда к тебе и не приду'; *Талунсянь республика-ын уджалё МЧС-лөн программа сто двенадцать, кодй вежё быдёнлы тёдса нин ноль один, ноль два, ноль три телефон номеръяс* (радио «Коми гор»). 'С сегодняшнего дня в республике начинает работать программа МЧС сто двенадцать, которая заменяет уже всем знакомые телефонные номера ноль один, ноль два, ноль-три'.

Не может не вызывать озабоченности распространенный в языке наших журналистов буквальный перевод устойчивых конструкций из русского языка, которые говорящему по коми человеку чужды, например, из сюжетов телепередачи «Талун»: *Ми ставсё вёчам сынёд вылын*. 'Букв. Мы всё делаем на воздухе' (об акробатических упражнениях на открытом воздухе); *Школаса кабинетъясин сулалё краска дук*. 'Букв. В кабинетах школы стоит запах краски'.

Подытожить хотелось бы актуальным для сегодняшнего дня вопросом. Как в дальнейшем будет меняться наш литературный язык? Есть два прогноза: пессимистичный и оптимистичный. В первом случае литературный коми язык перестанет следовать норме и превратится в язык, похожий по вариативности на язык XIX века. Для осуществления оптимистичного прогноза пред-

стоит сделать очень многое. Эффективности можно будет добиться только тогда, когда коми интеллигенция общими усилиями улучшит ситуацию с функционированием литературного языка.

Это возможно при благоприятных экстралингвистических факторах: более эффективном преподавании коми языка в школах и вузах, при налаженной работе по просвещению носителей языка, организации курсов повышения квалификации журналистов комиязычных СМИ, подготовке квалифицированных переводчиков и редакторов, чего, к сожалению, в республике пока не делается (в Сыктывкарском госуниверситете нет соответствующих специализаций). Так, никогда ещё в республике не организовывались специальные курсы по повышению языковой квалификации комиязычных журналистов, сотрудников СМИ, использующих коми язык как основной. Лишь это уже о многом говорит.

Список использованной литературы и источников

Бараксанов Г. Г. История коми литературного языка и проблемы языковой нормы. Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиала АН СССР, вып. 158 / Г. Г. Бараксанов. – Сыктывкар, 1986.

Лыткин В. И. Древнепермский язык / В. И. Лыткин. – М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Лыткин В. И. 50 во коми литературной кывлы / В. И. Лыткин // Илья Вась Мый медся дона да муса. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. – С. 67–70.

Нерознак В. П. Языковая ситуация в России / В. П. Нерознак // Государственные и титульные языки России. Энциклопедический словарь-справочник. – М., 2002. – С. 5–19.

Цыпанов Е. А. Нарушения норм литературного языка в текстах комиязычных СМИ в аспекте лингвофутурологии: Доклад на расширенном заседании Ученого совета ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 5 / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар, 2015.

Чернова Светлана Николаевна

*Россия, г. Ижевск, КНУУР «Научно-исследовательский
институт национального образования»*

*Россия, г. Ижевск,
Удмуртский государственный университет*

СИСТЕМА ОЦЕНКИ ПЛАНИРУЕМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ УЧАЩИХСЯ ОСНОВНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ПО ПРЕДМЕТУ «РОДНОЙ (УДМУРТСКИЙ) ЯЗЫК»

Аннотация. В данной статье обосновывается важность и необходимость инновационных средств контроля знаний учащихся в связи со сменой системы образования со «знаниевой» на системно-деятельностную. Представлены основные методические средства контроля и оценки знаний учащихся основной и средней школы по удмуртскому (родному) языку, указана их эффективность.

Ключевые слова: система оценивания, контрольно-измерительные материалы, электронные формы учебников, родной (удмуртский) язык.

Оценка знаний, умений и навыков учащихся является важным структурным компонентом процесса обучения по всем школьным дисциплинам. Она должна осуществляться на протяжении всего периода обучения и совершенствоваться согласно требованиям образовательного стандарта.

Потребность в эффективных способах организации оценочной деятельности учителя и учащихся актуальна и по предмету «Родной (удмуртский) язык». Для педагогов необходима база методических средств, позволяющих использовать в работе универсальную систему оценивания достижений учащихся по родному языку. В качестве таких средств по удмуртскому языку

можно выделить учебно-методические пособия с контрольно-измерительными материалами (далее КИМ) и электронные формы учебников (далее ЭФУ).

Учебно-методические пособия с контрольно-измерительными материалами. КИМ-ы по удмуртскому языку предназначены для осуществления контроля и оценки планируемых предметных результатов освоения учащимися общеобразовательной школы программы по родному (удмуртскому) языку. В соответствии с целями обучения родному (удмуртскому) языку в основной и средней школе в содержание контрольно-измерительных материалов включены комплексные проверочные работы для тематической и текущей проверки и оценки результатов освоения программы по удмуртскому языку: владение всеми видами речевой деятельности, умение применять их на практике; владение читательскими умениями самостоятельной работы с литературой разных стилей и жанров; умение определять различные тексты по типу, стилю, жанру речи; умение составлять разнообразные по типу, стилю, жанру собственные тексты; формирование аналитических умений в отношении языковых единиц и текстов разных функционально-смысловых типов и жанров; умение производить многоаспектный анализ текста: композиционно-содержательный (определение темы, главной мысли текста, выделение микротем и др.); стилистический (обоснование принадлежности текста к определенному стилю речи, выделение характерных для стиля языковых средств и стилистических приемов); типологический (выделение в тексте ведущего типа речи, указание на сочетание в тексте различных типовых фрагментов); языковой анализ отдельных элементов текста (фонетический, орфоэпический, словообразовательный, лексический, морфологический разбор; синтаксический анализ словосочетаний и предложений) и т. д. (Контрольно-измерительные материалы, 5–11 классы).

КИМ-ы прошли апробацию в образовательных организациях Удмуртской Республики, на базе инновационных площадок института национального образования Удмуртской Республики. Результаты апробации свидетельствуют о том, что КИМ-ы по своей структуре и содержанию соответствуют требованиям образовательного стандарта, предлагаемое в каждом варианте количество работ оптимальное, задания соответствуют образовательному уровню учащихся. Ошибки учащихся в выполнении некоторых типов заданий (постановка знаков препинания, определение грамматической основы предложения, затруднения в аргументированном изложении своих мыслей на родном языке) указывают на то, что особенно сложно дается учащимся в изучении родного языка и, следовательно, чему следует уделять больше внимания.

Электронные формы учебников. В последнее время становится актуальным использование в учебном процессе электронных образовательных ресурсов. Использование интерактивных элементов сегодня возможно и на уроках удмуртского языка, благодаря использованию в учебном процессе ЭФУ «Удмурт кыл». Их применение не только повышает качество обучения по данному предмету, но и позволяет контролировать деятельность учащихся, увеличивает темп работы на уроке, дает возможность решать одновременно несколько задач, в том числе проводить контроль и самоконтроль планируемых предметных и метапредметных результатов.

Применение ЭФУ возможно для проведения разнообразных видов контроля (предварительного, текущего, тематического, итогового), кроме того, благодаря ЭФУ, можно говорить о появлении новой формы контроля знаний учащихся – компьютерная проверка (автоматизация процедуры оценивания).

В качестве средств оценивания данные ЭФУ обогащены аудиотекстами для проведения диктантов, подробных и творческих изложений; возможностью анализа различных текстов (с точ-

ки зрения фонетических, лексических, грамматических и стилистических особенностей); наличием упражнений-тренажёров, системы итогового контроля знаний и опцией «Гожтосьёс» («Заметки»), где учащиеся могут помещать свои творческие работы, эссе, сочинения. На этой странице учащиеся могут фиксировать оценку своей работы на занятии, а учитель может проконтролировать процесс обучения и корректировать свою педагогическую деятельность при необходимости (Электронные формы учебников, 5–11 классы).

Однако для использования ЭФУ «Удмурт кыл» в качестве одного из методических средств для осуществления диагностики усвоения учащимися образовательной программы образовательные организации должны иметь современное техническое оборудование: персональные компьютеры, ноутбуки или планшеты под управлением операционных систем Windows 10, Android и iOS, Интернет, а также интерактивную доску для работы в классе. Но ввиду того, что на данный период в наших образовательных учреждениях отсутствует необходимая техническая оснащённость, уроки контроля знаний учащихся проводятся преимущественно в демонстрационном режиме (проектируя задания с компьютера (или ноутбука) учителя на интерактивную доску (или проектор)). Также следует отметить, что использование ЭФУ в образовательной деятельности пока не является повсеместным, так как обучение по ЭФУ «Удмурт кыл» в нашей республике на данный момент осуществляется в рамках апробации данных ЭФУ, результаты которой свидетельствуют об эффективности ЭФУ как в процессе изучения нового материала, так и во время закрепления, оценки полученных знаний. Более подробно с преимуществами ЭФУ можно ознакомиться по материалам исследований научных сотрудников института национального образования [Бусыгина 2019: 458–464].

В заключении можно отметить, что в связи с процессами, связанными с модернизацией образования, меняются цели оценивания, и сама функция оценивания приобретает новый смысл. Сегодня оценивание должно быть направлено не просто на выявление недостатков, оно должно стать механизмом, обеспечивающим непрерывность процесса совершенствования качества образования. Применение в процессе обучения удмуртскому языку КИМ-ов и ЭФУ, на наш взгляд, предоставляет учителям возможность выстраивать процесс оценивания учащихся в этом новом ключе.

Список использованной литературы и источников

Бусыгина Л. В., Байтерякова Ю. Т. Электронный учебник по удмуртскому языку и литературе как элемент современной информационной образовательной среды: формирование ключевых компетенций / Л. В. Бусыгина, Ю. Т. Байтерякова // Вестник удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – Т. 29, вып. 4. – Ижевск, 2019. – С. 458–464.

Контрольно-измерительные материалы:

Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 11-тй класслы: Эскерон-дунъян ужъёсын учебно-методической пособие / Ю. Т. Байтерякова. – Ижкар, 2020. – 84 бам.

Малинина С. В. Удмурт кыл. 7-тй класслы: Эскерон-дунъян ужъёсын учебно-методической пособие / С. В. Малинина. – Ижевск: Издательство «Шелест», 2019. – 60 бам.

Чернова С. Н. Удмурт кыл. 10-тй класслы: Эскерон-дунъян ужъёсын учебно-методической пособие / С. Н. Чернова. – Ижкар, 2020. – 80 бам.

Широбокова С. Н., Ермокина Н. А. Удмурт кыл. 5-тй класслы: Эскерон-дунъян ужъёсын учебно-методической пособие / С. Н. Широбокова, Н. А. Ермокина. – Ижевск: Издательство «Шелест», 2019. – 56 бам.

Широбокова С. Н., Ермокина Н. А. Удмурт кыл. 6-тй класслы: Эскерон-дунъян ужъёсын учебно-методической пособие / С. Н. Широбокова, Н. А. Ермокина. – Ижевск: Издательство «Шелест», 2019. – 60 бам.

Широбокова С. Н., Тихонова Г. С. Удмурт кыл. 8-тй класслы: Эскерон-дунъян ужъёсын учебно-методической пособие / С. Н. Широбокова, Г. С. Тихонова. – Ижевск: Издательство «Шелест», 2019. – 56 бам.

Широбокова С. Н., Тихонова Г. С. Удмурт кыл. 9-тй класслы: Эскерон-дунъян ужъёсын учебно-методической пособие / С. Н. Широбокова, Г. С. Тихонова. – Ижевск: Издательство «Шелест», 2019. – 64 бам.

Электронные формы учебников:

Широбокова С. Н., Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 5-тй класслы: Удмурт кылэз тодйсь пинальёслы электрон учебник / С. Н. Широбокова, Ю. Т. Байтерякова; Огъя редакциез Н. И. Ураськиналэн.

Широбокова С. Н., Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 6-тй класслы: Удмурт кылэз тодйсь пинальёслы электрон учебник / С. Н. Широбокова, Ю. Т. Байтерякова; Огъя редакциез Н. И. Ураськиналэн.

Широбокова С. Н., Байтерякова Ю. Т., Тихонова Г. С. Удмурт кыл. 7-тй класслы: Удмурт кылэз тодйсь пинальёслы электрон учебник / С. Н. Широбокова, Ю. Т. Байтерякова, Г. С. Тихонова; Огъя редакциез Н. И. Ураськиналэн.

Широбокова С. Н., Байтерякова Ю. Т., Тихонова Г. С., Тимерханова Н. Н. Удмурт кыл. 8-тй класслы: Удмурт кылэз тодйсь пинальёслы электрон учебник / С. Н. Широбокова, Ю. Т. Байтерякова, Г. С. Тихонова, Н. Н. Тимерханова; Огъя редакциез Н. И. Ураськиналэн.

Широбокова С. Н., Байтерякова Ю. Т., Тимерханова Н. Н. Удмурт кыл. 9-тй класслы: Удмурт кылэз тодйсь пинальёслы электрон учебник / С. Н. Широбокова, Ю. Т. Байтерякова, Н. Н. Тимерханова; Огъя редакциез Н. И. Ураськиналэн.

Чернова С. Н., Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 10–11-тй классёслы: Удмурт кылэз тодйсь пинальёслы электрон учебник / С. Н. Широбокова, Ю. Т. Байтерякова; Огъя редакциез Н. И. Ураськиналэн.

Научное издание

ПЕРМИСТИКА 18

Диалекты и история пермских языков
во взаимодействии с другими языками

Сборник статей в 2-х частях

Часть 1

Авторская редакция

Оригинал-макет и компьютерная верстка А. Ф. Семёнов

Подписано в печать 14.12.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 150 экз. Заказ № 20-80.

АНО «Ижевский институт компьютерных исследований»,
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1.
Тел./факс: +7 (3412) 50-02-95 E-mail: mail@rcd.ru

Отпечатано в цифровой типографии
АНО «Ижевский институт компьютерных исследований».